

ISSN 0131-6117

Рус-
RUSSIAN
СРЯ
SPEECH
речь

МОСКВА, 2024

ИЮЛЬ –
АВГУСТ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Деметьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Зав. редакцией: **М. А. Пузина**
Зав. отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волконка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»
Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2024

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2024

**JULY-
AUGUST**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Mikhail A. Osadchiy Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland
Maria A. Puzina Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Anna V. Zanadvorova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Maria A. Puzina
Editorial staff: Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... Д. Д. Белова. *Придет двое из ларца*: экспериментальное исследование вариативности согласования с квантифицированным подлежащим
- 20..... М. В. Боброва. *Семь шабуров, а одна одежда*: верхняя крестьянская одежда *шабур(а)*
- 34..... М. Л. Каленчук. Национальный словарный фонд: новые возможности и перспективы
- 42..... И. Б. Качинская. Кто такая *дединка*?
- 54..... Д. М. Савинов. Редукция безударных гласных до нуля в русском литературном языке и ее отражение в словарях

Из истории русского языка

- 63..... Ван Вэньцзюань. О некоторых общих номинациях лиц детского возраста в истории русского и китайского литературных языков
- 79..... Ю. Г. Захарова. О некоторых случаях отфраземной деривации существительных в языке и речи второй половины XIX в. (на материале эпистолярных текстов русских писателей)
- 90..... Л. Е. Кругликова. К истории слова *коновал*
- 108..... А. В. Сахарова. Термин «злорастворение» в богослужебных текстах: калькирование и переинтерпретация

Наука в лицах

- 121..... Н. К. Ониненко, Е. Н. Никитина. К 100-летию Галины Александровны Золотовой

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Daria D. Belova. Pridët Dvoje iz Larca: an Experimental Study of Variable Agreement with Quantified Subjects*
- 20..... *Maria V. Bobrova. Seven Shaburs, but One Garment: Peasant Outerwear Shabur(a)*
- 34..... *Maria L. Kalenchuk. National Dictionary Fund: New Opportunities and Prospects*
- 42..... *Irina B. Kachinskaya. Who Is Dedinka?*
- 54..... *Dmitry M. Savinov. Complete Reduction of Unstressed Vowels in the Standard Russian Language and its Reflection in Dictionaries*

From the History of the Russian Language

- 63..... *Wang Wenjuan. On Some Nominations of Children in the History of Russian and Chinese Languages*
- 79..... *Yuliya G. Zakharova. On Some Cases of Phrasemal Derivation of Nouns in Language and Speech of the Second Half of the 19th Century (Based on Epistolary Texts of Russian Writers)*
- 90..... *Ludmila E. Kruglikova. On the Etymology of the Word Konoval*
- 108..... *Anna V. Sakharova. Term ‘Zlorastvoreniye’ in Liturgical Texts: Loan Translation and Re-interpretation*

Science and Persons

- 121..... *Nadezhda K. Onipenko, Elena N. Nikitina. On the 100th Birthday Anniversary of Galina Aleksandrovna Zolotova*

***Придет двое из ларца:* экспериментальное исследование вариативности согласования с квантифицированным подлежащим**

Дарья Дмитриевна Белова, МГУ им. М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ (Россия, Москва),
dd.belova@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040019

АННОТАЦИЯ: В данной работе представлено экспериментальное исследование предикативного согласования по лицу и числу с двумя типами подлежащих — квантифицированных конструкций, содержащих личное местоимение. Мы с помощью двух синтаксических экспериментов по оценке предложений от 1 до 7 сравнили свойства элективной (*двое из нас*) и номинативной (*мы двое*) конструкций относительно предпочтительной формы глагола в двух конфигурациях: при предглагольном и заглагольном положении субъекта. В качестве квантификаторов сравнивались порядковые числительные и кванторное слово *все*. Результаты показывают, что порядок слов оказывает существенное влияние на приемлемость различных стратегий согласования. Для элективной конструкции при порядке «подлежащее — сказуемое» доступно согласование по лицу и числу квантификатора, а дефолтное согласование оценивается как значимо менее приемлемое, тогда как при порядке «сказуемое — подлежащее» между оценками двух вариантов согласования нет значимых различий. Для номинативной конструкции при «подлежащее — сказуемое» возможно только согласование по лицу

и числу местоимения, а при «сказуемое — подлежащее» все стратегии оцениваются как приемлемые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предикативное согласование, вариативность согласования, экспериментальный синтаксис, квантифицированные конструкции, равнопадажные конструкции

для цитирования: Белова Д. Д. *Придет двое из ларца*: экспериментальное исследование вариативности согласования с квантифицированным подлежащим // Русская речь. 2024. № 4. С. 7–19. DOI: 10.31857/S0131611724040019.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М. В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Issues of Modern Russian Language

Pridët Dvoje iz Larca: an Experimental Study of Variable Agreement with Quantified Subjects

Daria D. Belova, Lomonosov Moscow State University, HSE University (Russia, Moscow),
dd.belova@yandex.ru

ABSTRACT: This paper presents an experimental study of predicative agreement in person and number with two types of quantified subjects containing a personal pronoun. Using two syntactic experiments with a rating task (the Likert scale), we compared the properties of the elective (*dvoje iz nas* ‘two of us’) and nominative (*my dvoje* ‘us two’) constructions regarding the preferred form of the verb in two configurations: with the preverbal and the postverbal position of the subject. Ordinal numbers (from *dvoje* ‘two of’ to *semero* ‘seven of’) and the quantifier word *vse* ‘all’ were compared as well.

The results show that word order has a significant impact on the acceptability of different agreement strategies. For the elective construction, with the SV order, agreement by person and number of the quantifier is available, and the default agreement is rated as significantly less acceptable, while with the VS order, there are no significant differences between the ratings of the two agreement options. For a nominative construction with SV, only agreement by person and number of the pronoun is possible, while with VS, all strategies are rated as acceptable.

KEYWORDS: predicate agreement, agreement variability, experimental syntax, quantified constructions, homogeneous quantified constructions

FOR CITATION: Belova D. D. *Pridët Dvoje iz Larca*: an Experimental Study of Variable Agreement with Quantified Subjects. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 4. Pp. 7–19. DOI: 10.31857/S0131611724040019.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>

Не секрет, что в русском языке глагол-сказуемое согласуется с подлежащим по числу и роду или лицу; мы будем называть такое согласование предикативным, а подлежащее — контролером предикативного согласования. Хорошо известно также, что предикативное согласование может быть вариативным: при одном и том же подлежащем в определенных контекстах могут употребляться две или более формы сказуемого. Одним из таких подлежащих является квантифицированное, то есть подлежащее, которое содержит кванторное слово (например, числительное, наречие типа *много*, существительное типа *большинство* и др.). Вариативность в конфигурациях с квантифицированным подлежащим фиксируется в том числе в нормативных грамматиках, например в РГ-80 [Шведова (ред.) 1980: 241] и [Розенталь, Теленкова 1972: 285] (1). Факторы, влияющие на выбор той или иной формы, имеют долгую историю изучения [Patton 1969; Nichols et al. 1980; Corbett 1983].

(1) В комнату **вошло** / **вошли** пять человек.

Однако нельзя не отметить, что значительная часть существующих исследований рассматривает вариативность относительно (родо-)числового согласования с квантифицированными подлежащими, содержащими

имя или местоимение третьего лица, как в примере (1). Вместе с тем можно представить ситуацию, в которой квантифицированное подлежащее содержит местоимение с другим признаком лица, чем у кванторного слова (такое подлежащее будет называться *множественным контролером согласования по лицу*). Потенциально предикаты при таких подлежащих могут согласовываться и с кванторным словом, и с местоимением в составе конструкции. Насколько это возможно в русском языке и каковы ограничения согласовательной вариативности — это актуальный исследовательский вопрос.

Первым потенциальным ограничением, которое необходимо оговорить, выступает структура квантифицированной конструкции и статус местоимения в ней. Конструкции, где зависимое стоит в родительном падеже, как в (1), также называют падежно гетерогенными (*heterogeneous*), или генитивными, а сами кванторные слова — несогласующимися (*non-agreeing Q*), см. [Гращенков 2009]. В русском языке к ним относятся слова типа *много, несколько, большинство*. Другой тип — это т. н. падежно гомогенные (*homogeneous*), или номинативные, конструкции и согласующиеся кванторные слова (*agreeing Q*). К ним относятся *все, оба, каждый, один*. Кроме того, квантифицированная конструкция может содержать зависимое с предлогом *из* (2). Такие конструкции получили название элективных [Тестелец 2001]. В элективных (и генитивных) конструкциях местоимение будет иметь зависимый статус, тогда как в номинативных не так очевидно, где главное, а где — зависимое [Madariaga 2007].

(2) *Каждый / оба / большинство из них сдал(и) экзамен.*

Номинативные и элективные конструкции зачастую получают меньше внимания со стороны исследователей, чем генитивные, и еще реже обсуждается сравнение их свойств между собой в рамках одной работы. В данной статье мы хотим сравнить их относительно допустимых стратегий глагольного согласования с помощью методик экспериментального синтаксиса.

Согласование с квантифицированными конструкциями

Первым экспериментальным исследованием, в котором поднимался вопрос согласования по лицу и числу с квантифицированными подлежащими, содержащими местоимения, является [Мельник 2021]. Автор проводит синтаксический эксперимент — опрос носителей по шкале от 1 («плохое предложение») до 7 («хорошее предложение») с порядком слов в стимулах «подлежащее — сказуемое». Учитываемые факторы приведены в таблице ниже:

Табл. 1. Структура экспериментального исследования [Мельник 2021]

Table 1. The structure of the experimental study [Melnik 2021]

Факторы	Уровни
Квантификатор	<i>двое, никто, все, каждый</i>
Конструкция	элективная, номинативная
Зависимое местоимение	<i>мы/вы, они</i>
Форма предиката	3 л. ед. ч., 3 л. мн. ч., 1 л. мн. ч. / 2 л. мн. ч.

Суммарное количество экспериментальных условий получается довольно большим: 32 экспериментальных условия для настоящего времени. В связи с этим, чтобы облегчить процедуру для респондентов, автор отказывается от общепринятого количества целевых стимулов¹ и использует 64 экспериментальных блока. Примеры стимулов с квантификатором *двое* приведены ниже:

- (3) а. *Двое из нас дает чаевые официанту.*
б. *Двое из вас вручает медаль генералу.*
с. *Двое из нас приносят документы начальнику.*
д. *Вы двое предъявляете обвинение преступнику.*
е. *Мы двое жалуют звание военному.*
ф. *Двое из них предлагает кофе гостям.*
г. *Двое из них рекомендуют фильм киноманам.*
h. *Они двое портят настроение родителям.*

В эксперименте участвовали 53 респондента. Результаты показали, что для элективных конструкций согласование происходит с кванторным словом как с главным с словосочетанием (*Q из нас/них дают...*). Согласование с личным местоимением (*Q из нас даем...*), возможное в ряде языков (например, в турецком [Ince 2008]), в условиях эксперимента оказалось недоступно. Несмотря на это мы находим единичные его примеры в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] (4).

- (4) *Трое или четверо из вас **отправитесь** в Наймусё (Министерство Внутренних Дел) поговорить о миссийском месте; там с удовольствием потолкуют с вами об этом.* [Архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник (1904)]

Исследование А. А. Мельник позволяет составить общую картину, но оставляет важный вопрос для дальнейшей работы. В данных экспериментах фигурировали только предложения с порядком слов «подлежащее —

¹ О принципах дизайна в экспериментальном синтаксисе см. [Герасимова 2023].

сказуемое», однако сам порядок может оказаться фактором, влияющим на выбор стратегии согласования. Корпусные исследования, такие как [Patton 1969; Corbett 1983], сходятся в том, что заглазное положение подлежащего повышает частоту «нестандартных» стратегий согласования с генитивной конструкцией, например «дефолтную» форму 3 л. ед. ч. (среднего рода). Г. Корбетт [Ibid: 149] наглядно иллюстрирует эту закономерность следующей цитатой:

- (5) *Принято говорить, что человеку **нужно** только три аршина земли. Но ведь три аршина **нужны** трупу, а не человеку.* [А. П. Чехов. Человек в футляре (1898)]

Что касается номинативных конструкций (6b), существующие описания позволяют судить, что они допускают меньше вариативности в числовом согласовании, чем генитивные (6a), и не могут иметь при себе предикат единственного числа даже при порядке «сказуемое — подлежащее» [Гращенко 2009; Crockett 1976].

- (6) а. Так **работает** / **работают** / **работало** / **работали** пять французов.
 б. Так ***работает** / **работают** / ***работало** / **работали** все французы.

Таким образом, мы формулируем следующие вопросы для нашего исследования: (i) как влияет порядок слов на приемлемость различных стратегий согласования (по лицу местоимения, по лицу квантификатора, «дефолтное» 3 л. ед. ч.) для номинативной и элективной квантифицированных конструкций; (ii) воспроизведутся ли результаты нестандартного экспериментального исследования [Мельник 2021], проведенного на малой выборке.

Экспериментальное исследование

Дизайн и процедура

Поскольку нашей главной целью является проведение экспериментов с необходимым количеством стимулов (минимум 3 для каждого экспериментального условия) и респондентов, нам необходимо составить факторный дизайн с наименьшим возможным количеством условий, чтобы не перегружать эксперимент. В связи с этим мы выбрали два кванторных слова: собирательное числительное (от *двое* до *семь*) и местоимение *все*. Другими независимыми переменными выступали тип конструкции (элективная и номинативная), местоимение (*мы* и *они*) и форма предиката (1 л. мн. ч., 3 л. мн. ч. и 3 л. ед. ч.).

Мы разделили наше исследование на два эксперимента, идентичных по структуре и различающихся порядком слов в стимулах. В Таблице 2 продемонстрированы комбинации всех уровней независимых переменных для эксперимента с порядком слов «подлежащее — сказуемое».

Табл. 2. Структура экспериментального исследования

Table 2. The structure of the experimental study

		По местоимению (1 л. мн. ч. / 3 л. мн. ч.)		По кванторному слову (3 л. мн. ч.)		Дефолтное (3 л. ед. ч.)	
		элект.	номин.	элект.	номин.	элект.	номин.
<i>Двое</i>	<i>мы</i>	двое из нас придем	мы двое придем	двое из нас придут	мы двое придут	двое из нас придет	мы двое придет
	<i>они</i>	двое из них придут	они двое придут	(двое из них придут)	(они двое придут)	двое из них придет	они двое придет
<i>Все</i>	<i>мы</i>	все из нас придем	мы все придем	все из нас придут	мы все придут	—	—
	<i>они</i>	все из них придут	они все придут	(все из них придут)	(они все придут)	—	—

В стимульных предложениях использовались непереходные глаголы совершенного вида. Всего было создано 48 лексикализаций. Пример экспериментального блока для эксперимента с порядком слов «подлежащее — сказуемое» приведен в (7).

- (7) а. Семеро из нас [запишемся / запишутся / запишется] в спортивные секции.
б. Семеро из них [запишутся / запишется] в спортивные секции.
с. Мы семеро [запишемся / запишутся / запишется] в спортивные секции.
д. Они семеро [запишутся / запишется] в спортивные секции.
е. Все из нас [запишемся / запишутся] в спортивные секции.
ф. Все из них запишутся в спортивные секции.
г. Мы все [запишемся / запишутся] в спортивные секции.
х. Они все запишутся в спортивные секции.

В каждом экспериментальном листе также присутствовали 48 отвлекающих предложений, из них 24 — неграмматических², содержащих очевидные

² Отвлекающие предложения нужны для того, чтобы респодент, во-первых, не догадался о цели исследования, а во-вторых, получил примеры очевидно «хороших» и очевидно «плохих» предложений.

нарушения лично-числового согласования и падежного управления (например, *четверо из мальчик смастерят кормушкой для птиц*).

В качестве экспериментальной методики была выбрана оценка приемлемости стимула по шкале от 1 («очень плохое предложение») до 7 («очень хорошее предложение»). Эксперименты были реализованы на платформе «PCibex Farm» [Zehr & Schwarz 2022].

Результаты

Привлечение респондентов происходило на краудсорсинговой платформе «Яндекс.Толока». Первым шагом обработки является приведение оценок по шкале к нормальной форме³, чтобы сгладить различия в индивидуальных особенностях использования шкалы [Schütze & Sprouse 2014]. Для анализа результатов использовались линейные смешанные модели (ЛСМ). В наших ЛСМ в качестве случайных эффектов были добавлены уникальный номер респондента и порядковый номер предложения-стимула. В качестве фиксированных эффектов выступали четыре независимых переменных: кванторное слово, тип конструкции, форма предиката и местоимение. Далее проводилось апостериорное попарное сравнение условий с применением критерия Тьюки.

Эксперимент с порядком слов «подлежащее – сказуемое»

Первый эксперимент прошли 98 респондентов. После отсева «аутлаеров» для анализа остались ответы 87 человек (возраст 29–69, ср. 39):

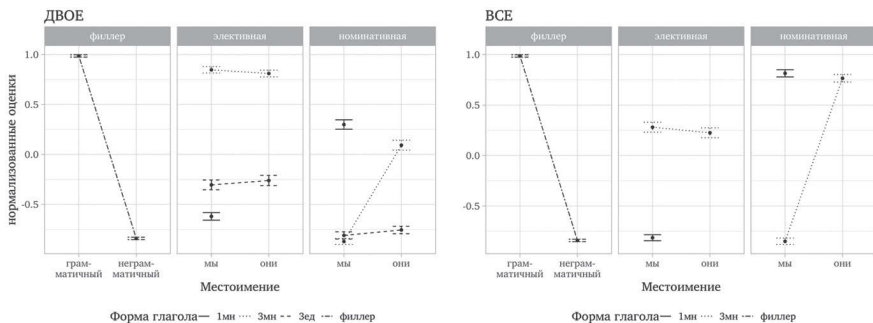

Рис. 1. Нормализованные оценки эксперимента с порядком слов «подлежащее – сказуемое»

Fig. 1. Z-scores of the experiment with the Subject – Verb word order

Обратимся к статистике. Формула ЛСМ приведена в (8). В рамках данной модели эффект кванторного слова значим в пользу «двое» ($\beta = -0,2$,

³ $Z_{ij} = (X_{ij} - X_i) / \sigma_i$, где Z_{ij} — нормализованная оценка (z-оценка), X_{ij} — исходная оценка, X_i — среднее выборочное всех оценок респондента i , σ_i — стандартное отклонение всех оценок респондента i .

SE = 0,06, $p = 0,0005$); эффект типа конструкции значим в пользу номинативной ($\beta = 0,92$, SE = 0,06, $p < 0,001$); эффект местоимения незначим ($\beta = 0,04$, SE = 0,06, $p = 0,45$).

(8) (zscores ~ 1 + кванторное_слово * конструкций * форма_предиката * местоимение) + (1 + verb + pronoun | ID)

Таким образом, эксперимент с порядком «подлежащее — сказуемое» показывает следующие результаты. Для элективной конструкции наилучшим оказывается согласование по кванторному слову (3 л. мн. ч., *Q из нас/них придут*); согласование по лицу местоимения (1 л. мн. ч., *Q из нас придем*) невозможно. Для номинативной конструкции, напротив, единственным возможным оказывается согласование по лицу местоимения (*мы Q придем / они Q придут*). Дефолтное согласование доступно только при элективной стратегии квантора, но получает значимо более низкие оценки, чем согласование по кванторному слову.

Эксперимент с порядком слов «сказуемое — подлежащее»

Второй эксперимент прошел 121 человек; после отсева «аутлаеров» остались ответы 112 респондентов (возраст 18–66, ср. 38,35):

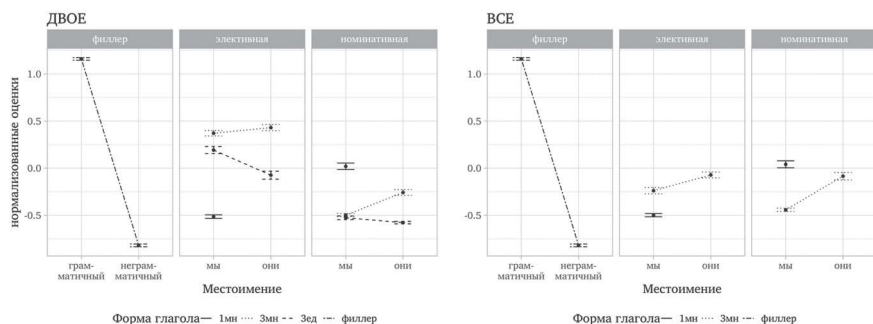

Рис. 2. Нормализованные оценки эксперимента с порядком слов «сказуемое — подлежащее»

Fig. 2. Z-scores of the experiment with the Verb – Subject word order

Формула ЛСМ следующая (9). В рамках данной модели эффект кванторного слова незначим ($\beta < 0,001$, SE < 0,001, $p = 0,914$); эффект конструкции значим в пользу номинативной ($\beta < 0,001$, SE < 0,001, $p = 0,0002$); эффект местоимения незначим ($\beta < 0,001$, SE < 0,001, $p = 0,07$).

(9) (zscores ~ 1 + кванторное_слово * конструкций * форма_предиката * местоимение) + (1 | ID) + (1 | sentence)

Соответственно, результаты эксперимента с порядком слов «сказуемое — подлежащее» можно суммировать следующим образом. Для

элективной конструкции согласование по кванторному слову (3 л. мн. ч., *придут Q из нас/них*) и дефолтное (3 л. ед. ч., *придет Q из нас/них*) оцениваются на одном уровне. Кванторные слова при этом различаются по своему поведению: для собирательных числительных согласование по местоимению оценивается значимо ниже, для *все* — незначимо. Для номинативной конструкции согласование по местоимению (1 л. мн. ч., *придем мы Q*) получает несколько более высокие оценки, а согласование по кванторному слову (*придут мы Q*) и дефолтное (*придет мы Q*) оцениваются на одном уровне.

Обсуждение

Сравним результаты двух проведенных экспериментов. Во-первых, при порядке «сказуемое — подлежащее» по сравнению с «подлежащее — сказуемое» наблюдается более низкий общий уровень оценок. Это ожидаемо: в условиях предъявления без контекста предложения с информационной структурой, отличающейся от «базовой», зачастую оцениваются носителями ниже. Вместе с этим при порядке «сказуемое — подлежащее» самые низко оцененные условия оказываются выше неграмматичных филлеров. Иными словами, заглавольное положение субъекта — контролера согласования повышает приемлемость тех стратегий согласования, которые при предглавольном положении являются абсолютно невозможными. С помощью экспериментальных методов такие же эффекты были зафиксированы для других конфигураций с множественным контролем, в частности для предикативного согласования с сочиненным подлежащим [Белова, Давидюк 2022].

Во-вторых, мы можем сделать выводы о различиях между двумя типами квантифицированных конструкций. В элективной конструкции согласование с зависимым местоимением, возможное в ряде языков, для русского оказывается абсолютно неприемлемым при порядке слов «подлежащее — сказуемое» и маргинально приемлемым с оценками ниже, чем для всех остальных форм, при порядке «сказуемое — подлежащее». Для номинативной конструкции наиболее вероятным контролером согласования, напротив, становится местоимение. Любопытно, что дефолтное согласование при обоих порядках слов более приемлемо с элективной конструкцией (*Q из нас/них придет*), чем с номинативной (*мы/они Q придет*). Строго говоря, ни в том, ни в другом случае в составе подлежащего нет ни одного элемента с признаками 3-го лица единственного числа, поэтому такое различие требует дальнейших исследований.

В-третьих, эксперименты обнаруживают различия в свойствах кванторных слов. Для собирательных числительных при любом порядке слов

элективная конструкция оказывается предпочтительнее номинативной. Для кванторного слова *все* при порядке «подлежащее — сказуемое» номинативная конструкция оценивается выше элективной, тогда как при порядке «сказуемое — подлежащее» различий между конструкциями нет. Источники этих различий потенциально могут быть связаны с типами кванторных слов: собирательные числительные относятся к несогласующимся, тогда как *все* — к согласующимся.

Важным заключением также оказывается то, что наш эксперимент с порядком слов «подлежащее — сказуемое» на большей выборке воспроизвел результаты [Мельник 2021]. Это, вероятно, говорит о том, что в исследуемых конфигурациях наблюдается небольшая вариативность среди суждений носителей, поэтому полученные выводы можно считать надежными. Однако необходимо понимать, что такой результат нельзя считать универсальным: в конфигурациях с бóльшим разбросом мнений малого количества наблюдений для каждого условия может оказаться недостаточно для достоверных статистических обобщений. Кроме того, в случайно взятой выборке могут оказаться группы респондентов с различными грамматическими профилями [Герасимова, Лютикова 2022].

Литература

- Белова Д. Д., Давидюк Т. И. Согласование с сочиненным подлежащим, содержащим личное местоимение: экспериментальное исследование на материале русского языка // *Rhema. Рема*. 2022. №2. С. 53–88.
- Герасимова А. А. Количественные методы исследования грамматических ограничений (на материале вариативного согласования в русском языке): дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2023. 425 с.
- Герасимова А. А., Лютикова Е. А. Лингвистический эксперимент на платформе Яндекс.Толока: оценка исследовательских возможностей // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2022. Т. 78. № 1. С. 175–206.
- Гращенков П. В. Дрейф квантора как свидетельство существования партитивной проекции в именной группе // *Корпусные исследования по русской грамматике* / ред. К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов. М.: Пробел, 2009. С. 397–425.
- Мельник А. А. Предикативное согласование в конструкциях с управляющими квантификаторами в русском языке (экспериментальное исследование): выпускная квалификационная работа бакалавра / МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 2021. 63 с.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.02.2024).
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Практическая стилистика русского языка. М.: Прогресс, 1972. 400 с.

- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Грамматика современного русского языка. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1970. 709 с.
- Corbett G. Hierarchies, Targets and Controllers: Agreement Patterns in Slavic. London & Canberra: Croom Helm, 1983. 260 p.
- Crockett D. Agreement in contemporary standard Russian. Cambridge, MA: Slavica Publishers, 1976. 456 p.
- Ince A. On default agreement in Turkish // Proceedings of WAFL-4, Harvard University, Boston, MA / ed. by C. Boeckx, S. Ulutas. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://ling.auf.net/lingbuzz/000624> (дата обращения: 27.02.2024).
- Madariaga N. Russian patterns of floating quantification: (Non-) Agreeing Quantifiers // Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages (Potsdam Linguistic Investigations) / ed. by P. Kosta, L. Schürcks. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2007. Pp. 267–281.
- Nichols J., Rappaport G., Timberlake A. Subject, Topic and Control in Russian // Proceedings of the Sixth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1980. Pp. 372–386.
- Patton H. A Study of the Agreement of the Predicate with a Quantitative Subject in Contemporary Russian: PhD dissertation. University of Pennsylvania, 1969. 180 p.
- Schütze C. T., Sprouse J. Chapter 3: Judgment data // Research methods in linguistics / ed. by D. Sharma, R. Podesva. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 27–50.
- Zehr J., Schwarz F. PennController for Internet Based Experiments (IBEX). [Электронный ресурс]. URL: <https://osf.io/md832/> (дата обращения: 27.02.2024).

References

- Belova D. D., Davidyuk T. I. [Agreement with coordinated subjects containing a personal pronoun: Experimental data from Russian]. *Rhema. Rema*, 2022, no. 2, pp. 53–88. (In Russ.)
- Corbett G. *Hierarchies, Targets and Controllers: Agreement Patterns in Slavic*. London & Canberra, Croom Publ., 1983. 260 p.
- Gerasimova A. A. *Kolichestvennye metody issledovaniya grammaticheskikh ogranichenii (na materiale variativnogo soglasovaniya v russkom yazyke)*. Dis. ... kand. filol. nauk [Quantitative methods for studying grammatic limitations (on the material of variative agreement in the Russian language). Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2023. 425 p.
- Gerasimova A. A., Lyutikova E. A. [Linguistic experiment on the platform Yandex.Toloka: assessment of research opportunities]. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2022, vol. 78, no. 1, pp. 175–206. (In Russ.)
- Grashchenkov P. V. [Quantifier float as an evidence of the partitive projection in noun phrase]. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. K. L. Kiseleva, V. A. Plungyan, E. V. Rakhilina, S. G. Tatevosov (eds.). Moscow, Probel Publ., 2009, pp. 397–425. (In Russ.)

- Ince A. On default agreement in Turkish. *Proceedings of WAFL-4, Harvard University, Boston, MA*. C. Boeckx, S. Ulutas (eds.). Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. Available at: <https://ling.auf.net/lingbuzz/000624> (accessed 27.02.2024).
- Madariaga N. Russian patterns of floating quantification: (Non-) Agreeing Quantifiers. *Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages (Potsdam Linguistic Investigations)*. P. Kosta, L. Schürcks (eds.). Frankfurt am Main, Peter Lang, 2007, pp. 267–281. (In Eng.)
- Mel'nik A. A. *Predikativnoe soglasovanie v konstruktsiyakh s upravlyayushchimi kvantifikatorami v russkom yazyke (ehksperimental'noe issledovanie)*. Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota bakalavra [Predicate agreement in constructions with governing quantifiers in Russian (an experimental study). Bachelor's thesis]. Moscow, 2021. 63 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 27.02.2024).
- Nichols J., Rappaport G., Timberlake A. Subject, Topic and Control in Russian. *Proceedings of the Sixth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1980, pp. 372–386. (In Eng.)
- Patton H. *A Study of the Agreement of the Predicate with a Quantitative Subject in Contemporary Russian*. PhD dissertation. University of Pennsylvania, 1969. 180 p.
- Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka*. [Applied stylistics of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1972. 400 p.
- Schütze C. T., Sprouse J. Chapter 3: Judgment data. *Research methods in linguistics*. D. Sharma, R. Podesva (eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 2014, pp. 27–50. (In Eng.)
- Shvedova N. Yu. (ed.) *Grammatika sovremennogo russkogo yazyka. Tom II. Sintaksis* [Grammar of the Russian language. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 709 p.
- Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis*. [Introduction to syntax]. Moscow, RSUH Publ., 2001. 798 p.
- Zehr J., Schwarz F. *PennController for Internet Based Experiments (IBEX)*. Available at: <https://osf.io/md832/> (accessed: 27.02.2024).

Семь шабуров, а одна одежда: верхняя крестьянская одежда шабур(а)

Мария Владимировна Боброва, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), bomaripgu@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040028

АННОТАЦИЯ: В отдельном исследовании впервые рассматривается диалектная лексема *шабур(а)*, называющая верхнюю крестьянскую одежду из грубого дотканого материала. В словарях литературного языка под этим «областным» словом предлагается понимать ‘легкий кафтан’, однако диалектные данные свидетельствуют о неполноте такого толкования. Обнаружено, что данная лексема обладает разветвленной системой значений. Могут реализовываться обобщенные лексико-семантические варианты ‘повседневная верхняя одежда’, в том числе ‘одежда демисезонная’, ‘мужская/женская верхняя одежда’, ‘поношенная, рваная верхняя одежда’, ‘поношенная повседневная верхняя одежда, используемая как рабочая’. Однако чаще под *шабуром* понимается одежда из определенного материала, обладающая специфичным покроем. Так, преимущественно на Урале это одежда из грубой холщовой ткани, в Сибири — из грубой ткани, в которой холщовые (льняные) нити основы переплетались шерстяным утком. В разных традициях крайне вариативен фасон изделия, различаются следующие элементы: силуэт (прямой/расклешенный, свободный/приталенный, со сборками / без сборок вокруг талии / со спины), длина (длинный / до колен / короткий), способ застегивания (запашной/застегивающийся, однобортный/двубортный), воротник (отсутствует / стойка / отложной, узкий / широкий), подклад (отсутствует / до талии). Комбинируясь в разных вариациях, эти особенности обеспечили (а) мозаичность

локальных вариантов такой традиционной одежды при сохранении общности наименования, (б) специфику развития семантики. Отмечаются новые значения слова *шабур(а)* и его многочисленных производных, словоупотребления в пословицах и загадках, актуализирующие семы ‘наружный’, ‘грубый, жесткий’, ‘плохо защищающий от холода’, ‘очень бедный’. Сделан вывод о том, что в силу широкого этносоциокультурного контекста функционирования реалий и их названия лексема *шабур(а)* обладает значительной вариативностью денотативной основы, затрудняющей определение объема ее понятийного содержания и семантической структуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская диалектная лексика, верхняя крестьянская одежда, *шабур(а)*, семантическая структура, дифференциальные признаки

для цитирования: Боброва М. В. Семь шабуров, а одна одежда: верхняя крестьянская одежда *шабур(а)* // Русская речь. 2024. № 4. С. 20–33. DOI: 10.31857/S0131611724040028.

Issues of Modern Russian Language

Seven Shaburs, but One Garment: Peasant Outerwear Shabur(a)

Maria V. Bobrova, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg), bomaripgu@yandex.ru

ABSTRACT: The study considers a dialect lexeme *shabur(a)*, which refers to peasant outerwear made of coarse homespun material. In the dictionaries of the literary language, it is defined as a “light caftan”, but dialect materials indicate the incompleteness of such interpretation. The study argues that the lexeme *shabur(a)* has a broad system of meanings, including ‘demi-season clothing’, ‘men’s/women’s outerwear’, ‘worn, torn outerwear’ or ‘worn casual outerwear used for work’.

However, we often use the word *shabur(a)* to describe a garment of a specific cut made of a certain material. For instance, mainly in the Urals this word was used to denote clothes made of coarse canvas fabric, in Siberia — from

coarse fabric in which canvas (linen) warp threads were intertwined with wool weft.

In different traditions, the style of the product is extremely variable. Such elements may differ: silhouette (straight / flared, loose / fitted, with or without assemblies around the waist / from the back), length (long / knee-length / short), ways of buttoning (buttoned / non-buttoned, single-breasted / double-breasted), collar (absent / stand / turn-down, narrow / wide), lining (absent / up to the waist). Combined in different variations, these features provided a) the mosaicism of local variants *shabur(a)* while preserving the common name, b) the specifics of the semantics development. The study indicates New meanings of the word *shabur(a)* and its numerous derivatives, word usage in proverbs and riddles, actualizing the semes 'outer', 'rough, hard', 'badly protecting from the cold', 'very indigent'.

The article concludes that due to the broad ethno-socio-cultural context of the realia and their names, the lexeme *shabur(a)* has a significant variability of the denotative basis, which makes it difficult to determine the scope of its conceptual content and semantic structure.

KEYWORDS: Russian dialect vocabulary, upper peasant clothing, *shabur(a)*, semantic structure, differential signs

FOR CITATION: Bobrova M. V. *Seven Shaburs, but One Garment: Peasant Outerwear Shabur(a)*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 4. Pp. 20–33. DOI: 10.31857/S0131611724040028.

Исследование названий крестьянской одежды имеет длительную историю — от первых записок путешественников XVIII в. до наиболее современных диссертационных работ¹. Теперь это одна из самых изученных тематических групп. В то же время даже к настоящему моменту изучена далеко не вся лексика, а процессы развития науки в целом и лингвистики в частности открывают все новые направления научного поиска. Несмотря на большое количество уже проведенных на материале названий одежды исследований, такие работы по-прежнему актуальны, особенно в свете отсутствия обобщающего лингвистического труда.

¹ См., например, труды этнографов Е. Э. Бломквист, А. А. Лебедевой, Г. С. Масловой, Н. П. Гринковой, этимологов и историков языка Ю. В. Откупщикова, О. Н. Трубачева, П. Я. Черных, этнолингвистов Е. Л. Березович, Л. Н. Виноградовой, Т. В. Леонтьевой, А. В. Тихомировой, С. М. Толстой и многих других.

Объектом исследования в настоящем случае стала лексема, до сих пор обойденная вниманием лингвистов, — *ша́бу́р(а)*². «Словарь современного русского литературного языка» и «Большой толковый словарь» определяют это слово как «областное» и предлагают дефиницию ‘верхняя крестьянская одежда в виде легкого кафтана из домотканой материи’ [Ковтун, Петушков (ред.) 1965: стб. 1228; Кузнецов (ред.) 2008: 1488]. Однако диалектные словари, их картотеки, особенно в исторической перспективе, показывают явную ограниченность такого представления о шабуре. Этот вывод подтверждают этнографические источники (например, [Токарев (отв. ред.) 1956; Кушнер (отв. ред.) 1960; Маковецкий, Маслова (отв. ред.) 1971]), информация на справочных сайтах³ и т. д. В этом позволяет убедиться и картотека «Словаря русских народных говоров», включающая данные с начала XIX в., в том числе большое количество современных диалектных словарей, и послужившая источником материалов для настоящей статьи.

Лексема *ша́бу́р(а)* имеет неславянское, вероятнее всего тюркское происхождение. М. Фасмер возводит ее к чувашскому *şəbər*, татарскому (в тобольском диалекте) *şabur* ‘рабочий армяк’, которые проникли также в пермские и угорские языки [Фасмер 1987: 392]. А. Е. Аникин считает отношение фактов финно-угорских языков к тюркскому первоисточнику «не совсем ясным» [Аникин 2000: 682], однако можно предположить, что на Урале и в Сибири усвоение тюркского слова было опосредовано русскими говорами, что подтверждается формой заимствований, ср.: *şəbər* в марийском языке, соседствующем и тесно взаимодействующем с чувашским, — и коми, удмуртское, хантыйское *şabur*.

Слово это отмечается в памятниках письменности, ср. в пермском памятнике 1710 г. со значением ‘верхняя одежда, род зипуна или балахона из грубого домотканого холста’: *Шабур холщевой... два шабура шиты шелком* [Полякова 2010: 406]. Оно обнаруживается в песне-небылице «Агафонушко» в сборнике Кириши Данилова, певца-импровизатора, который записал исполнявшиеся им песни в период после 1742 г.: *Высоко ли там кобыла в шебуре летит...* [Шеффер (ред.) 1901: 111].

Затем слово фиксируется не позднее, чем с 1819 г., с очень разнообразной семантикой. Уже с того времени отмечается употребление слова в обобщенных значениях: ‘повседневная верхняя одежда’ (с грамматическим значением собирательности либо единичности), в том числе

² В разных говорах Русского Севера, Урала и Сибири лексема употребляется как слово мужского либо женского рода, с разным ударением, в вариантах *шабур(а)* / *шабурт* / *шебур* / *шибур* / *шобур* / *шубур* / *шабор*. Для упрощения формулировок далее оперируем вариантом «шабур».

³ См., например: Шабур // Культурное наследие Югры: Электронная антология. URL: <http://hmao.kaisa.ru/object/1809403839?lc=ru> (дата обращения: 04.10.2023).

‘одежда демисезонная’; ‘мужская/женская верхняя одежда’; ‘поношенная, потерявшая вид, рваная верхняя одежда’; ‘поношенная повседневная верхняя одежда, используемая как рабочая’, в том числе из плотной ткани или покрытая холстом. Со временем развилось наименее дифференцированное значение ‘один предмет одежды’ (ср.: *Шабуров-то сколь на тебе!* Тугулым. **Свердл.**⁴; *Погляди, сколько на себя насдевала шабуров, тепло чтоб было.* Соликам. **Перм.**). Можно отметить тенденцию к закреплению слова *шабур* в предельно обобщенном значении в устойчивых выражениях, ср.: *Шабуров-то насдевала двадцать, как ты и ходишь. Не жарко?* [Картотека 1], где выражение *двадцать шабуров* «имеет шуточную окраску: люди, одетые не по погоде (слишком тепло или, наоборот, легко), вызывают насмешку, осуждение, так как одежда, не соответствующая погоде, может привести к болезни» [Зверева 2019: 136]. Аналогично сочетание *семьдесят семь шабуртов*: *Ты на меня не гледи, на мне семьдесят семь шабуртов, дак я не зебу* [не мерзну]. Чердын. **Перм.** [Зверева, Русинова, Черных 2019: 44].

Очевидна необходимость отличать шабур от множества других распространенных видов верхней одежды у крестьян, ср.: *азям, балахон, зипун, кабат, капотка, кафтан, козляк, однорядка, пониток, сарженник, сермяга, шинель, шоданик, яргач* и др. Однако это не всегда возможно, даже с опорой на показания информантов, ср.: 1) в перечнях верхней крестьянской одежды в списках собирателей по Программе Академии наук либо Московской диалектологической комиссии (конец XIX — начало XX века): «...летник, шабур, кафтан, сибирка...». Нолин. **Вят.**; «Зипун, азам, тулуп, шубка, армяк, шабур, чепан, бекешка...». Орл. **Вят.** и под.; 2) в диалектных записях: *Шабур и сермягами звали, одно и то же, а названия разные.* Кыштов., Сев. **Новосиб.**; *Что пониток, что шабур — всё одно.* Прокоп. **Кемер.**; *Шабур, пониток — одно и то же, делали из холста и одевали в дождь на верхнюю одежду.* Шегар. **Том.**; *Шабур такой выткнут, сошьют, шабур как зипун.* Ордын. **Новосиб.** Нередко иллюстрации позволяют выделить только ядерное значение слово *шабур(а)* (‘верхняя одежда из грубой ткани’), отражающее, скорее, родо-видовую характеристику такого одеяния. Но, как правило, собиратели и авторы словарей предлагают более узкие толкования.

В большинстве диалектных записей шабур — это повседневная одежда. Нечасто, по сведениям собирателей, ее могли надевать и по праздникам, но в этом случае одежду окрашивали и (или) украшали: *Обошьешь шинель стару портяниной и носишь в будни, вот тебе и шабур, а езлиф*

⁴ Административно-территориальная принадлежность населенных пунктов указана на момент фиксации диалектных слов.

окрасят, то и по праздникам носили. Нижнеилим. **Иркут.**; «Воротник праздничного шабура отделялся бейкой, углы пол — вышивкой». Братск., Танг. **Иркут.** [Маслова 1971: 170]; в Пермском крае праздничный холщовый шабур окрашивали в синий цвет, украшали вышивкой белыми нитками по воротнику и рукавам [Рогов 1860: 5]. Но это было редкостью. Более того, часто это была не просто повседневная, а рабочая одежда или старая поношенная одежда, используемая как рабочая, причем такая ее особенность стала основой для развития семантики. Так, в Хабаровской области шабуром стали называть домашний рабочий халат, в Новосибирской области — домашнюю рабочую куртку или пиджак, в Архангельской, Пермской, Томской областях — рабочий халат, который надевается поверх другой одежды (в Архангельской области — иногда только женскую такую одежду). В Красноярском крае особенности ее использования зависели от времени года: летом она надевалась поверх одежды, предохраняя ее от грязи, а зимой — под шубу, для лучшего сохранения тепла.

В некоторых местах различали шабур мужской и женский. Естественно, что женский при этом был «привлекательнее», сложнее в изготовлении и обычно короче мужского, ср.: «Женский шабур сходен с мужским, но отличается тем, что у него назади больше боров, бывает короче, не ниже колена, напереди застегивается одной-двумя пуговицами или завязывается нитяными завязками». Соликам. **Перм.** [Рогов 1860: 12]; «Иногда ткань утапывали ногами в корыте с горячей водой. В результате этой операции портяная основа закатывалась, ткань сильно уплотнялась и делалась пушистой (в с. Иевлево женские шабуры из сукманины [т.е. грубого сукна домашнего изготовления — М. Б.] так и называли “топтаные”»». Ярков. **Тюмен.** [Лебедева 1992: 48].

Наиболее значимые различия наблюдаются в типе ткани и в особенностях покроя.

В некоторых говорах шабуром называли легкую одежду, которую носили в теплую часть года — с весны по осень, иногда она служила поддевкой под более теплой одеждой в холодное время. Шилась она из домотканого холста, который мог использоваться в натуральном виде (белым) либо окрашенным (обычно в темные цвета: черный или синий). В Хакасии шабур — это также стеганая холщовая одежда. Данные картотеки СРНГ говорят о том, что холщовые шабуры носили главным образом на Урале, хотя имеются отдельные фиксации на Русском Севере и в Сибири.

Значительное количество диалектных записей свидетельствует о том, что шабур — одежда из сукна либо (чаще) ткани, в которой холщовые нити основы переплетались шерстяным утком (этим такая ткань отличается от полушерстяной, изготавливаемой из смесовых ниток: *полушерстяной* —

‘шерстяной с примесью других волокон (хлопка, шелка и т. п.)’ [Герд (ред.) 2011: 571]). В абсолютном большинстве это данные сибирских говоров: тобольских, омских, томских, новосибирских, алтайских, кемеровских, красноярских, иркутских. Преимущественно региональный характер такой одежды и ее названия осознается и диалектоносителями: *У нас шабуров нет, в Сибири есть*. Пинеж. **Арх.**; *У сибиряков така мода была, шабуры таскали: пара — обутки да шабуры*. Ордын. **Новосиб.**; *Шабур у нас, в Рассеи — зипуны*. Колыв. **Новосиб.**

Наибольшие сложности возникают при определении дифференциальных семантических признаков, конкретизирующих общий вид одежды, так как существовало большое количество вариаций кроя шабуров. Возникает своего рода мозаичность локальных вариантов традиционной одежды при сохранении общности наименования.

Особенности шабура: а) он имел прямой силуэт либо расширялся книзу, иногда за счет нескольких клиньев; б) длина также была разной: от значительной (в пол) до небольшой, когда шабур приобретал скорее вид пиджака или куртки; в) шабур часто был запашным по типу халата, иногда с одной-двумя пуговицами, либо застегивался полностью, однобортным или двубортным; такой «халат» носили с поясом или без него; г) воротник мог отсутствовать, быть стоячим или отложным, узким или широким; д) нижняя часть у пояса могла иметь сборки («борь»), причем вокруг талии либо только сзади; е) шабур мог иметь подклад («подоплеку»), обычно до пояса, либо быть однослойным. При этом традиции изготовления такой одежды могли варьироваться в пределах одной губернии и даже одного уезда. Ср., например: *Из холста шили шабур в виде халата. Одевали сверху, чтоб не пачкать одежду... домотканый, до колен длиной*. Красновишер. **Перм.**; *Еишо шабур сделают из холста, не из сукна, с борками, расклешенный. На шабур тожно лызанчик — и идёт*. Красновишер. **Перм.**; *Это летнее было, костюм лёгкий, только борки были, как у юбки, из холста шили. Это мужское*. Караг. **Перм.**; *Шабур — это как пинжак или бушлат*. **Омск.**; *Сукманина, из её шьют шабур, широкой, длинной. Усть-Ишим. Омск.*; *Такой из шерсти и льна — прямой. В шабуре идёшь*. Муромц. **Омск.**; «Шабур — легкая верхняя полусуконная одежда (с подкладом — подоплёкой) в форме халата, длиной до колен. Женский шабур ничем по покрою не отличается от мужского. Шьется из домотканого полусукна (основа льняная, уток шерстяной). Зипун от шабура отличается: 1) большей длиной и 2) материалом; именно он шьется из чистого толстого сукна (черного цвета). Поэтому зипун является более солидным и более теплым одеянием». Каин. **Том.** [Молотилов 1913: 216]; *Шабур как казацкий малахай, редко сотканный*. Краснозер. **Новосиб.**; *Шабуры длинные шили, ниже колен, с борами*. Убин. **Новосиб.**; *Шабуры — ну это как большой плащ будет*.

Мошков. **Новосиб.**; *Основа портяная с сукном ткнут, как одёжа на подклади, не стежѐна, теперь куфайки. Шились обнаковенно, недолги они. Это как зипун, но тот весь шерстяной.* Ордын. **Новосиб.**; *Шабур — он женской и мужской был... Сам долгой, а подклад только до пояса.* Маслян. **Новосиб.**; *Шабуры носили буднями. Шабуры до колен, без застежки, подпоясывались.* Шушен. **Краснояр.**; *У моего деда тёплый шабур был, охотничья одежда така, длинная как халат, без пуговиц, подвязывали поясом.* Мотыгин. **Краснояр.**; *Шабур наподобие реглана, свободный, без воротника. Обложка из этой же материи, вроде кантика, самотканка. Основа — шерсть. Шабур на подкладе.* Шушен. **Краснояр.**; *Шабуры — халаты с воротником.* Облуч. **Хабар.**; *Шабур носили ране летом. Это короткое пальто из домотканины.* Лен. **Якут.** и под.

Несходны и функциональные особенности шабура. Это была одежда повседневная летняя или демисезонная, когда-то рабочая (для защиты другой одежды от грязи). В отдельных говорах шабуром называли своего рода плащи, чаще из льняно-шерстяной ткани, которые надевали летом и осенью, а когда-то и зимой поверх тулупа или шубы для защиты от осадков и для лучшего сохранения тепла. Со временем закрепилось особое значение слова — ‘шуба’, и такое одеяние также могло иметь особенности кроя: быть приталенным (Маслян. **Новосиб.**), иметь сборки (Тарск. **Омск.**), быть коротким (Глазов. **Вят.**) или обшитым домотканым сукном (Зауралье, Усть-Илим. **Иркут.**). Кроме того, шабуром называли изношенные шубы (Забайкалье), мужские тулупы (Кабан. **Бурят. АССР**).

От указанных расхождений проистекает энантиосемичность (противоположность значений) некоторых словоупотреблений, ср., например: *Шабуры накинem и ну бежать на гулянку.* Караг. **Перм.** — и: *Что ни погрязне работа, то шабуры эти надынут. Во Христоч день со звонами добра-то, а то усѐ у шабурах.* Кирен. **Иркут.** («праздничный» — «рабочий»); *Щас вон пинжечком зовут, а тода шабуром звали.* Ордын. **Новосиб.** — и: *У нас пониток по колен, а шабур длинный. Вот чем и отличались.* Яшк. **Кемер.** («короткий» — «длинный»).

Шабур был настолько широко употребителен, что некоторые его особенности естественным образом послужили развитию семантики слова. Так, со временем название одежды метонимически распространилось и на специфичную льняно-шерстяную ткань, из которой он изготовлялся (новосибирские, омские, томские, а также костромские говоры), и на домашнее сукно (свердловские и красноярские говоры). Шабуром называли любой грубый домотканый материал (вологодские, вятские, пермские, сибирские говоры, по данным словаря В. И. Даля). В новосибирских говорах отмечено название *шабур* для полушерстяных ниток. Тем самым лексема *шабур* объединила технологический цикл изготовления одного

из наиболее распространенных видов верхней одежды у крестьян. Но затем название распространилось и на иные грубые изделия с добавлением шерстяных ниток, ср.: *шабур* ‘тканый из шерсти половик’ (Каратуз. **Краснояр.**).

Более того, появились номинации метафорического характера. Семьи ‘наружный’, ‘грубый, жесткий’ манифестируются в лексико-семантических вариантах слова *шабур* ‘тонко раскатанный круг пресного теста для пельменей’ (*Шабурь потоньше делай*. Гарин. **Свердл.**; ср. *сочень* ‘тонко раскатанный круг теста’ [Герд (ред.) 2021: 224]), ‘жировое отложение на брюхе животного’ (*Шабур у нас (говорят) округ брюха, у быков, у коров, у кыцек* [т. е. у овец — М. Б.], *сальной шабур*. Пинеж. **Арх.**), а также ‘место с таким отложением на брюшной стенке животного’ (*С шабура сало сдерёшь*. Пинеж. **Арх.**); ‘картофельная кожура’, откуда устойчивое сочетание (*варить, сварить*) в *шабурах* ‘(готовить) неочищенным’ (новосибирские и тюменские говоры).

Косвенным свидетельством широкого распространения такого вида одежды служит разветвленность словообразовательного гнезда, ср., например: *шабурётина* ‘поношенная большая шуба’, *шабури́н* ‘грубый домо-тканый материал с льняной основой и шерстяным утком, реже — грубое домашнее сукно’, *шабур́иха* ‘пояс’, *шабу́рнок* ‘плюшевая женская короткая шуба’ и т. д. (всего более 30 лексем).

Наиболее значимым признаком шабуров стало качество ткани, которая чаще использовалась для их изготовления: это был очень грубый, вероятно, неприятный на ощупь материал; можно предположить, что на него шли нитки из низкосортного волокна, включающего колючие фрагменты наружной части стебля, не до конца вычесанные при обработке льняного волокна. Сема ‘грубый, жесткий’ послужила базой для переноса названия *шабу́ра* на растения: ‘невысокая трава’, а также ‘сено из такой травы’, а далее — ‘прошлогодня трава’ (вологодские говоры). Кроме того, это названия колючих растений в вологодских и новгородских говорах.

«Шабурная» ткань и изделия из нее были «экономически выгоднее», но и холоднее, чем чистое сукно и суконная одежда (ср.: *Шабурь всегда раньше носили. Тепла нет особого, ну дюжили*. Шушен. **Краснояр.**; *Двенадцать шабуров надел и то холодно, одна шуба — и тепло*. Карасук. **Новосиб.**). Такая одежда была «непрестижной», говорила о низком социальном положении владельца, ср.: *Шабур-от нищие надевали; Шабурь на себя наденут из мешков. Мы, бывало, им и скажём: «Шабурь-те у вас небравые»*. Соликам. **Перм.**; *Он в одном шабуре пришел ко мне в зяти*. Шушен. **Краснояр.**; *До самой свадьбы оба они ходили в шабуре. Потом шабуры сменили и облоклись в добротное сукно. Вся деревня в шабурах ходила. Под венцом*

и то в шабуре стояли. Акшин. **Читин.** Как следствие, оказалось возможно употребление слова *шабур* и его производных в ироничном контексте, даже с оттенком презрительности: Сказали, у бояр оболочки добры. Черт — не добры — только шабуры одни (свадебная песня). Сольвыч. **Волог.**; Сказали, заречана — кафтанники, а наехали шабурники (свадебная песня). Шадр. **Перм.**; Оденешь шабурчишко «через нитку проклятый», како в нем тепло?! Шушен. **Краснояр.**; Надел семь шабурей с печи, да все горячи, где ж он замерзнет [Бардина 1995: 157]; Мы в город поехали [т. е. переехали — М. Б.], а которы лапотники да шабурники, так и остались в земле ковыряться. Колыв. **Новосиб.** Это же привело к возникновению новых, «социально-ориентированных» значений, ср.: *шабур* ‘прозвище скандалиста, буяна’, а также в производных словах *шабурить* ‘буйствовать, скандалить в нетрезвом состоянии, дебоширить’, ‘состоять во внебрачных интимных отношениях’, *шабурник* ‘верхняя одежда из грубого домотканого материала’, ‘плохо одетый человек // бедняк, оборванец // нищий’, ‘неопрятный человек’, ‘партизан периода Гражданской войны’, ‘закоснелый человек, придерживающийся устаревших взглядов, представлений’ и др. Такие семантические связи слов и значений не редкость в диалектной лексике (ср., например, в [Зверева 2021]).

Отношение к шабуру как виду одежды закрепилось в малых фольклорных жанрах: в пословицах и загадках. Так, в материалах И. А. Срезневского имеется запись (вероятно, из «Собрания простонародных слов Пермской губернии» Ф. А. Волегова, 1850 г.): «Шабур — верхняя одежда, отсюда говор: семь шабуров, а одна оде́жа, выражает недостаток в Перми шуб, заменяемых суконными зипунами». Кунгур **Перм.** [Картотека 2]. В загадке «Летом в шубе, зимой в шабуре» *шабур* — лиственный лес (**Урал.**, Шадр. **Перм.**, Хакас. **Краснояр.**), дерево (**Перм.**). В загадке «Ноги каменные, голова деревянная, сам в шабуре и ходит в воде» это рыболовная снасть «мережа» (Ишим. **Тобол.**). В народных поговорках транслируется информация, что ткань для шабуров была неплотной, редкой, плохо защищала от холода.

Лексема нашла отражение и в ономастике: *Шабуры* — село в Опаринском районе Кировской области, деревня в Частинском районе Пермского края, *Шабурское* — село в Заиграевском районе Бурятии, *Шабуры* — коллективное прозвище жителей с. Тельвиска Заполярного района Ненецкого автономного округа.

Итак, материалы картотеки «Словаря русских народных говоров» отражают значительную вариативность называемых лексемой *ша́бу́р(а)* реалий (видов одежды) и их дифференциальных признаков, что крайне затрудняет определение объема понятия, которое стоит за этой лексемой, а вслед за тем — систему значений слова. Это следствие того, что

за словом *ша́бу́р(а)* стоит очень широкий этнографический, культурный, социально-исторический контекст, лексема обладает богатыми (в терминологии В. Н. Телия) культурными коннотациями. С одной стороны, это делает данное слово, обросшее большим количеством значений, оттенков значений и словообразовательных связей, крайне привлекательным для лингвистических исследований самой разнообразной направленности (структурно-семантических, историко-лексикологических, социолингвистических, лингвокультурологических, этнолингвистических и т. д.), но с другой — затрудняет лексикографическое его описание. Эти основные проблемные области определяют перспективы дальнейшего изучения слова *ша́бу́р(а)* и производных от него лексем.

Сокращения

Акшин. **Читин.** — Акшинский р-н Читинской обл.

Братск. **Иркут.** — Братский р-н Иркутской обл.

Гарин. **Свердл.** — Гаринский р-н Свердловской обл.

Глазов. **Вят.** — Глазовский уезд Вятской губ.

Ишим. **Тобол.** — Ишимский уезд Тобольской губ.

Кабан. **Бурят. АССР** — Кабанский р-н Бурятской АССР

Каин. **Том.** — Каинский уезд Томской губ.

Караг. **Перм.** — Карагайский р-н Пермской обл.

Карасук. **Новосиб.** — Карасукский р-н Новосибирской обл.

Каратуз. **Краснояр.** — Каратузский р-н Красноярского края

Кирен. **Иркут.** — Киренский р-н Иркутской обл.

Колыв. **Новосиб.** — Колыванский р-н Новосибирской обл.

Красновишер. **Перм.** — Красновишерский р-н Пермской обл. (Пермского края)

Краснозер. **Новосиб.** — Краснозерский р-н Новосибирской обл.

Кунгур. **Перм.** — Кунгурский уезд Пермской губ.

Кыштов. **Новосиб.** — Кыштовский р-н Новосибирской обл.

Лен. **Якут.** — Ленский р-н Республики Якутия

Маслян. **Новосиб.** — Маслянский р-н Новосибирской обл.

Мотыгин. **Краснояр.** — Мотыгинский р-н Красноярского края

Мошков. **Новосиб.** — Мошковский р-н Новосибирской обл.

Муромц. **Омск.** — Муромцевский р-н Омской обл.

Нижеилим. **Иркут.** — Нижнеилимский р-н Иркутской обл.

Нолин. **Вят.** — Нолинский уезд Вятской губ.

Облуч. **Хабар.** — Облученский р-н Хабаровского края

Омск. — Омская обл.

Ордын. **Новосиб.** — Ордынский р-н Новосибирской обл.

Орл. **Вят.** — Орловский уезд Вятской губ.

Перм. — Пермская губ.

Пинеж. **Арх.** — Пинежский р-н Архангельской обл.

Прокоп. **Кемер.** — Прокопьевский р-н Кемеровской обл.

Сев. **Новосиб.** — Северный р-н Новосибирской обл.

Соликам. **Перм.** — Соликамский р-н Пермской обл. (Пермского края)

Сольвыч. **Волог.** — Сольвычегодский уезд Вологодской губ.

Танг. **Иркут.** — Тангуйский р-н Иркутской обл.

Тарск. **Омск.** — Тарский р-н Омской обл.

Том. — Томская обл.

Тугулым. **Свердл.** — Тугулымский р-н Свердловской обл.

Убин. **Новосиб.** — Убинский р-н Новосибирской обл.

Урал. — уральское

Усть-Илим. **Иркут.** — Усть-Илимский р-н Иркутской обл.

Усть-Ишим. **Омск.** — Усть-Ишимский р-н Омской обл.

Хакас. **Краснояр.** — Хакасская автономная обл. Красноярского края

Чердын. **Перм.** — Чердынский р-н Пермской обл.

Шадр. **Перм.** — Шадринский уезд Пермской губ.

Шегар. **Том.** — Шегарский р-н Томской обл.

Шушен. **Краснояр.** — Шушенский р-н Красноярского края

Ярков. **Тюмен.** — Ярковский р-н Тюменской обл.

Яшк. **Кемер.** — Яшкинский р-н Кемеровской обл.

Источники

Картотека 1 — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края» (кафедра теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ, г. Пермь).

Картотека 2 — Картотека «Словаря русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

Молотилев А. Н. Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинского уезда Томской губ.): материалы для сибирской диалектологии // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск: Печатня С. П. Яковлева, 1913. Т. II. Вып. 1. С. 33–219.

Рогов [без инициалов]. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. Кн. II. Отд. II. Пермь, 1860. С. 1–127.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е, стер. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

Шеффер П. Н. (ред.). Сборник Кириши Данилова. СПб.: Тип. Имп. АН, 1901. 284 с.

Литература

- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 124 с.
- Герд А. С. (ред.). Большой академический словарь. Т. 18; М., СПб.: Наука, 2011. 773 с.; Т. 27; М.; СПб.: Наука, 2021. 800 с.
- Зверева Ю. В. Фразеологизмы, характеризующие одежду и обувь, в русских говорах Пермского края // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. Вып. 7. С. 133–138.
- Зверева Ю. В. «Знать свои рямки»: слова с корнем -рям-/рем- в русских говорах Пермского края // Русская речь. 2021. №3. С. 47–59.
- Зверева Ю. В., Русинова И. И., Черных А. В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. СПб.: Маматов, 2019. 432 с.
- Ковтун Л. С., Петушков В. П. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 17. М.; Л.: Наука, 1965. 2126 стлбц.
- Кузнецов А. С. (ред.). Новейший большой толковый словарь русского языка. СПб.; М.: Норинт, Рипол-классик, 2008. 1534 с.
- Кушнер П. И. (отв. ред.). Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М.: [б. и.], 1960. 315 с.
- Лебедева А. А. Русские Притоболья и Забайкалья: Очерки материальной культуры, XVII – нач. XX в. М.: Наука, 1992. 134 с.
- Маковецкий И. В., Маслова Г. С. (отв. ред.). Быт и искусство русского населения Восточной Сибири: сб. ст. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1971. 200 с.
- Маслова Г. С. Русский народный костюм Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири: сб. ст. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1971. С. 144–190.
- Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. Т. 2. П–Я. Пермь: Ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та, 2010. 424 с.
- Токарев С. А. (отв. ред.). Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 805 с.

References

- Anikin A. E. *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from Uralic, Altaic and Paleoasiatic languages]. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 2000. 768 p.

- Bardina P. E. *Byt russkikh sibiryaikov Tomskogo kraia* [The life of Russian Siberians of the Tomsk region]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1995. 124 p.
- Gerd A. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar'* [Large academic dictionary]. Vol. 18, Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 773 p.; Vol. 27, Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2021. 800 p.
- Kovtun L. S., Petushkov V. P. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. In 17 vols. Vol. 17. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 2126 columns.
- Kushner P. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po etnografii russkogo naseleniya Evropeyskoi chasti SSSR* [Materials and research on the Ethnography of the Russian population of the European part of the USSR]. Moscow, 1960. 315 p.
- Kuznetsov A. S. (ed.). *Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The latest large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg; Moscow, Norint Publ., Ripol-classic Publ., 2008. 1534 p.
- Lebedeva A. A. *Russkie Pritobol'ya i Zabaykal'ya: Ocherki material'noi kul'tury, XVII – nachalo XX v.* [Russian The Tobol Region and Transbaikal: Essays on Material Culture, 17th – beginning 20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 134 p.
- Makovetskii I. V., Maslova G. S. (eds.). *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Life and art of the Russian population of Eastern Siberia]. Part 1: Priangar'je. Novosibirsk, Nauka, Siberian branch Publ., 1971. 200 p.
- Maslova G. S. [Russian folk costume of the Angara region]. *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [The life of Russian Siberians of the Tomsk region]. Part 1: Priangar'je. Novosibirsk, Nauka, Siberian branch Publ., 1971, pp. 144–190. (In Russ.)
- Polyakova E. N. *Slovar' leksiki permских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т.* [Dictionary of the vocabulary of Permian monuments of the 16th – early 18th century: in 2 vols.] Vol. 2. P–Ya. Perm, Perm State University Publ., 2010. 424 p.
- Tokarev S. A. (ed.). *Vostochnoslavjanskii etnograficheskii sbornik* [East Slavic Ethnographic Collection]. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1956. 805 p.
- Zvereva Yu. V. ["Know Your Ryamki": Words with the Root -ryam-/rem- in the Russian Dialects of the Perm Region]. *Russkaya Rech'*, 2021, no. 3, pp. 47–59. (In Russ.)
- Zvereva Yu. V. [Phraseological units characterizing clothes and footwear in Russian dialects of Perm Krai]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*, 2019, iss. 7, pp. 133–138. (In Russ.)
- Zvereva Yu. V., Rusinova I. I., Chernykh A. V. *Traditsionnyi kostyum narodov permского kraja. Russkie* [The traditional costume of the peoples of the Perm region. Russians]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2019. 432 p.

Национальный словарный фонд: новые возможности и перспективы

Мария Леонидовна Каленчук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), mkalenchuk@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040037

АННОТАЦИЯ: По поручению Президента РФ начата работа над созданием Национального словарного фонда (НСФ). НСФ — цифровой ресурс, представляющий в электронном виде зафиксированные в словарях данные о функционировании норм русского языка. Необходимость разработки НСФ вызвана потребностью создания единого, полного свода научных знаний, достоверной и объективной информации о нормах русского языка в их актуальном состоянии и исторической динамике в определенную эпоху его развития, а также истории словарного состава современного русского литературного языка со времени его появления до наших дней. В рамках этого проекта будет осуществлено объединение системы словарей русского языка в единую сеть, действующую в режиме непрерывного развития и представляющую интерактивную динамическую модель лексической системы современного русского литературного языка. Предполагается открытый доступ к информации через удобный цифровой инструмент с простой навигацией, НСФ будет оснащен лингвистической разметкой и системой поиска необходимой информации в режиме онлайн. НСФ не просто предлагает пользователю возможность увидеть ту или иную словарную статью из конкретного словаря, но предоставляет экспертно разработанный инструмент извлечения из словарей различных типов языковой информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, лексикография, словари, нормы языка, электронный ресурс

для цитирования: Каленчук М. Л. Национальный словарный фонд: новые возможности и перспективы // Русская речь. 2024. № 4. С. 34–41. DOI: 10.31857/S0131611724040037.

Issues of Modern Russian Language

National Dictionary Fund: New Opportunities and Prospects

Maria L. Kalenchuk, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), mkalenchuk@yandex.ru

ABSTRACT: On behalf of the President of the Russian Federation, we have started working on the creation of the National Dictionary Fund (NDF). NDF is a digital resource that contains electronically recorded data on the functioning of the norms of the Russian language from various dictionaries. The development of NDF is due to the need to create a single, complete body of scientific knowledge, reliable and objective information about the norms of the Russian language in their current state and historical dynamics in a certain era of its development, as well as the history of the vocabulary of the modern Russian literary language from the time of its appearance to the present day. The system of Russian dictionaries will be integrated into a single network operating in a continuous development mode and representing an interactive dynamic model of the lexical system of the modern Russian language. It is supposed to have open access to information through a convenient digital tool with simple navigation. The NDF will be equipped with linguistic markup and an online search system for necessary information. NDF will offer the user not only the opportunity to see the information from a particular dictionary, but will also provide an expertly developed tool for extracting various types of language information from dictionaries.

KEYWORDS: Russian language, lexicography, dictionaries, language norms, electronic resource

FOR CITATION: Kalenchuk M. L. National Dictionary Fund: New Opportunities and Prospects. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 4. Pp. 34–41. DOI: 10.31857/S0131611724040037.

В течение долгого времени словари были литературой исключительно для специалистов, и только с середины XX в. ситуация изменилась — словари стали востребованы обществом, людям стало понятно, что словарь не просто книга, в которой можно узнать значение непонятого слова или получить помощь при разгадывании кроссворда, а целая энциклопедия знаний и о нормах языка, и о культуре, и об истории («все-ленная в алфавитном порядке», как говорил А. Франс).

В России, начиная с конца XVIII в., была заложена традиция создания лингвистических словарей как особого жанра научной и научно-популярной литературы. В наше время параллельно с бумажными словарями широко используются и электронные. Компьютерная лингвистика — одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной науки о языке; в последние десятилетия было создано много разнообразных электронных ресурсов, посвященных русскому языку. При этом среди таких цифровых ресурсов в основном представлены два типа — корпуса текстов и библиотеки словарей. Они различаются не только источниками предоставляемой информации, но и заложенным в их основу принципом: корпуса — принципиально ненормативны; словари литературного языка фиксируют нормы языка, то есть правила, по которым строится речь образованных людей.

Несколько лет назад в соответствии с поручением Президента РФ была начата работа над созданием государственной информационной системы «Национальный словарный фонд» (далее НСФ). НСФ — интернет-ресурс, представляющий в электронном виде закреплённые в словарях разных типов и времени создания данные о функционировании норм русского языка в их актуальном виде и исторической динамике.

Необходимость разработки НСФ вызвана потребностью создания единого, полного свода научных знаний, достоверной и объективной информации о нормах современного русского литературного языка в их актуальном состоянии и исторической динамике в определенную эпоху его развития, а также истории словарного состава современного русского литературного языка со времени его появления до наших дней. В рамках

этого проекта предполагается объединение системы словарей русского языка в единую сеть, действующую в режиме непрерывного развития и представляющую интерактивную динамическую модель лексической системы современного русского литературного языка. Предполагается открытый доступ к информации через удобный цифровой инструмент с простой навигацией, НСФ будет оснащен лингвистической разметкой и системой поиска необходимой информации в режиме онлайн.

Лексикографическая деятельность, ориентированная на печатное издание словарей, не дает возможности представить актуальное состояние языка, неизбежно отстает от реального состояния норм русского языка и культурно-языковых потребностей общества. Кроме того, тексты многих словарей XVIII–XIX вв. труднодоступны для пользователей.

В этой связи ключевую роль в представлении лексического материала, позволяющего фиксировать реальное функционирование языка и отражать происходящие в нем процессы и изменения, играют информационно-коммуникационные технологии.

В сети Интернет имеется достаточное количество сайтов, предоставляющих доступ к текстам различных словарей. Но, во-первых, сами эти тексты в большинстве случаев «грязные», неverifiedированные, полные опечаток и невычитанных после сканирования ошибок. А во-вторых, подобные ресурсы действуют просто как собрание словарей, как своеобразная библиотека, на электронных полках которой стоят лексикографические труды, подобранные в случайном порядке. НСФ же не просто предлагает пользователю возможность увидеть ту или иную словарную статью из конкретного словаря, но предоставляет экспертно разработанный инструмент извлечения из словарей различных типов языковой информации. Подобного ресурса в нашей стране до сих пор не было, хотя аналоги функционируют в некоторых странах, например в Великобритании или Германии.

Мотивация обращения к НСФ может быть весьма различной — от необходимости решить практическую задачу использования языковой единицы в устной или письменной речи до желания расширить свой кругозор, от лингвистической любознательности до потребности поиска материалов в учебных или научных целях.

Состав словарей НСФ

Для включения в НСФ авторитетными экспертами было отобрано 33 словаря русского языка, которые можно разделить на две большие группы: описывающие нормы современного русского литературного языка и представляющие уже ушедшие нормы в их исторической

динамике. Кроме того, используются материалы Словаря русских народных говоров.

При отборе современных словарей русского языка необходимо было подобрать лексикографические источники таким образом, чтобы были представлены разные языковые аспекты функционирования слова. В НСФ входят словари следующих типов: толковые, орфографические, орфоэпические, словари ударений, грамматические, активные, словари синонимов, универсальные, словарь морфем, фразеологические, этимологические. Этим набором вовсе не исчерпывается разнообразие видов словарей русского языка, но выбранные источники позволяют извлечь из них различную информацию, достаточную для описания языковых норм любого типа. Например, в НСФ отсутствует словарь антонимов, но антонимы к конкретным словам приводятся в некоторых толковых словарях, в активном и универсальном словарях русского языка. Информация об устойчивых сочетаниях слов в русском языке не только будет приводиться из фразеологического словаря, но с помощью лингвистической разметки будет отбираться из толковых, орфоэпических и др. словарей.

Во многих случаях в НСФ включается по несколько словарей одного и того же типа, например девять толковых или три орфоэпических. Это делается для того, чтобы можно было продемонстрировать и разные подходы авторов при кодификации норм, и изменение норм во времени. Например, в [Аванесов (ред.) 1983] кодифицируются как равноправные два варианта ударения — *бижутэ́рия* и *бижуте́рия*, *ло́сось* и *лосо́сь*, а в [Касаткин (ред.) 2012], созданном на несколько десятилетий позже, литературным признается только произношение *бижутэ́рия*, *лосо́сь*, а *бижуте́рия* и *ло́сось* маркируются пометой *неправильное*.

Словари, представляющие становление норм в истории русского языка, делятся на несколько групп:

- исторические по времени создания, XVIII — первая половина XX в. (например, «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806–1822 гг.));
- созданные в наше время, середина XX — начало XXI в. (например, «Словарь языка А. С. Пушкина» (1956–1961));
- этимологические.

Некоторые принципы и правила, положенные в основу НСФ

Пользование НСФ будет свободным и бесплатным. Регистрация и авторизация — по желанию, например, при необходимости создать личный кабинет пользователя и экспортировать в него извлеченные словарные материалы.

Словарная информация о нормах русского языка выдается пользователю по запросу, оформленному в графическом виде и представляющему собой отдельную лексическую единицу — слово или устойчивое сочетание слов.

Все материалы включенных в НСФ словарей предъявляются пользователям в аутентичном виде, в авторских версиях. Создатели ресурса ни при каких обстоятельствах не должны содержательно редактировать лексикографические источники.

Модули НСФ

Языковая информация на платформе НСФ структурируется в различные модули. Пользователь выбирает тот модуль, информация в котором позволяет решить поставленные задачи, и каждый может «нырнуть» на нужную ему «глубину» языковой информации.

Модуль 1. Основной. Как показывает практика, чаще всего человек хочет получить информацию о написании, произношении (включая место ударения), толковании значения и грамматических формах заданного в поиске слова. Это значит, что при обращении к этому модулю пользователю после введения запроса будут предъявлены словарные статьи из орфографического, орфоэпического, толкового и грамматического словарей. Обращаясь к этому модулю, пользователь в большинстве случаев хочет решить конкретную задачу. Обычно это происходит тогда, когда человек ощущает определенное сомнение, чувствует неуверенность в своих знаниях или находится в положении выбора. Как правильно написать — *риелтор* или *риэлтор*, *вебсайт* или *веб-сайт*? Как верно произнести — *брю[н'э]т* или *брю[нэ]т*, *уценённый* или *уцёненный*? Нет *носок* или *носков*, *поехай* или *поезжай* — как образовать грамматическую форму? Проверить себя, правильно ли вы понимаете значение слова или выражения — что такое *каршеринг* или *коворкинг*, что означает выражение *гамбургский счет*? Этот модуль должен предлагать базовую информацию о слове в компактном и доступном виде. Для каждого типа информации, предъявляемой в этом модуле, выбран один — самый авторитетный, актуальный и полный словарь. Но при желании пользователь может нажать кнопку «Посмотреть в других словарях» и расширить список словарей, содержащих нужную информацию.

Модуль 2. Расширенный. Обратившись к этому модулю, пользователь сможет получить более системные словарные данные о запрошенном слове, в которых суммируются базовая информация из предыдущего модуля и сведения о синонимах, антонимах к этому слову, его происхождении, фразеологизмах, в которые он входит, специфике его поведения

в разговорной речи, морфемной структуре и др. Информация в этом модуле позволяет получить целостный «портрет» слова в его актуальном для современных норм виде.

Модуль 3. Историко-этимологический. Предоставляя доступ к словарным статьям исторических словарей разных типов и времени создания, НСФ дает возможность посмотреть информацию о слове во всех исторических словарях с древнерусского периода до наших дней, или в определенном историческом словаре, или в словарях выделенной подгруппы (хронологическая — от дописменного периода до современного или по хронологии создания словарей). Кроме того, будет заложена возможность поиска информации по определенному временному отрезку.

Модуль 4. Посмотреть в выбранном словаре. При запросе слова показываются только те словари, в которых это слово имеется, а далее есть выбор: посмотреть в конкретном словаре; посмотреть во всех словарях; посмотреть в словарях определенного типа (толковые, орфографические, орфоэпические, этимологические и др.) — при выборе типа разворачиваются все словари этой группы.

Модуль 5. Сопоставительный. Это самый сложный для исполнителей проекта модуль. Он позволяет сравнить словарные данные по выбранным аспектам, например: место ударения; написание; структура значения; сочетаемость; фразеология и пр. в разных словарях. Например, пользователя интересуют устойчивые сочетания слов с опорным словом *ухо*. Выбрав сопоставительный модуль и указав аспект сравнения — фразеология, он может получить информацию не только о списках подобных фразеологизмов из словарей разного типа и времени создания (*тугой на ухо; говорить, шептать* и др. *на ухо; слон (медведь) на ухо наступил; за уши не оттащишь; быть по уши в чем-л.; влюбиться по уши; вешать лапшу на уши; поставить всех на уши* и мн. др.) и узнать их значение, но и увидеть динамику их изменений в разные языковые эпохи.

Обращение к НСФ позволит пользователям решать задачи совершенно разного уровня. Среди них будут чисто практические: например, какова норма правописания — *апелляция* или *апелляция*, *Интернет* или *интернет*; как правильно произносить *логин* или *логín*, *вёган* или *вегán*. А преподаватель, готовясь к занятиям, сможет проверить, как делятся на морфемы, скажем, слова *земляника* или *последователь*, а также подобрать, например, все фразеологизмы, со словом *рука* и т. д. Но новый цифровой ресурс даст возможность решать и гораздо более сложные и часто многоуровневые задачи, демонстрирующие устройство и функционирование языковой системы. Как увлекательно, сравнивая материалы разных словарей, узнать, что слово *негодяй* раньше означало *человек, не годный к воинской службе*; что слово *артиллерия* в XVIII в.

писалось семью разными способами, и проследить этапы становления современной нормы его написания; увидеть, как в разные эпохи конкурировали различные значения слов *базар* и *рынок* и мн. др. Каждый пользователь Национального словарного фонда сможет найти в новом электронном ресурсе и полезное, и интересное.

Источники

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822.

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: Русский язык, 1983. 703 с.

Виноградов В. В. (отв. ред.). Словарь языка Пушкина. Т. I–IV. М.: Наука, 1956–1961.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 1001 с.

References

Avanesov R. I. (ed.) *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 703 p.

Vinogradov V. V. (resp. ed.) *Slovar' yazyka Pushkina* [A. S. Pushkin Language Dictionary]. Vol. I–IV. Moscow, Nauka Publ., 1956–1961.

Kasatkin L. L. (ed.) *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [A large orthoepical dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the XXI century: the norm and its variants]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2012. 1001 p.

Кто такая *дединка*?

Ирина Борисовна Качинская, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), kacza@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040045

АННОТАЦИЯ: Статья основана на материалах «Архангельского областного словаря» и его богатейшей картотеки и является частью большого исследования по изучению терминов родства в архангельских говорах. Она посвящена одному из терминов свойства — номинации жены дяди. В современном литературном языке отсутствуют специальные термины, которые бы указывали на этот элемент в структуре терминов родства, но они зафиксированы в древнерусском языке и до сих пор достаточно популярны во многих говорах Русского Севера. В архангельских говорах насчитывается более 30 лексем с этим значением, производных от номинации дяди, то есть этимологически связанных с корнем *дяд-* (**дѣд-*). Различия касаются фонетического и словообразовательного языковых уровней. Интерес представляет собой и семантический аспект.

В «большой круг» номинации понятия ‘жена дяди’ включаются не только специальные термины, но и термины кровного родства (*мамка*, *бабушка*, *тетка*), свойства (*невестка*) и духовного родства, возникающего в результате крещения младенца (*божатка*).

Семантические сдвиги двунаправленны, показано пересечение терминов внутри каждой группы. Специальные термины, в основном своем значении указывающие на жену дяди, оказываются многозначными и употребляются для обозначения других родственников: *дединкой* будет жена дяди; родная тетка; жена деверя (= брата мужа); жена дяди мужа (= брата свекра или свекрови); жена дяди жены (= брата тестя или тещи); жена родного брата, золовка (= сестра мужа), любая дальняя некровная родственница. Номинация обычно идет либо «по детям», либо «по мужу».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: термины родства, термины свойства, вариативность смыслов, северные говоры, русская диалектология

для цитирования: Качинская И. Б. Кто такая дединка? // Русская речь. 2024. № 4. С. 42–53. DOI: 10.31857/S0131611724040045.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <https://rscf.ru/project/23-18-00027>

Issues of Modern Russian Language

Who Is *Dedinka*?

Irina B. Kachinskaya, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), kazca@yandex.ru

ABSTRACT: The article is based on materials of the “Arkhangelsk Regional Dictionary” and its rich card index. It is part of a large issue on the study of kinship terms in Arkhangelsk dialects. It is dedicated to one of the terms of family relationships: the nomination of uncle’s wife. In the modern literary language there are no special terms that indicate this element in terms of kinship, but they are found in the Old Russian language and they are still quite popular in many dialects of the Russian North. In Arkhangelsk dialects, there are more than 30 lexemes with this meaning, derived from the nomination *uncle*, and bearing etiological connections with the root *d’ad-* (**děd-*). The differences between these words lie in the phonetic and word-formative language levels. The semantic aspect is also of great interest.

The “large circle” of the concept of “*uncle’s wife*” nomination includes not only special terms, but also terms of consanguinity (*mother, grandmother, aunt*), properties (*daughter-in-law*) and spiritual kinship resulting from the baptism of a baby (*bozhatka*).

Semantic shifts are bidirectional, and the intersection of terms within each group is shown. Special terms, whose main purpose is the nomination of uncle’s wife, turn out to be ambiguous.

They are used to refer to other relatives, such as the wife of the brother-in-law, the wife of the husband’s, the wife of the wife’s uncle; the wife a sibling, a sister-in-law or any distant non-blood relative. The naming usually goes either “by children” or “by husband.”

KEYWORDS: kinship terms, relationship by marriage, the variability of meanings, northern dialects, russian dialectology

FOR CITATION: Kachinskaya I. B. Who Is *Dedinka*? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 4. Pp. 42–53. DOI: 10.31857/S0131611724040045.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF № 23-18-00027, <https://rscf.ru/project/23-18-00027>

В тётки попасть легко, а в **дединки** трудно. В старое время говорили: надо в **дейны** попасть, а тётей будешь¹. Буквальный смысл пословицы примерно таков: теткой женщина становится, когда у нее появляются племянники, что от нее не зависит. Но для того, чтобы стать *дединкой*, надо выйти замуж, т. е. приобрести иной социальный статус. Социальный статус замужней женщины в старой деревне всегда был выше, чем незамужней.

Так кто же такая *дединка*? В основном своем значении это жена родного дяди.

1. Историческая справка. В современном литературном языке специальные термины, называющие жену дяди, отсутствуют. В древнерусском языке существовали разные термины, называющие дядю по отцу (*стрый*) и дядю по матери (*вуй*) [Трубачев 1959: 79–81, 81–84], тетка по крови называлась *тёта*, *тётка*, *тётя*, некровную родственницу, жену дяди (с любой стороны), называли *дядиной*, *дединкой* и под. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» в этом значении встретились лексемы *дядина* и *дединка* [Бархударов (гл. ред.) 1977: 401]; у Даля в словарной статье **дядя** как обозначение жены дяди находим лексемы *дядина*, *дедина*, *дединка* с пометой *сев.* [Даль 1994: 127]; в «Словаре русских народных говоров» есть словарные статьи *деенка*, *дяденка*, *дяденька*, *дядинка*, *дяинка*, *дяинька*, *дядина* — фактически без иллюстраций, однако места записи показывают, что слова эти характерны для Русского Севера, хотя встречаются не только там [Филин (гл. ред.) 1972а: 333; 1972б: 306]; см. также [Герд (гл. ред.) 1995: 18–19]. В архангельских говорах лексемы с этим значением распространены чрезвычайно широко и до сих пор регулярно используются, дериваты насчитывают более 30 вариантов [Гецова, Нефедова (отв. ред.)

¹ Примеры подаются в орфографизированном виде, иногда сохранены некоторые характерные для архангельских говоров грамматические и фонетические особенности (цоканье, долгие твердые шипящие).

1999: 407–409, 414, 420–422, 425–426; 2001: 128; Матвеев (ред.) 2005: 196–198, 200, 203, 297].

Статья построена на материалах «Архангельского областного словаря» и его богатейшей картотеки.

2. Словообразовательные и фонетические/фонемные варианты. Термины, обозначающие ‘жену дяди’, образованы от основ, которые встретились для номинации *дяди*, т. е. от корней *дяд-* (*дед-*). На синхронном уровне можно было бы считать корень *дед-* фонетическим вариантом корня *дяд-*, т. к. в архангельских говорах регулярно встречается произношение [е] на месте /а/ в позиции между мягкими согласными. Но так как специалисты-этимологи связывают корень *дяд-* в слове *дядя* и его дериватах с корнем *дьд-* (**дѣдъ*) (см. [Трубачев 1959: 85]), то вполне возможно, что варианты лексем с корнем *дед-* являются более архаичными, чем с корнем *дяд-*.

Наши информанты связывают оба корня: *Мой дядя женился на женщине, она мне будет дедина, надо бы дядина, а говорили дедина. Правильно-то оно дяденка, от слова «дядя». Она мне дедина, дядя по-старому. Мне дедина, мужу я дядей была.*

Сохранение архаического **ѣ* подтверждается произношением в корне не только [е], но и [и], которое обычно встречается на месте старого *я* (ср. также словоформу *дидюшко* < *дедюшко* в значении ‘дядя’): *А мне диденка — тати за братом-то — и гоорит... Она мне диенка — значит тѣта. Дийка в магазине работает, тѣтя евонна. Дийины сапоги, дак те неловкие, на каблуке.*

В интервокальной позиции (между гласными) /д/ может переходить в /j/. Таким образом, производные со значением ‘жена дяди’ образуются от основ *дяд-*, *дед-*, *дей-*. Варианты лексем с этими корнями представлены в таблице.

Распределение лексем с корнями *дяд-, дед-, дей-* со значением ‘жена дяди’

The distribution of lexemes with the roots *d'ad-, ded-, dej-* with the meaning of ‘uncle's wife’

дяд-	дядя, дядина, дядинка, дяденка, дядня
дед-	дедева, дедена, деденка, деденко, деденька, дедина, дединка, дединко, дединочка, дединушка, дединька, дедишка, дедна, деднюшка, дедня, дедька, дедьна, дедюшка
дей-	деена, деенка, деина, деинка, деинька, дейна, дейнушка, деюна, деюнка, деюшка

Лексем с корнем *дед-* в нашем материале оказалось значительно больше, чем с корнем *дяд-*: *У дедевы-то приторгаивали, там подклет. Вот у папы был брат, у него было три дочери, они маму-то мою всё звали*

деденка. Дедушко был, бабушко, да тато да **деденко**, да все вместе и жили. У сестры моей племянники, вот им моя жена **дедина**. Ему дядька, а жену ево **дединой** звали. **Дединка** — это моей мамы у брата жена, жена дяди. Своя **дединушка** — то нам карбас притащила. За маминым была она братом, **дединька**. Я пять становин дарила, Паранюшку давала (замуж), да тринадцать платов, тёткам да **дедишкам**. Здесь больше всё у нас называют **дедна**, **дединой** у нас мало зовут. Детям племянников я буду **дедьюшка** уж буду, наверно. **Дедья**, она за дядей была — называется **деденка**. А **дядька** — то смиренная у нас, хорошая. Мамушка вышла, **дедюшка** вышла. В значении 'жена дяди' встретилось субстантивированное прилагательное в стяженной форме **дединская**: Друга-то **дединска** была мне, **дедина** мне.

Достаточно частотная лексема **дейна** образована, вероятно, от лексемы **деина** в результате устранения зияния (**дедина** > **деина** > **дейна**): За дядей была у меня **деина**. Вот он с дядькой и **дейной** воспитывался. Таким образом, к корню **дед-** примыкают лексемы с корнем **дей-**: Дядя Филип пришёл с **дееной**. Как не родня-та, брата, — всё **деенка**, а родны — то тётти. Этот дом-от, моей мамы **дейна**, **деенка**, ей всё **деенкой** звали. Тётя это не эта, уж она **деенка деенка** и есть. Наша лошадь да у **деюшки** была. За дядей была, у меня **деина**. Ко мне с **деинкой** приезжала мама. Я немного у **дейиньки** посижу, пойдём. **Дейна** — брат женитсе, и его жена детям моим будет **дейна**. **Дейнушка** поехала, звала.

Утрата /д/ и замена ее на /й/ возможна не только в интервокальной позиции, но и в начале слова: **дейна** > **ейна**, **ейня** (мена /д/ на /й/ встречается и в других случаях, ср. лексему **еверь** в знач. 'деверь, брат мужа' [Гецова, Нефедова (отв. ред.) 2010: 13]): Вчера говорила **ейня** — то. За горохом к **ейны** поехали.

Условно за доминанту синонимического ряда мы примем частотную лексему **дединка**.

3. Словосочетания, называющие жену дяди, включают существительное **жена (жёнка)** и указание на дядю — либо с использованием лексем, связанных с корнем **дяд-**, либо с косвенным указанием на дядю как брата отца или матери: **дядина жена (жёнка)**, (**у**) **дяди (дёди) жена (жёнка)**, **жена дяде**; **маминому брату жена**, **жена от мамина брата**, **мамушки брата жена**, **за маминым братом жёнка**, **жёнка брата отца**. Чаще всего аналитические конструкции являются пояснительными: Это **дядина жена** — дядья, дядинка. Ну это нынче тётка так называется, раньше была **дединка**, **дядина жена**. Вот **деденка** например моёму **дяде жёнá**, моей мамы брат, и вот мне она **деденка**. У нас в соседях была **дядина жёнка**, Прасковья, **деенка**.

Они могут иметь указание на линию родства по отцу или матери: Она **ишь**, от брата, **моей-то мамушки брата жёнá**, мне-то **деенка**. **Деденкой** называли — **жена от брата мамина**. Моя ровня, у меня была **деинка**,

маминому брату жёна́. Дейна — за **маминым братом жёнка.** Дединко — то за дядей-то, **жена брата мамы,** не тётя, а дединко. У меня у **отца брата жёнка** была — дяденка. В словосочетании по дяде **тёта** и тавтологическом сочетании **дядева тётка** речь идет все о той же жене дяди: **По дяди-то тёта.** Она с **тёткой** уехала **дядёвой.**

4. Обращение. Не все термины родства одинаково активно используются как обращения. Но, как и термины кровного родства со значением 'родная тетка', термины свойства со значением 'жена дяди' регулярно употребляются в вокативной функции (вокатив образуется и с окончанием -а, и с архаическим окончанием -о): **Деденько,** я не знаю, где **пестредильник (сарафан).** Почто дяди разрешили мне идти, **деденька?** **Деюшко,** пойдём-ко. **Деюшка,** мы уж всяко привыкли, с сахаром и без сахара. Он пришёл: «**Дедина,** отдай Фаинку в няньки в лес». Пойдём, **дединка,** рыбу ловить. Вот, **дединочка,** на Осинову пойдёшь, да к нам-от привораживай. **Дединушка,** ты не болей, ты не болей, **дединушка.** Стары-то старым, **дединька,** рознь. **Дедька,** опушка ушла. **Деенка,** ты почто на меня нажалиласе? Ак мы тут все рады: «Ой, спасибо, **деина,** спаси Господи помилуй!» **Деинка,** сварилась картошка? **Дейинька,** приходи на привальну. **Дейна,** а чёй-то последнее время? **Дядина,** ты останьсе с ребёнками.

5. Термин свойства и личное имя. Термины, называющие жену дяди, регулярно употребляются вместе с личным именем: У **деденки Настасьи** сидела на печи и играла так. Мы с **деденкой-то Мариной** проишались, я хотела перефотографировать. Мы ходили с **дединой Окулиной,** она смешна жёнка така. У нас **дедина Василиса** заговаривала зубы. Вот всё дединкой зовём, **дедина Агафья** скажем, вот ейный муж и мой отец брата. **Дедина Марья** была, я с ней горестями и радостями делилась. Дядя Артемий да **дедина Дарья.** Тут **дединка** была **Онисья-то,** така приёмиста, а та петроградка кака-то недружна. Вот где **дедна Олёнка** писала-то. Я уж у **деенки** у **Мари** чаю напился. Я заказала тут **деенки Лизаветы.** Я сходила к **деденки Домны.**

Жену дяди, как и всех «чужих» женщин, пришедших в семью (невесток), могли называть не по личному имени, а по имени мужа: Мы **дедну** свою даже не Анна звали, а **Митина** (замужем за Митей). А **дединка Архипиха** жили с Санькой. Мама — **дедна Пашина.** По мужу звали. **Пашина** да **Миколина** да. У **дедны Алексеишны** были. Я была да **дедна Ванина** была. А они молодками зовутся: молодка Якова, молодка Петра, а для детей они **дединки.**

6. Многозначность. В структуре терминов родства, с одной стороны, каждая позиция имеет собственный, строго закреплённый за нею термин. С другой — практически для любого термина родства характерны семантические сдвиги. Сдвиги эти двунаправленны. В одном случае для

указания на определенное место в структуре родства используется не только присущий этому месту термин, но и несколько других, а также словосочетания, часто имеющие пояснительный характер. В то же время сам термин оказывается многозначным и употребляется для указания на других родственников. В. Г. Гак эти семантические сдвиги назвал «скольжением смыслов». Изменения в семантике он связывал с теми коннотациями, которые заключены в самой лексеме. Применительно к терминам родства важным оказывается прямое или заместительное родство, возраст, принадлежность к определенному поколению: «Наиболее часто на подобные сдвиги значения оказывают влияние отношения смежности, соположенности и включения» [Гак 1998: 727–728]. Рассуждая о языковой вариативности в «свете общей теории вариативности», исследователь утверждал, что «вариативность — фундаментальное свойство языка», «обязательная черта всего сущего», что «варьирование — это процесс» [Там же: 367, 368].

Применительно к *дединке* это означает, во-первых, что для номинации жены дяди может употребляться не только этот специальный термин (и его словообразовательные и фонетические/фонемные варианты), но и другие термины родства: кровного, некровного, духовного (возникающего в результате крещения младенца). Во-вторых, термины, в основном своем значении указывающие на 'жену дяди', регулярно используются для обозначения других родственников.

6.1. Термины родства, употребляющиеся в значении 'жена дяди'.

В «большой круг» номинации понятия 'жена дяди' включаются собственно термины с корнями *дед-*, *дей-* и *дяд-*, отличающиеся словообразовательными моделями; термины кровного родства (*мамка*, *бабушка*, *тёта*, *тётка*, *тётя*, *тётенька*, *тётушка*, *тётина*), термины свойства (*невестка*, *сноха*) и духовного родства (*божата*, *божатка*).

Очень много свидетельств о том, что в современной деревне *дединку* все чаще называют так же, как родную тетку: *Дядину жену стали называть тётями. Шас всё тётей зовут, непривычны к деденкам. Ну это нынче тётка так называется, раньше была дединка, дядина жена. Теперь всё тётти, тётти, а раньше всё деенки были. По-нونهшнему-то тётка говорят, а раньше-то дядина. У него была деденька Катерина, ну, тётя, у нас в деревне всё деденка. Нынеца тёттой зовут, а раньше мы дединой звали, дединкой. Кто деинка, хто тётта. Дейна — можно и тёттой звать. Раньше дейной называли, шас тёткой зовётся. Зови хоть дейна, хоть тёттина. Дяди Пети жену я уж не дединкой звала, а тётя Шура. Те ходили, деденкой звали, а я звала тётя Нина. В городах не зовут дейной, всё тёттой.*

Есть контексты, где *дединка* уже не объясняется через *тётку* (или наоборот), но прямо используются лексемы с корнем *тёт-*: *Отцу за братом*

была **тётя**, веселуха была. Егоршиха, Егорша-то был мамин брат, вот как-кая была **тётка**, на пятидесятом она мальчика родила. Ну это она к **тётушке** ходила, муж-то матери брат. У меня раньше **тётушка** была, это мамина как сноха, за братом. Приехали к нам гости: дядя Коля Родионов да **тётя** Лена, дяди Коли жёнушка.

Встретились примеры с дифференциацией, когда дединой была для племянников только жена дяди по отцу, т. е. жена брата отца, тогда как жена брата матери называлась **тётка**, **тёта**: *Вот по отцу — дединки, а по матери — тётки. По мужикам она дедина, по сёстрам — тётка. Братневы дети меня зовут дедина.* Может быть и наоборот: *У маминых братьей — дединки, у папиных — тётки.*

Но чаще всего, вне зависимости от того, с чьей стороны — отца или матери — оказывается дядя, жена дяди все-таки будет дединой (деенкой, дединой, дедней): *Отцу за братом — деденка, матери за братом — то же само. Дедина — там хоть отцу двоюродны братья, а ихни жёны — дединки.*

Для номинации жены дяди встретились и другие термины кровного родства. Жена дяди, состарившаяся или имеющая внуков, — **бабушка**, **бабуля**: *Дединушка, а бабушка все звали. Бабуля из того дома была — деинка мне, бабуля.*

Уважительное ласковое обращение **мамка** могло употребляться не только по отношению к свекрови или крестной матери, но, по-видимому, ко всем старшим родственницам, в том числе к жене дяди: *Дедину мамкой звали, а мать — мамой.*

Объяснение, кто такая дединка, может идти не со стороны племянников, а со стороны матери племянников, в таком случае та же женщина, которая будет женой родного дяди для племянников мужа, для матери этих племянников будет **невестка**, **сноха**, **молодка**, т. е. жена деверя, брата мужа. В таком случае в пояснениях используются лексемы соответствующих терминов свойства: **невестка**, **сноха**. Контексты могут быть не очень понятными человеку, не посвященному в родственные отношения, так как **отцом** здесь может называться муж, а **дядей** — брат мужа (брат отца): *Еённые ребята должны звать её деденкой. Деденка — это невестка. Невестка — жена дяди. Брат отца женится, его жена — невестка. Моёму-то мужику будет от дяди-то она невестка. Деденька учила — она отцу будё за братом, невестка за братом сцитается.*

Для номинации жены дяди могут использоваться термины духовного родства (**божата**, **божатка**, **крёстная мать**, **крестовая дедя**). Смешение терминов происходит из-за наложения функций: часто именно жена дяди оказывалась восприемницей младенца: *Божатка была, деденка Ирина. У меня была божатка, вот здесь, отцу за братом была, деденка. А божатка — это раньше вот это, по-деревенски, называли сноху божаткой.*

*В родственных отношениях дединка — крёстная мать. Как и в других случаях, термин, связанный с духовным родством, родством по крещению, оказывается предпочтительней, чем термин родства или свойства (см. об этом [Качинская 2019: 75]): Она заревела, заругалась: «Я тебе в купели держала, я тебе **крёстна**, а ты меня **дядиной** зовёшь!» Да не **дядиной** надо звать, а **божаткой** надо звать.*

В некоторых случаях лексемы *божата*, *божатка* употреблялись в отношении к родной тетке независимо от того, была ли тетка крестной матерью или не была. Но то же самое происходило по отношению к жене дяди: *У меня на Якушевской Степанида, у её муж был моей мамы родной брат, ак, например, мы их звали хрёстный да **божатка**, не знаю, почто звали. С детства сказали, что хрёстный да **божатка**. Я сначала думала, что **божатка** — это как хрёстна, обычно когда крестят, так это крёстны бывают, да я некрещёна была. Я не звала её **божаткой**, всё **тётя**.*

6.2. Многозначность терминов с основным значением ‘жена дяди’. При смешении терминов, называющих кровных и некровных родственников по боковой линии, обычно термин кровного родства вытесняет термин свойства. Но в некоторых случаях происходит наоборот, и уже родную тетку называют *дединка*, *деенка*, *дядина*: *У меня дети родятся — и зовут **дединка** мою сестру, хто **дединка**, хто **тётя**. **Деенка** — молодая и незамужняя сестра матери, отца. **Деенка**-то где? Сестра матери или отца, незамужняя. Мы звали папина сестра или мамина — **дядиной**. А ещё здесь называют **деенка** — **тётка**: **батька** или **матки**.*

Деенкой могли назвать двоюродную сестру, возможно, более старшего возраста: *Это двоюродна сестра, вот **деинка***. Видимо, здесь важным оказалось боковое родство, и номинация сместилась с матери (жены дяди) на дочь (сестру).

Гораздо чаще, чем в направлении *свойство > кровное родство* семантические сдвиги идут в направлении *свойство > свойство*.

Многозначность терминов, в основном значении обслуживающих понятие ‘жена родного дяди’, как и многозначность многих других терминов, связана с точкой отсчета. В данном случае — для кого именно из родственников дядя будет родным братом отца или матери. В основном значении *дединкой* женщина будет всем племянникам мужа. Но мать этих племянников свою невестку (сноху, молодку) называет так же, как ее должны называть ее дети. Номинация, таким образом, идет «по детям»: *У деверя жены ребёнок родился, то **дединой**-то звал. **Дедина** — дак это жена деверя, так у нас раньше было. **Деюнкой** называют. **Марья**-то **Васильевна** **деюна** тебе, деверю жена. **Дейной** раньше звали, которая по мужу. **Щас** всех **тётами** зовут.*

Дединка (дедина, деина, деюна, деюнка) — жена брата мужа, т. е. деверя.

Если немного сместить точку отсчета, то дединками будут **жены родных братьев** по отношению друг к другу, хотя это та же самая данность, и номинация опять же идет «по детям»: **Жёны братьев зовут друг друга дединка. Деденок, братних-то невесток, много. Деденка — это невестка. Два брата есть, поженились, у них дети есть, его дядей зовут, а жёнку — деиной. Три брата, у каждого есть дети, каждый должен звать дединкой.**

Жена родного (или двоюродного) брата — дедина, дединка, деенка, дейна, дядина. Номинация снова идет «по детям»: **У меня вот была жена брата, так деиной звал. Брат мой жёнился — я должна называть её дединка. Отца или матери брат, мужской пол женится, жена мне дедина. Дединка, за братом была женщина-то. У брата вот жёнка, дак нам-то дедина. Матери невестка, а нам-то дедина. Уж дейна — это будет братова жена. Дядина — это жёнка брата. Родна — тётушка была, а сноха-то — деенка.**

Жена дяди мужа — дедина, деденка, деинка, дедна. Номинация идет уже «по мужу»: **Дедины ситцу на платьё — это мужикову отцу-от брата жене. Деденка — это брата, свёкру брат, жена его. Свёкру брат, его жена деденка. Деинка — это значит у моёго свёкра есть брат, я его называю дядя, а его жену — деинка.**

Жена брата бабушки, т. е. жена дяди матери или отца, для внучатых племянников мужа тоже дедина: Дедина — жена бабушкина брата. Ак деины — вот у меня племянник: моя хозяйка будет дедина внучатым им.

Так как **дединок** оказалось довольно много в разных поколениях, начинается некоторая путаница при выяснении, кого же следует называть этим термином. **Дединкой, дедной** вдруг оказывается **золовка, сестра мужа: Дедна или дединка** раньше называли. Это, наверно, мужню сестру **дедной** называли. **Деенка** Ольга-то мне, мужика сестра — та золовка, и мужика сестра, и у неё сестра — та **деенка** вроде как. Если сестра — то **дядиной** звали.

В результате любая дальняя некровная родственница, свойственница может быть названа дединкой: **А женщин всех звали деенка, которая не родня. Деенка — это значит чужой тебе человек. Тётеньку называли дедня, далёкая родственница, всё равно, по чьей линии. Дедня — она не бабка, тут уж родня кака-то. Кто она будёт-то, деинка? Жила у нас деинка, маленька такая старушка. Деинкой и неродню звали, примчивая старушка, все её любили, она всех принимала. Если примчивая старушка, принимала гостей, её любили и деинкой называли. Дейинка, быват, и общая.**

Как мы видим, количество **дединок** в семье довольно велико: смешиваются термины, называющие родных и неродных теток, термины, обслуживающие кровное, некровное и духовное родство.

Есть устойчивая тенденция называть человека в семье по какой-то одной его роли, которая домашним представляется наиболее актуальной. Таким образом, условной *дединкой* является жена дяди; родная тетка; жена деверя (= брата мужа); жена дяди мужа (= брата свекра или свекрови); жена дяди жены (= брата тестя или тещи); жена родного брата.

Литература

- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 403 с.
- Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 764 с.
- Герд А. С. (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. 448 с.
- Гецова О. Г., Нефедова Е. А. (отв. ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 10. М.: Наука, 1999. 479 с.; Вып. 11. М.: Наука, 2001. 479 с.; Вып. 13. М.: Наука, 2010. 358 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / Под ред. Бодуэна де Куртенэ (репринтное воспроизведение 1903–1909 гг.). Т. I. М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1994. 912 с.
- Качинская И. Б. Термины духовного родства в архангельских говорах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Том 78. Вып. 1. С. 72–79.
- Матвеев А. К. (ред.). Словарь говоров русского севера. Т. 3. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. 388 с.
- Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 212 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л.: Наука, 1972а. 355 с.; Вып. 8. Л.: Наука, 1972б. 369 с.

References

- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries] Vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1977. 403 p.
- Dal V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. Vol. I. Moscow, Publishing group "Progress" "Universe", 1994. 912 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 7. Leningrad, Nauka Publ., 1972a. 355 p.; Vol. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1972b. 369 p.
- Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moscow, Shkola "Yazyki Russkoi Kul'tury" Publ., 1998. 764 p.

- Gerd A. S. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. Vol. 2. St. Petersburg, Publ. house of the St. Petersburg Univ., 1995. 448 p.
- Getsova O. G., Nefedova E. A. (resp. eds.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Archangelsk Region Dialect Dictionary]. Vol. 10, Moscow, Nauka Publ., 1999. 479 p.; Vol. 11, Moscow, Nauka Publ., 2001. 479 p.; Vol. 13, Moscow, Nauka Publ., 2010. 358 p.
- Kachinskaya I. B. [The terms of spiritual kinship in the arkhangelsk dialects]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2019, vol. 78, no. 1, pp. 72–79. (In Russ.)
- Matveev A. K. (ed.). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Iss. 3. Ekaterinburg, Ural University Publishing House, 2005. 388 p.
- Trubachev O. N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroya* [The history of Slavic kinship terms and some of the oldest terms of the social system]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959. 212 p.

Редукция безударных гласных до нуля в русском литературном языке и ее отражение в словарях

Дмитрий Михайлович Савинов, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), crillon@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040056

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена отражению в лексикографической практике редукции безударных гласных до нуля в русском литературном языке. В статье показано, что лексикографическое представление случаев диерезы безударных гласных в словарях различного типа не всегда последовательно. Например, в академическом «Словаре современного русского литературного языка» отмечаются варианты с графическим отражением диерезы гласного *прѣтолкa*, *пáпортник*, *жáвронок* и *пѹгвица*, однако «Большой академический словарь русского языка» фиксирует только варианты *пѹгвица* и *пѹгвичник*. В орфоэпических источниках соответствующие произносительные рекомендации также противоречивы: в «Словаре ударения и произношения слов русского языка» варианты *прѣто[лк]a* и *прѣво[лк]a* маркируются как неправильные, тогда как в «Большом орфоэпическом словаре» эти варианты признаются основными. В статье предложено различать, с одной стороны, лексическую или морфологическую прикрепленность диерезы гласного к конкретному слову или морфеме, с другой стороны — лексикализацию произношения без гласного. В первом случае фиксация вариантов с диерезой гласного в словарях орфоэпического типа представляется избыточной, поскольку выбор произношения, как правило, зависит от фразовой позиции и происходит автоматически. При лексикализации произношение слов автоматически не вытекает из их написания, и потому они нуждаются в орфоэпическом комментировании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский литературный язык, орфоэпия, вокализм, диереза безударных гласных, словари

для цитирования: Савинов Д. М. Редукция безударных гласных до нуля в русском литературном языке и ее отражение в словарях // Русская речь. 2024. № 4. С. 54–62. DOI: 10.31857/S0131611724040056.

Issues of Modern Russian Language

Complete Reduction of Unstressed Vowels in the Standard Russian Language and its Reflection in Dictionaries

Dmitry M. Savinov, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), crillon@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the complete reduction of unstressed vowels in the standard Russian language. The article shows that the cases of dieresis of unstressed vowels in the dictionaries of various types are not always represented consistently. For example, in the academic “Dictionary of the Modern Standard Russian language” variants with a graphic reflection of the vowel dieresis are noted in *prítolka*, *páportnik*, *zhávronok*, *púgvitsa*, but “Great Academic Dictionary of the Russian Language” fixes only the variants *púgvitsa*, *púgvichnik*. In orthoepic sources, the corresponding pronunciation recommendations are also contradictory: in the “Dictionary of Stress and Pronunciation of Words in the Russian Language” the variants *prító[lk]a* and *próvo[lk]a* are marked as incorrect, while in the “Big Orthoepic Dictionary” these variants are recognized as the main ones. The article proposes to distinguish, on the one hand, the lexical or morphological attachment of the vowel dieresis to a specific word or morpheme, and, on the other hand, the actual lexicalization of a pronunciation without a vowel. In the first case, fixing variants with vowel dieresis in orthoepic-type dictionaries seems

redundant, since the choice of pronunciation, as a rule, depends on phrasal position and occurs automatically. In the second case, the pronunciation of the words does not necessarily derive from their spelling, and therefore they require orthoepic commentary.

KEYWORDS: Russian standart language, orthoepy, vocalism, diarexis of unstressed vowels, dictionaries

FOR CITATION: Savinov D. M. Complete Reduction of Unstressed Vowels in the Standard Russian Language and its Reflection in Dictionaries. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 4. Pp. 54–62. DOI: 10.31857/S0131611724040056.

Как известно, в русском литературном языке ритмическая структура слова обычно описывается «формулой А. А. Потебни», согласно которой акцентное ядро слова, включающее ударный и 1-й предударный (далее — п/у) гласный, противопоставляется всем остальным безударным гласным: «Если тоническую силу ударяемого слога обозначить через 3, то отношение других слогов к ударяемому в четырехсложном слове можно будет изобразить так: 1, 2, 3, 1» [Потебня 1866: 66]. «Сила» конкретного слога непосредственно влияет на характеристики образующего его гласного звука: именно поэтому гласные в безударных слогах (кроме 1-го п/у, а также гласных в некоторых особых позициях¹) подвергаются значительной редукции, однако наиболее слабой оказывается заударная (далее — з/у) часть слова, которую иногда называют «периферийной частью ритмической структуры» [Златоустова 1981: 7]. «Заударный гласный рядом с сонорным может редуцироваться до нуля: *прó[въл]ка, скó[връ]ду, нá[вълъ]чка, вы́[цръ]пать, сúdo[рг]а...*» [Панов 1967: 264]. В приведенных примерах выпадение слогового гласного приводит к уменьшению количества слогов; в других случаях количество слогов может сохраняться за счет того, что «сонорный согласный, “около которого” нулизован гласный, становится слоговым: *го[р]д, хó[л]да, козлѣ[н]чек, пѣ[с'н]ка, кóм[н]та...*» [Панов 1967: 265]. В примерах типа *козлѣ[н]чек* «след» выпавшего заударного гласного проявляется не только в слоговости [н], но и в сохранении твердости переднеязычного согласного перед следующим мягким зубным (по правилам русской фонетики перед [ч'] должно происходить позиционное смягчение [н]).

¹ Об отклонениях от «формулы А. А. Потебни» см. [Панов 1979: 82].

О значительной редукции э/у гласных пишут и многие другие авторы, изучающие устную речь. Так, Г.А.Барина, исследовавшая редукцию гласных в разговорной речи, приходит к выводу: «Наиболее склонен к сильной и полной редукции гласный первого заударного слога» [Барина 1971: 116]. Г.А.Барина указывает, что одним из факторов, способствующих выпадению безударного гласного, является соседство с сонорными, а также фрикативными согласными (прежде всего со звуком [в]); в результате диерезы сонорные согласные зачастую становятся слогоносителями — *Юльевна*: [júl'нъ]; *комната* [кóмн̩та]; *пожалуйста* [пажáлд̩сть] и т.д. По данным Г.А.Бариной, чаще всего наличие/отсутствие гласного в соответствующих формах вариативно — *вытирашила*: [вы́тьр̩ш'иль] и [вы́тьр̩ш'иль]; *наволочка*: [на́вълч'къ], [на́вълч'къ] и [на́вълч'къ]; *луковица*: [лúкв'иц̩] и [лúкв'ц̩] и т.д., однако некоторые слова произносятся только одним способом — с диерезой безударного гласного, что свидетельствует об изменении их фонемного состава — *провода*: [прóвълкъ] (но не [прóвълкъ] или [прóвълкъ]); *папоротник*: [пáпърт'н'ик] (но не [пáпърт'н'ик] или [пáпърт'н'ик]) и т.д. [Барина 1971: 108–109].

В ряде случаев полная редукция гласного, приводящая к уменьшению количества слогов, «может фиксироваться ритмом стиха (а иногда и написанием): “С утра дней счастлив и славен, Кто тебе, мой мальчик, равен? Только жавронок живой...” (Е.А.Баратынский)» [Панов 1967: 264]. Неслучайно варианты с графическим отражением диерезы иногда отмечаются даже в толковых словарях. Например, в первом издании «Большого академического словаря» есть две заглавные статьи *пр́толока* и *пр́толка*, последнее слово дано с пометой «разг.» [Биржакова, Рогожникова (ред.) 1961: 805–806], также отдельно дан вариант *пáпортник* с отсылкой к статье *пáпортник* [Котелова, Качевская (ред.) 1959: 139]. На возможность написания *жáвронок* и *пúговица* указывается в справочном разделе статьей *жáворонок* [Бабкин (ред.) 1955: 8–9] и *пúговица* [Биржакова, Рогожникова (ред.) 1961: 1654–1655]. Однако во втором издании «Большого академического словаря» упоминаются только графические варианты *пúговица* и *пúговичникъ* в справочном разделе статей *пúговица* и *пúговичник* [Шушков (ред.) 2012: 486–487].

«Русский орфографический словарь» обычно формы типа *жáвронок* не кодифицирует. Однако, по данным Национального корпуса русского языка, варианты с пропуском буквы на месте отсутствующего безударного гласного широко распространены в письменном узусе, в том числе в произведениях художественной литературы. Особенно часто встречаются ошибочные с точки зрения современной орфографии написания *жавронок*, *папортник*, *притолка*, *провода*, *сутолка*; отмечаются также *пуговица*, *некторые* и др.

Произношение слов с редуцированными до нуля безударными гласными также не всеми признается нормативным. Так, Р. И. Аванесов указывает на то, что «как правило, редукция не должна доходить до полной утраты гласного»; лишь «в отдельных словах допускается произношение с пропуском гласного: *про́[въл]ка* (провода), *ско́[вр]ду* (сковороду), *не́[ктв]рые* (некоторые), *ме́[с'цъ] два* (месяца два) — последний пример в беглой речи». Отдельно Р. И. Аванесов выделяет позицию в заударном неконечном слоге между звуками [в], где «гласный на месте буквы *о*, а также буквы *ы* как норма не произносится... Утрата гласного компенсируется в этом случае удлинением первого согласного [в], приобретающего слоговой характер. Ср. произношение слов *сливовых*, *ивовый*, *засовывать*: *сли́[вв]ых*, *и́[вв]ый*, *засо́[вв]ать*». Остальные случаи полной редукции, по мнению Р. И. Аванесова, находятся за пределами литературной нормы [Аванесов 1954: 48–50].

Большинство словарей орфоэпического типа о возможности произношения слов типа *провода*, *сутолка*, *пуговица* и т. п. с диерезой з/у гласного не упоминает (например «Орфоэпический словарь русского языка» [Еськова (ред.) 2010]). В «Словаре ударения и произношения слов русского языка» варианты *при́толка*, *при́толки*, *про́волка*, *су́толка* маркируются как неправильные [Резниченко 2021: 256, 257, 313]. «Большой орфоэпический словарь» — первый источник, кодифицирующий подобные варианты. Так, варианты произношения *жа́[вр]онок*, *па́по[р]тник*, *па́по[р]тниковый*, *при́то[л]ка*, *про́во[л]ка*, *про́во[л]чник* признаются основными, а *су́то[л]ка*, *су́то[л]чный*, *двою́[рн]ый*, *на́[в]лочка* — допустимыми (последние два с пометой «в беглой речи») [Касаткин (ред.) 2023: 154, 196, 396, 499, 645, 649, 822]. В этом словаре кодифицируются и другие случаи диерезы гласного в з/у слогах, например в суффиксе *-тель-* [Касаткин (ред.) 2023: 962–963].

Нецелесообразность кодификации написаний с графической фиксацией диерезы типа *жа́ввронок* или *пу́гвица* в орфографических и толковых словарях представляется очевидной, поскольку русская орфография принципиально не передает произношение во всем его многообразии; однако вопрос об отражении в орфоэпических словарях вариативности типа *на́[въл]очка* / *на́[в]лочка* или *не́[т'ил']ка* / *не́[т'л']ка* остается открытым. С одной стороны, орфоэпия — это «наука, которая изучает варьирование произносительных норм литературного языка и вырабатывает произносительные рекомендации (орфоэпические правила)» [Панов 1979: 195]. Разумеется, потенциальная вариативность произношения гласных в данном случае характеризует конкретные слова и потому относится к сфере орфоэпии. С другой стороны, орфоэпические правила должны быть прагматичны, поскольку «обращены к массам, а не к одним

только филологам» [Панов 1979: 196]; иначе говоря, «подлинная задача словарей — давать оценку тем альтернативным вариантам, которые осознаются говорящими и относительно которых существует возможность сознательного выбора и воспроизведения одного из них» [Пожарицкая 2004: 236].

Представленный материал свидетельствует о том, что необходимо различать, с одной стороны, лексическую или морфологическую прикрепленность диерезы гласного к конкретному слову или морфеме, с другой — лексикализацию произношения без з/у гласного.

При лексической или морфологической прикрепленности диерезы произношение с гласным, без гласного или со слоговым сонорным обычно вариативно и характеризует конкретные слова (группы слов) и морфемы: например, женские отчества типа *Фёдоровна, Ивановна* или суффикс *-тель-* (*писательский, вредительство* и т. д.). По мнению М. В. Панова, в ряде подобных случаев «произношение со слоговым характеризует меньшую степень стилистической разговорности, а с неслоговым, при полной редукции слога — большую степень разговорности» [Панов 1967: 265–266]. Однако с этим нельзя согласиться. Оставляя в стороне вопрос о том, что такое «разговорность»², необходимо подчеркнуть, что отмеченная вариативность не связана напрямую с книжным или разговорным стилями, а произносительные варианты типа *за го[рд]ом* или *ади[нц]ать* с неслоговым согласным употребляются не только при непринужденном общении в неформальной обстановке, но регулярно фиксируются в спонтанной речи, относящейся к официально-деловому и публицистическому стилям. Например, Р. Ф. Касаткина доказала, что особенности реализации суффикса *-тель-* в з/у слоге определяются прежде всего фразовой позицией, а не стилем речи [Касаткина 2013: 25].

Очевидно, что формы типа *Фё[дървь]на, Фё[дървь]на* или *Фё[дър]на; козлѐ[нъ]чек, козлѐ[н]чек* или *козлѐ[н]чек* выбираются говорящими неосознанно, автоматически, их появление зависит от ряда факторов: прагматического, темпорально-ритмического, но прежде всего — от характера фразовой позиции — *Лектора зовут не Ирина Прохорова, а Ирина Фё[дървь]на* (сильная позиция); *На лекции к Ирине Фё[дър]не* (слабая позиция) *никто не ходит*. Иначе говоря, выбор конкретного варианта не может регламентироваться строгими нормативными предписаниями (в том числе стилистического характера). Именно поэтому информация о возможных произносительных вариантах данной группы слов (с гласным /

² Ср. замечание М. Л. Каленчук: «Почти полное игнорирование современной лексикографией вопросов произносительной специфики разговорной речи не случайно — за этим стоит и неразработанность теоретических аспектов разговорной фонетики, и спорность многих нормативных трактовок, и расплывчатость самого явления» [Каленчук 2024].

без гласного, со слоговым/неслоговым согласным) в орфоэпических словарях представляется избыточной³.

При лексикализации отмечается особый фонемный состав слов, и отсутствие гласного безвариативно. Произношение слов *прово́лока*, *папо́ротник*, *прито́лока*, *суто́лока*⁴, в которых произошла лексикализация произношения с диерезой э/у гласного [Баринава 1971: 108], автоматически не вытекает из их написания (обычно буква *о* в этой позиции обозначает звук [ɔ]), и потому они нуждаются в орфоэпическом комментировании⁵. Встречающиеся в некоторых источниках предписания, выводящие варианты *прѐто*[лк]а или *прѐво*[лк]а за пределы литературной нормы, можно признать некорректными как в практическом, так и в теоретическом отношении. Произношение без гласного в случае лексикализации — это **единственно** возможный орфоэпический вариант, а подобные запретительные рекомендации обусловлены неразличением фонетики и графики и появляются под влиянием написания соответствующих слов. Однако буква *о* в примерах типа *прово́лока* или *папо́ротник* не соотносится ни с единицей речи, ни с единицей языка и пишется только в соответствии с традиционным принципом орфографии.

Литература

- Аванесов Р. И. Русское литературное произношение: учебное пособие для учительских и педагогических институтов. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1954. 184 с.
- Бабкин А. М. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 4. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 1364 стб.
- Баринава Г. А. Редукция гласных в разговорной речи // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М.: Наука, 1971. С. 97–116.
- Биржакова Е. Э., Рогожников П. П. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 11. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1842 стб.

³ Так же, как нецелесообразно давать в орфоэпических словарях варианты компрессированных форм, соотносенных с определенной ситуацией речи, в отличие от немногочисленных компрессивов, которые «находятся на пути отрыва от исходного фонетически нередуцированного слова и постепенно превращаются в отдельные слова» [Каленчук 2024].

⁴ В идиолекте некоторых носителей русского литературного языка форма в *су́то*[лѐк]е может произноситься без диерезы.

⁵ В некоторых идиолектах лексикализация произношения с диерезой отмечается и в других случаях: например в слове *лу*[гв'и]ца [Баринава 1971: 109] или в названии московской улицы *Ша́*[бл]овка (орфографически *Шаболовка*), произошедшем от названия несуществующей ныне деревни *Ша́болово*.

- Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. М.: АСТ, 2015, 1008 с.
- Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 105 с.
- Каленчук М. Л. Разговорная фонетика и лексикография // Труды ИРЯ РАН. 2024. № 3 (в печати).
- Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. 1024 с.
- Касаткина Р. Ф. Компрессированные формы слов в русской речи // Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 22–27.
- Котелова Н. З., Качевская Г. А. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 9. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1482 стб.
- Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.
- Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.
- Пожарицкая С. К. Орфоэпия: идея и практика // Язык и речь. Проблемы и решения. Сборник научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М.: Макс Пресс, 2004. С. 231–238.
- Потебня А. А. Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий. Воронеж, 1866. 156 с.
- Резниченко И. Л. Словарь ударения и произношения слов русского языка (5–9 классы). М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. 368 с.
- Шушков А. А. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 21. М.–СПб.: Наука, 2012. 629 с.

References

- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian literary pronunciation]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1954. 184 p.
- Babkin A. M. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 4. Moscow – Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 1364 cols.
- Barinova G. A. [Reduction of vowels in spoken speech]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka: Fonologicheskie podсистemy* [Development of phonetics of the modern Russian language: Phonological subsystems]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 97–116. (In Russ.)

- Birzhakova E. E., Rogozhnikova R. P. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 11. Moscow – Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 1842 cols.
- Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. Moscow, AST Publ., 2015. 1008 p.
- Kalenchuk M. L. [Conversational phonetics and lexicography]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 2024, no. 3 (In press). (In Russ.)
- Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [A large orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the 21st century: the norm and its variants]. Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. Moscow, AST-PRESS SCHOOL Publ., 2023. 1024 p.
- Kasatkina R. F. [Compressed forms of words in Russian speech]. *Russkaya fonetika v razvitii. Foneticheskie "otcy" i "deti" nachala XXI veka* [Russian phonetics in development. Phonetic "fathers" and "sons" of the early 21st century]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2013, pp. 22–27. (In Russ.)
- Kotelova N. Z., Kachevskaya G. A. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 9. Moscow – Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 1482 cols.
- Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 438 p.
- Panov M. V. *Sovremennyyi russkii yazyk: Fonetika* [Modern Russian language: Phonetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1979. 256 p.
- Pozharitskaya S. K. [Orthoepy: ideas and practice]. *Yazyk i rech'. Problemy i resheniya. Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu professora L. V. Zlatoustovoi* [Language and Speech. Problems and solution. Collection of scientific papers for the anniversary of Professor Zlatoustova]. Moscow, Maks Press Publ., 2004, pp. 231–238. (In Russ.)
- Reznichenko I. L. *Slovar' udareniya i proiznosheniya slov russkogo yazyka (5–9 klassy)* [Dictionary of stress and pronunciation of Russian words (grades 5–9)]. Moscow, AST-PRESS SCHOOL Publ., 2021. 368 p.
- Shushkov A. A. *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [A large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 21. Moscow – St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. 629 p.
- Zlatoustova L. V. *Foneticheskie edinitsy russkoi rechi* [Phonetic units of Russian speech]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1981. 105 p.

О некоторых общих номинациях лиц детского возраста в истории русского и китайского литературных языков

Ван Вэньцзюань, Институт иностранных языков Университета электронных наук и технологий
Китая (Китай, Чэнду), amaliarussia@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040069

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена истории формирования номинаций детей в русском и китайском литературных языках. Различие временных рамок использованного в статье фактического материала обусловлено особенностями исторического развития русского и китайского языков, а также их письменной фиксации. При этом отмечается, что данный процесс обнаруживает серьезное типологическое сходство. Это проявляется в возможности образования большого числа номинаций от небольшого количества древних корней, в стабильности и сохранности корневого материала, а также в том, что семантика лексем в обоих языках может проходить через одни и те же стадии своего развития. В составе значения и того, и другого языка могут быть представлены такие семантические компоненты, как ‘раб’, ‘слуга, работник’. Между языками существуют также различия в развитии семантики. В русском языке семантическое развитие идет в направлении увеличения возраста, на который может распространяться данная номинация: ‘ребенок’ > ‘молодой человек’. В китайском же языке этот процесс может идти в обратную сторону — от наименования взрослого до наименования ребенка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: номинация, семантика слова, сопоставительный анализ, русский язык, китайский язык, история языка

для цитирования: Ван Вэньцзюань. О некоторых общих номинациях лиц детского возраста в истории русского и китайского литературных языков // Русская речь. 2024. № 4. С. 63–78. DOI: 10.31857/S0131611724040069.

From the History of the Russian Language

On Some Nominations of Children in the History of Russian and Chinese Languages

Wang Wenjuan, School of Foreign Languages, University of Electronic Science and Technology of China (China, Chengdu), amaliarussia@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the history of children's nominations in Russian and Chinese languages. The difference of time range of factual materials used in the article is due to the particularity of the historical development and the fixation of Russian and Chinese languages. The process reveals a serious typological similarity. This is manifested in the possibility of the formation of a large number of nominations from a small number of ancient roots, stability and preservation of the root material, and also in the fact that the semantics of lexemes in both languages can pass through the same stages of their evolution. The meanings of both languages may contain such semantic components as “slave”, “servant, worker”. There are also differences in semantic development between languages. In Russian, the semantics evolve in the direction of age: “child” > “young man”. In Chinese, the process can go in the opposite direction—from naming adults to naming children.

KEYWORDS: nomination of persons, semantics of words, comparative analysis, Russian language, Chinese language, history of language

FOR CITATION: Wang Wenjuan. On Some Nominations of Children in the History of Russian and Chinese Languages. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 4. Pp. 63–78. DOI: 10.31857/S0131611724040069.

Понятие «возраст» является одним из центральных в языковой картине мира, оно обнаруживает свои средства выражения в пространстве любого языка. Отмечалось, что «выделяемые в праславянском и индоевропейском языках возрастные группы параллельны и в том, что касается их состава, и в том, что касается их последовательности, временному членению природного и хозяйственного, в особенности годового цикла, также составляющего некое замкнутое целое, как и жизнь человека» [Иванов, Топоров 1984: 97]. В связи с этим особенно актуальной представляется задача сравнения лексики подобного рода в разноструктурных языках, имеющих разные истоки формирования, носители которых прошли различный путь исторического развития, — русском и китайском. Предметом исследования служат некоторые общие номинации лиц детского возраста в истории русского и китайского литературных языков.

Названия детей были представлены в русском языке с самого раннего периода его существования. Предполагается, что такие номинации оформляются в праславянскую эпоху при отсутствии их в общеиндоевропейском языке [Трубачев 2008: 51]. При этом здесь количественно преобладают дериваты от корня **dět-* (> *detu*). Этимологи возводят этот корень к и.-е. **dhē-* и **dhēi-*, к которым также восходят др.-инд. *dháyati* ‘сосать грудь’, праслав. **dojiti* ‘дойти’ и др. [Трубачев (ред.) 1978: 51]. Таким образом, первичное представление о ребенке складывается как представление о младенце, сосущем материнскую грудь.

Для праславянского языка реконструируется форма **dětę* [Трубачев (ред.) 1978: 51], однако в наиболее ранних славянских памятниках письменности (старославянских текстах узкого канона) такой формы единственного числа не фиксируется. Присутствует только форма множественного числа *дѣти*, образованная от **dětъ*: не *дѣте дѣти* *приходити къ мнѣ* (Мариинское евангелие, Мк. 10, 14, IX в.) [Цейтлин (ред.) 1994: 205]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера встречаем указание на эту форму в единственном числе — дитя ср. р., мн. дѣти... Праслав. **dětę*, **dětъ* [Фасмер], при этом родство данных форм определяет история праслав. **ě*, который, как известно, на восточнославянском пространстве имел рефлексy *е* и *и*. В виде формы *дет*а это слово представлено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» только в одном, достаточно позднем (Псковская судная грамота, XVI в.), контексте, в котором, однако, говорится не о живом ребенке, а о выкидыше: *а жонка в то время дет*а *выверже* (XVI в.) [Бархударов (гл. ред.) 1977: 240]. В форме множественного числа слово *дети* вошло и в современный русский язык, где является

основным обобщенным наименованием лиц детского возраста [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 256].

Если говорить о словообразовательных вариантах от этого корня, то еще в старославянском языке зафиксировано производное ед. ч. *дѣтищь* [Цейтлин (ред.) 1994: 205], которое через церковнославянские тексты с характерным южно-славянским рефлексом **tj > щ* переходит в древнерусский язык: в *си же времена быс<ть> дѣтищь вверженъ в-ыстомль* [Бархударов (гл. ред.) 1977: 238]. Также оно существовало в форме ср. рода: *дѣтище*. Эти две формы сохраняются и в XVIII в., где у последней появляется переносное значение ‘порождение чего-л.’ (ср.: *Но, суевѣрие?.. Увы! сие адское дѣтище и в благословенной Малороссии было почти повсемѣстно*) [Сорокин (гл. ред.) 1981: 117]. Возможно, на появление подобного значения оказала влияние церковнославянская фонетическая окраска слова, относящая его, как и многие церковнославянизмы, к высокому стилю речи. «Современный толковый словарь русского языка» [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 255] до сих пор указывает для этого слова два значения, определяя прямое значение как устаревшее. Однако, как показывают данные НКРЯ¹, уже в начале XX в. на десять употреблений данной лексемы в переносном значении едва ли приходилось одно в значении прямом, а в начале XXI в. на 17 зафиксированных НКРЯ употреблений этого слова в 2014–2015 гг. не пришлось ни одного, где было бы представлено первичное прямое значение.

В русском языке этому южнославянскому образованию соответствует слово *дѣтичь* ‘малолетний, ребенок’, которое представлено уже в летописном своде (Ипатьевская Переяславская летопись, 945 г.): *Олга же бѣ въ Києвѣ съ сѣомъ Стѣславомъ дѣтичемъ* [Бархударов (гл. ред.) 1977: 238].

Следует отметить, что только в форме мн. числа фиксирует «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и еще одно производное от лексемы *дѣти* — *дѣтки*², из чего можно предположить, что производящей базой для него являлась именно форма множественного числа.

У слов, специализирующихся на общем обозначении лиц детского возраста, могут развиваться дополнительные значения. Так, слово *дѣтенышъ* впервые появляется в языке для обозначения прислужника: ‘дворовый, работающий по найму в монастырской вотчине’ (XVI в.) [Бархударов (гл. ред.) 1977: 237]³. Уже в XVIII в. появляется значение, присутствующее в его семантике и в настоящее время: ‘молодое животное’ (*На том же*

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>. Дата обращения: 10.05.2018.

² Это слово первоначально употреблялось исключительно в форме множественного числа, но позже стало использоваться и в форме единственного числа.

³ В таком же значении употреблялось и слово *дѣтюкъ* [Бархударов (гл. ред.) 1977: 239], исчезнувшее из русского языка.

звѣрь <белуге> бывает **детеныш**, который на спинѣ держится [Сорокин (гл. ред.) 1981: 116]). По-видимому, первое зафиксированное значение порождает то, которое представляет «Словарь Академии Российской» [САР 2: 676]: ‘мальчик или девочка из низкого состояния’, что особенно заметно в приводимом в словаре примере: *рядовымъ слугамъ безцестья 2.ой статьи по 3 рубли человеку, дѣтенышемъ по рублю человеку*. Но далее словари уже не отмечают этого значения.

Известно, что корень псл. *orb- стал основой для образования др.-рус. *робѣ* ‘раб’. Однако между дериватами этого слова и рассматриваемыми обозначениями лиц детского возраста не произошло смешения, поскольку для обозначения потомков рабов в древнерусском языке существовали специальные лексемы: *робичь*, *робичичь* и *робичищъ* [Богатова (гл. ред.) 1997: 168–169].

Фонетический вариант *робенокъ*, признающийся исследователями первичным, появляется в текстах в 1619 г. [Богатова (гл. ред.) 1997: 168]. В отличие от слова *ребенокъ*⁴, которое с момента своего появления и до настоящего времени называло исключительно лицо детского возраста без указания на его пол, вариант *робенокъ* мог использоваться также в значениях ‘мальчик, подросток’, ‘парень, юноша’, ‘работник’.

Любопытно, что уменьшительные формы этих слов фиксируются в текстах на несколько лет раньше их производящих: *ребеночекъ* — в 1651 г., *робеночекъ* — в 1618 г., а раньше формы ед. ч. фиксируется форма мн. ч. рассматриваемых слов: *ребята* — в 1638 г., *робята* — в 1480 г. [Богатова (гл. ред.) 1997: 125, 168]. Следует отметить, что формы мн. ч. обоих вариантов расширяют свое значение до обозначения не только детей вообще, но и более старшей молодежи мужского пола, а также получают возможность называть молодых слуг и работников. В современном русском языке для обозначения молодых людей можно использовать слово форма *ребята* [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 1109].

В XVII в. эти два фонетических варианта развивались равномерно, что показывает и образование от них практически одинаковых дериватов, ср. с корнем *реб-*, кроме уже названных, производные *ребяенок*, *ребятишка* / *ребятишки*, *ребятка*, и с корнем *роб-* — *робятка* / *робятки*, *робятишко* / *робятишка* / *робетишки* / *робятишки* [Богатова (гл. ред.) 1997: 125, 168]. Фонетический вариант с корнем *роб-* мог еще спорадически встречаться в текстах XVIII в. (*В беседе со щеголихами бываю я волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; меня за это называют резвым робенком*).

⁴ П. Я. Черных так представляет развитие этого слова: псл. *orb- ‘слабый, беспомощный’ > др.-рус. *робя* (представлено в текстах от 1613 г. [Богатова (гл. ред.) 1997: 169]) > др.-рус. *робенокъ* > *ребенокъ* [Черных 1999: 102].

Н. И. Новиков. 1775), но уже к началу XIX в., по данным НКРЯ, был полностью вытеснен вариантом с корнем *реб-*.

Следует отметить, что при образовании дериватов от слова *ребенок* более активной оказывается форма мн. ч.: если от формы ед. ч. образуется только дериват *ребенок*, то от мн. ч. сразу несколько: *ребятки, ребятушки, ребятишки, ребятня* [Тихонов, 2014: 393], ср. также многочисленные дериваты от формы *дети*: *детка/детки, деточка/деточки, детишки, детушки, детеныш, детёнок, детёночек/детёночка, детище* [Тихонов 2014: 167].

Большая группа слов, служащих для обозначения лиц детского возраста без актуализации гендерных признаков, образуется от корней, восходящих к праславянскому **mold-*. Как отмечается в «Этимологическом словаре славянских языков», для этого корня восстанавливается первичное значение ‘мягкий, нежный, слабый’ [Трубачев (ред.) 1992: 178]. Первые слова с этим корнем, обозначающие лицо детского возраста, появляются еще в старославянском языке: *младенецъ/младенищъ/младатьце*. Их можно считать точными синонимами, поскольку они обладают одинаковым значением ‘младенец’ [Цейтлин (ред.) 1994: 329–330]. Примеры из евангельских текстов показывают, что эти слова могли обозначать детей с самого раннего возраста, в том числе еще не родившихся: *възигра сѧ младенецъ / младенищъ radoштами въ чръвъ моеъ* [Цейтлин (ред.) 1994: 329].

Слово *младенецъ*, по данным словаря, расширяет значение по сравнению с тем, в котором оно было представлено в старославянском языке, поскольку приобретает возможность обозначать не только младенцев и детей, но и подростков [Филин (гл. ред.) 1982: 183]. Оно также образует уменьшительная форма *младенчикъ* [Филин (гл. ред.) 1982: 185]. Эти слова не предполагают разделения лиц детского возраста по половому признаку в отличие от новообразования *младеница*, имеющего значение ‘девочка’ [Филин (гл. ред.) 1982: 183].

В современном русском языке из всех перечисленных лексических средств остается слово *младенец* (если не принимать во внимание церковную практику, где, по церковнославянской традиции, младенец — ‘ребенок до 7 лет безотносительно пола’), обозначающее ребенка в возрасте от пренатального (*Аллергия к пищевым продуктам может сформироваться у младенца ещё в утробе при нарушениях в питании будущей мамы*. М. Клевцова. 2008) до годовалого (*Савва надулся и сразу стал похож на младенца первого года жизни — серьезного и сосредоточенного*. М. Баконина. 2000) а также уменьшительная форма *младенчик* (*Баба с восторгом показывала младенчика соседям и умилялась: «Ах, вылитый Серёженька в детстве!»* Т. Соломатина. 2010).

Для обозначения лиц детского возраста используются также дериваты корня **mal-*, который большинство этимологов рассматривают как результат развития и.-е. **mēlo-*, корня субстантивированного прилагательного с первоначальным значением ‘маленький’ [Трубачев (ред.) 1990: 176]. Это, в частности, слово *малютка* ‘маленький ребенок, младенец’ [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 518]. В древнерусском языке это слово встречалось только как личное имя, причем в пренебрежительной форме от *Малюта*, образованного от соответствующего апеллятива со значением ‘о низкорослом, маленьком человеке’ (ср.: *Малютка Скуратовъ... льстець нынѣшняго царя Алексія* (1666 г.) [Филин (гл. ред.) 1982: 24]). Однако уже в XVIII в. оно приобрело значение ‘маленький ребенок, младенец’ [Сорокин (гл. ред.) 2001: 55], в котором употребляется и в настоящее время.

Также для номинации лица детского возраста используется слово *малевка*. Оно появляется в XVIII в. в значении ‘мелкая рыбка, малек’. Как указывает «Современный толковый словарь», это значение сохраняется у него и в настоящее время [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 518], однако к нему добавляется еще одно — ‘о ребенке или человеке маленького роста’. Возможность обозначать лицо детского возраста рассматриваемое слово приобретает в начале XX в.: *В палате «лежали» два мальчика, по-здешнему, «малевки», которые особенно интересовали меня* (С. П. Подъячев. 1903).

В современном русском языке представлен также композит, в который в качестве одного из компонентов входит корень **mal-*: *малолеток/малолетка* ‘ребенок, маленький мальчик или девочка’ [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 516]. Его первоначальным грамматическим вариантом была форма *малолѣтка*, появившаяся в текстах 1610 г. Недостаток контекстов употребления этого слова не позволяет сделать вывод о его первоначальной родовой принадлежности, однако составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» полагают, что это был, скорее, женский род: *Михайлова жена Десятого Неждана, у нее детей сынъ Матвей служитъ да сынъ Калина да дочери, а дочерей Орина да Мартя, а людей малалетка девка Полажка* [Филин (гл. ред.) 1982: 17]. Но уже в XVIII в. это слово употребляется в мужском роде и получает возможность обозначать детей обоего пола: *Из тѣх де представленных малолѣтков, которые получали при командѣ фузелерной провиант 6, да не получающих трех 5-лѣтняго возраста в гарнизонную школу причислил* [Сорокин (гл. ред.) 2001: 48].

В китайском языке также существует несколько корней, образующих номинации лиц детского возраста.

Рассмотрение наименований лиц детского возраста целесообразно начать со слова, которое называет самое «молодое» существо. В современном

китайском языке такое лицо называет иероглиф 嬰 [yīng] ‘новорожденный, младенец’.

Лексема 嬰 [yīng] зафиксирована в «Словаре строения и толкования древнекитайских иероглифов» (说文解字) (100–121 гг.). Как первый китайский систематический словарь иероглифов, составленный и упорядоченный по принципу иероглифического «ключа», а также проводящий анализ строения иероглифического знака и происхождения иероглифов, он содержит следующее определение: 嬰, 颈饰也 (嬰 — это древние женские украшения для шеи, похожие на ожерелье и т. п.) [Zhang Heng 1993: 228; Gu Yankui 2003: 639–640; Xiong Guoying 2012: 698]. Очевидно, что изначально слово не называло лицо детского возраста, а служило для наименования женских украшений. Оно могло также употребляться для называния действия: ‘повязать на шею, носить, вешать, надевать (на шею)’. Приведем пример из текста трактата «墨子» («Мо-цзы») (V–III в. до н. э.): 被甲嬰胃, 将往战, 死生之权, 未可识也 (Люди надевают броню и завязывают (嬰) шлемы, они пойдут сражаться, времена и причины смерти непредсказуемы) [BCC]⁵. Слово 嬰 также имело другие значения: ‘окружать, опутывать’; ‘сделать себя кем-то или чем-то’; ‘задевать, трогать’. Так, в древних текстах читаем: 世网嬰我身 (Сети мирской суеты опутывают (嬰) меня) (陆机 (Лу Цзи), 261–303 г.); 身嬰夷戮, 为天下笑 (Меня убили, я стал посмешищем в мире, люди смеялись надо мной) («新唐书·姚崇传» (Новая история династии Тан. Биография Яо Чун), 1060 г.) [CNCORPUS]⁶; 则兵劲城固, 敌国不敢嬰也 (Тогда военные силы могучи, городские стены прочны, враги не посмеют трогать (嬰) нас) («荀子» (Сюнь-цзы), ок. IV–III в. до н. э.) [Wang Chaozhong 2006: 1032–1033].

В словаре иероглифов 玉篇 («Юйпянь», 543 г.) читаем: 男曰儿, 女曰嬰 (Младенец мужского пола называется 儿, а женского пола называется 嬰) [Qi Chongtian 2010]. «Словарь общеупотребительных слов древнекитайского языка» содержит такой пример: 资储无担石, 儿女皆孩嬰 (В доме нет еды, сын еще ребенок, а дочь — младенец) (鲍照 (Бао Чжао), 415–466) [Chen Tao 2006].

Очевидно, что между семантикой именного и глагольного наименования существует тесная корреляция, поскольку последнее полностью соответствует представлению о спеленатом младенце, которого мать несет на себе. Приведенные выше примеры позволяют также сделать вывод о том, что первоначально 嬰 [yīng] в древней китайской литературе называло младенца женского пола, но позже утратило гендерную составляющую своей семантики.

⁵ BCC — Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета: <http://bcc.bcu.edu.cn/>

⁶ CNCORPUS — Корпус китайского языка государственного комитета языков: <http://www.aihanu.org/cncorpus/index.aspx>

Выше мы уже отмечали, что в современном китайском языке слово 嬰 [yīng] используется в значении ‘новорожденный, младенец’. Оно служит также для называния действия ‘опутывать, сделать себя кем-то или чем-то’ и имеет помету «книжное» [XH: 1560; Li Xingjian 2014: 1580].

На основе компонента 嬰 образовалось слово 嬰兒 [yīng’ér] ‘младенец’, которое состоит из двух иероглифов: 嬰 [yīng] и 儿 [ér]. В современном китайском языке элемент 儿 [ér] может выступать в качестве форманта, который имеет значение ‘ребенок; сын; молодой человек’ [Li Xingjian 2014: 348–349]. Этот формант используется также для конкретизации значения слов. Кроме того, установлено, что в древнем китайском языке слово 儿 [ér] могло употребляться автономно.

Номинация 嬰兒 [yīng’ér] была зафиксирована раньше, чем рассмотренное выше слово 嬰 ‘младенец’. Впервые находим его в книге «Военное искусство Сунь Цзы» (начало VI в. до н. э.): 视卒如嬰兒, 故可与之赴深溪: 视卒如爱子, 故可与之俱死 (*Если генерал относится к солдатам так же внимательно, как к младенцам (嬰兒), то его солдаты могут выполнять заповеди генерала, идти в огонь и в воду; генерал может обращаться со своими солдатами, как с любимыми детьми, тогда его солдаты могут умереть вместе с генералом*) [CNCORPUS]. 嬰兒 [yīng’ér] в книге «Лао Цзы» (впоследствии «Дао дэ цзин») (V–III вв. до н. э.) также употребляется в значении ‘младенец’: 我独泊兮其未兆, 如嬰兒之未孩 (*Я скромнен в желаниях, непритязателен и спокоен, словно несмеющийся младенец (嬰兒)*) [Chen Tao 2006]. Следует добавить также, что в даосской литературе младенцы — это идеальные, наивные и чистые образы святых и мудрецов.

Первый китайский этимологический словарь «释名» («Шимин») 刘熙 (Лю Си), около 200 г., содержит следующую информацию: 人始生曰嬰兒 (Человек с рождения называется младенцем (嬰兒)) [Qi Chongtian 2010]. В современном же китайском языке лексема 嬰兒 тоже называет младенца, ребенка в возрасте до одного года [XH: 1560; Li Xingjian 2014: 1580]. Есть основания считать, что семантика слова стала более конкретной.

В языке древней китайской литературы находим еще одну номинацию — 嬰孩 [yīnghái], которая состоит из двух семантически близких элементов: 嬰 [yīng] ‘младенец’ и 孩 [hái] ‘смеяться как младенец’. Получившееся наименование имело значение ‘младенчество’: 人自生至终, 大化有四: 嬰孩也, 少壮也, 老耄也, 死亡也 (*От рождения до смерти в жизни человека есть четыре основных этапа: младенчество (嬰孩), молодость, старость и смерть*) (列子 (Ле-цзы), ~281–315) [CNCORPUS]. Трудно однозначно установить, что представляет собой это наименование — слово или словосочетание. Примеры его использования показывают, что эта единица также могла иметь значение ‘ребенок’: 目覩嬰孩成老叟, 手栽松柏有枯枝 (*Увидев, что*

ребенок (嬰孩) сначала взрослеет, а затем стареет, вспомнишь посаженные сосны и кипарисы, которые сейчас стоят уже с мертвыми ветвями) (方千 (Фан Цянь), IX–X вв.) [CNCORPUS]. «Словарь общепотребительных слов древнего китайского языка» также указывает, что данное слово имеет значение ‘младенец’, и приводит следующий пример из стихотворения苏轼 (Су Ши) (1037–1101 гг.): 山僧老无子, 养护如嬰孩 (*У пожилого монаха нет сына, и он за сосной ухаживает, как за младенцем* (嬰孩)) [Chen Tao 2006].

В современном китайском языке 嬰孩 [yīnghái] — одно слово, которое имеет значение ‘младенец’ [ХН: 1560].

Наименование 孩 [hái] фиксирует уже древний китайский «Словарь строения и толкования древнекитайских иероглифов» (说文解字 (100–121 гг.)) [Qi Chongtian 2010]: 咳, 小儿笑也。孩, 古文咳从子 (слово 孩 [hái] ‘ребенок’ в древние времена вступало в синонимические отношения со словом 咳 [hái] ‘смеяться, как младенец’). Позже второе из приведенных слов изменило свое значение, и в настоящее время оно не связано с наименованиями лиц детского возраста. Синонимические отношения утрачены, различные иероглифы передают разные значения.

С развитием языка слово 孩 [hái] модифицировало свой смысл. Первая дошедшая до нас китайская энциклопедия «Гуанья» («广雅»), составленная в период царства Вэй эпохи Троецарствия (227–232 гг.), приводит его со значением ‘малолетний’: 孩, 小也 [Qi Chongtian 2010]. В созданном позже словаре иероглифов «Юйпьянь» («玉篇», 543) зафиксировано метафорическое значение этого слова — ‘неопытный, незрелый’: 孩, 幼稚也 [Qi Chongtian 2010]. Использование приведенной единицы для называния ребенка отмечено в стихотворении «Судьба» «命子» китайского поэта 陶渊明 (Тао Юаньмин), который жил в эпоху Восточная Цзинь (352/365–427 гг.), у иероглифа 孩 было зафиксировано значение ‘ребенок, младенец’. В «Биографии горбуна по фамилии Го, умеющего сажать деревья» («种树郭橐驼传»), читаем: 字而幼孩, 遂而鸡豚 (*Кормить ваших маленьких/малолетних ребят (孩), домашних животных*) (династии Тан, Лю Цзунюань (766–835 гг.) [BCC]).

В современном китайском языке анализируемое слово является однозначным: 孩 [hái] ‘ребенок’ [ХН: 504]. От него при помощи суффикса имен существительных 子 [zi] образуется номинация 孩子 [háizi], которая впервые встречается в тексте трактата «Мо-цзы» (V–III вв. до н. э.): 播弃黎老, 贼诛孩子 (*Бросить стариков и убить детей* [BCC]). Приведенное производное слово со временем не только стало называть ребенка по отношению к его родителям, но и служить ласковым обращением к представителям младшего поколения, молодым слугам, а также называть

любимого мальчика гомосексуалиста: 王夫人含泪说道, 你们那里知道袭人那孩子的好处, 比我的宝玉强十倍 (Госпожа Ван сказала сквозь слезы: «Вы не знаете достоинств **ребенка (прислуги)** по имени Си Жэнь, она в десять раз лучше моего сына Баоюй») [红楼梦. Роман «Сон в красном тереме», ~ 1791) (CNCORPUS). В современном китайском языке древнекитайское слово 孩子 [háizi] продолжает употребляться в значении ‘ребенок’ [ХН: 504] и может обозначать лиц как мужского, так и женского пола.

Для называния лиц детского возраста в китайском языке используется также слово 童 [tóng]. Его семантическое развитие несколько напоминает то, которое претерпел корень *orb-, лежащий в основе номинации *ребенок*. Изначально оно называло мужчину, который за свои проступки был обращен в рабство, ср. в «Словаре строения и толкования древнекитайских иероглифов» (说文解字) (100–121 гг.), который содержит текстовый пример и дефиницию: 童, 男有罪曰奴。奴曰童... (букв.: Слово 童 — мужчина, обращенный в рабство в наказание за проступки, то есть 奴 ‘раб’ называется 童) [Wang Haigen 2006: 75].

Слово 童 [tóng] в древние времена вступало в синонимические отношения со словом 僮 [tóng] [Wang Haigen 2006: 75; Gao Jingcheng 2008: 269], значение последнего слова «Словарь строения и толкования древнекитайских иероглифов» («说文解字», 100–121 гг.) определял так: 僮, 未冠也 (В древнем Китае существовал обряд надевания шапки на совершеннолетнего юношу, достигшего двадцатилетнего возраста. Человек, не прошедший этот обряд, называется 僮). Это позволяет предположить, что слово 童 [tóng] также называло несовершеннолетнего человека мужского пола до 20 лет.

Рассматриваемое слово 童 [tóng] могло сочетаться с формантом 儿 [ér] ‘ребенок, сын’, в результате чего возникало новое наименование — 儿童 [értóng]. В Древнем Китае оно называло человека, по возрасту старшего, чем младенец, но моложе совершеннолетнего. В частности, в известном стихотворении читаем: 儿童相见不相识, 笑问客从何处来 (Дети (儿童) моего родного города увидели и не узнали меня. Они спросили с улыбкой о том, откуда появился этот гость) (贺知章 (Хэ Чжичжан), 744), а в современном китайском языке называется несовершеннолетнего до 14 лет⁷.

Еще одно слово, использующееся для обозначения лиц детского возраста в китайском языке, — 幼 [yòu], встречается приблизительно в XV–XII вв. до н. э. в Цзягувэне, гадательных надписях на костях и черепаших панцирях. Оно состояло из двух частей: первая часть называла шелковую

⁷ 黄河清. 近现代辞源[M/OL]. 上海: 上海辞书出版社. 2010 [2018.06.02]. Хуан Хэйцин. Этимологический словарь новой и новейшей эпохи (приблизительно с XVII в. до 1949 г.) [Электронный ресурс] / Хуан Хэйцин. Шанхай: Шанх. изд-во лексикогр. лит., 2010. URL: <http://gongjishu.cnki.net/refbook/detail.aspx?db=cfrd&RECID=R201405004000840> (дата обращения: 02.06.2018).

Позже слово 幼 [yòu] употреблялось в китайском языке в значении ‘маленький’; ‘в малолетстве’: 夫人幼而学之, 壮而欲行之 (Если в **малолетстве** стараются учиться, то в расцвете сил они удовлетворяют свои амбиции) («孟子» («Мэнь-цзы»), IV–III вв. до н. э.); 母老子幼, 就养勤匮 (Мать моя стара, дети **маленькие**. И мать, и дети нуждаются в уходе.) (顏延之 (Янь Яньчжи, 427 г.). Слово 幼 могло также употребляться для именовании ребенка: 勿遺壽幼 (Не пропустить пожилых людей и **детей** (о завоевании другого княжества) (надпись на бронзовом треножнике Юй, 1046 г. до н. э. – 771 г. до н. э.) [Li Xueqin 2012: 338]. Кроме того, в структуре значения этого слова содержится сема ‘молодой’, оно может называть животных и растения, например: 幼林 (досл. 幼 [yòu] + 林 ‘лес’) ‘молодой лес, поросль’; 幼虫 (досл. 幼 [yòu] + 虫 ‘насекомое, червяк’) ‘личинка’ и др. В современном китайском языке анализируемое слово 幼 [yòu] также имеет значения ‘младенческий; незрелый’ и ‘младенец, малыш, ребенок’ [ХН: 1582].

Заключение

Несмотря на все отличия, существующие между русскими и китайскими номинациями лиц детского возраста, сам процесс их формирования обнаруживает большое количество сопоставительно-типологических

8 黄河清. 近现代辞源[M/OL]. 上海: 上海辞书出版社. 2010 [2018.06.02]. Хуан Хэйцин. Этимологический словарь новой и новейшей эпохи (приблизительно с XVII в. до 1949 г.) [Электронный ресурс] / Хуан Хэйцин. Шанхай: Шанх. изд-во лексикогр. лит., 2010. URL: <http://gongushu.cnki.net/refbook/detail.aspx?db=crfd&RCID=R201405004000840> (дата обращения: 02.06.2018).

сходств. Это, прежде всего, древность появления основных номинаций: в случае русского языка основные корни относятся к праславянскому лексическому фонду, в китайском языке они были зафиксированы в XV–XII вв. до н. э. Есть и отличие: лексемы, которые в настоящее время используются в русском языке для номинации детей, в связи с иной историей развития кириллической письменности получают достаточно позднюю письменную фиксацию — они впервые появляются в старославянских памятниках узкого канона (IX в. н. э.).

При этом и русские, и китайские слова являются дериватами от небольшого числа корней. В русском языке основные названия лиц детского возраста образуются от корней *дет-* (< праслав. **dět-*), *реб-* (< праслав. **orb-*), *мал-* (< праслав. **mal-*), *млад-* (праслав. **mold-*), в китайском — 嬰 [yīng] ‘новорожденный, младенец’, 孩 [hái] ‘ребенок’, 小 [xiǎo] ‘маленький’, 童 [tóng] ‘ребенок’, 娃 [wá] ‘ребенок’, 幼 [yòu] ‘младенческий; незрелый; младенец, ребенок’. Возможно, именно это обеспечило историческую стабильность и сохранность корневого материала: частое употребление закрепляло корни в лексической системе языка.

Различие временных рамок использованного в статье фактического материала обусловлено особенностями исторического развития русского и китайского языков, а также их письменной фиксации. Несмотря на разные временные рамки, развитие семантики номинаций детей в русском и китайском литературных языках проходит одни и те же стадии и обнаруживает сходство в том, что в составе значения и тех, и других могут быть представлены такие семантические компоненты, как ‘раб’, ‘слуга, работник’. Между языками существуют также различия в развитии семантики. В русском языке семантическое развитие идет в направлении увеличения возраста, на который может распространяться данная номинация: ‘ребенок’ > ‘молодой человек’. В китайском же языке этот процесс может идти в обратную сторону — от наименования взрослого до наименования ребенка (см. 童).

Литература

- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 404 с.
- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М.: Наука, 1997. 297 с.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций) // Славянское и балканское языкознание: язык в этнокультурном аспекте. М.: Наука, 1984. С. 87–98.

- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Новейший большой толковый словарь русского языка. М.; СПб.: РИПОЛ-Норинт, 2008. 1534 с.
- САР – Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императ. Акад. наук, 1789–1794.
- Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 256 с.; Вып. 12. СПб.: Наука, 2001. 253 с.
- Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. 639 с.
- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 5. М.: Наука, 1978. 232 с.; Вып. 17. М.: Наука, 1990. 272 с.; Вып. 19. М.: Наука, 1992. с. 254.
- Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 7–288.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer#> (дата обращения 01.04.22).
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М.: Наука, 1982. 357 с.
- Цейтлин Р. М. (ред.). Старославянский словарь: по рукописям X–XI веков. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Рус. яз., 1999. 560 с.
- 陈涛. 古汉语常用词词典[M]. 北京: 语文出版社. 2006. 966页.
- 高景成. 常用字字源字典[M]. 北京: 语文出版社. 2008. 391页.
- 谷衍奎. 汉字源流字典[M]. 北京: 华夏出版社. 2003. 863页.
- 现代汉语规范词典 / 李行健主编. – 3版. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2014. 1803页.
- 李学勤. 字源(上中下) [M]. 天津: 天津古籍出版社;沈阳: 辽宁人民出版社. 2012. 1420 页.
- 齐冲天, 齐小乎. 汉语音义字典(上下) [M]. 北京: 中华书局. 2010. 1103页.
- 王海根. 古代汉语通假字大字典[M]. 福州: 福建人民出版社. 2006. 1065页.
- 王朝忠. 汉字形义演释字典[M]. 成都: 四川出版集团·四川辞书出版社. 2006. 1263页.
- 熊国英. 中国象形字大典[M]. 天津: 天津古籍出版社. 2012. 810页.
- 张栢, 许梦麟. 通假大字典 [M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1993. 1032页.
- XH – 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 / 现代汉语词典 – 6版. – 北京: 商务印书馆, 2015. 1789页.

References

- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1977. 404 p.

- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 22. Moscow, Nauka Publ., 1997. 297 p.
- Chen Tao. *A Dictionary of Common Words in Ancient Chinese* [M]. Beijing, Language & Culture Press, 2006. 966 p.
- Chernykh P. Y. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The historical etymological dictionary of modern Russian language]. Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999. 560 p.
- Gao Jingcheng. *The Dictionary of the Origin of Common Hieroglyphs*. Beijing, Language & Culture Press, 2008. 391 p.
- Gu Yankui. *Historical Dictionary of Chinese Hieroglyphs* [M]. Beijing, Huaxia Publ. House. 2003. 863 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Available at: <https://gufo.me/dict/vasmer#> (accessed 01.04.22).
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Iss. 9. Moscow, Nauka Publ., 1982. 357 p.
- Ivanov V. V., Toporov V. N. [To the origins of Slavic social terminology (semantic sphere of public organization, power, management, and main functions)]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: yazyk v etnokul'turnom aspekte* [Slavic and Balkan Linguistics: Language in Ethno-Cultural Aspect. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 87–98. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (ed.) *Noveyshii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Latest Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, St. Petersburg, RIPOL-Norint Publ., 2008. 1534 p.
- Li Xueqin. *The Origin of Hieroglyphs* (Volumes 1, 2 and 3) [M]. Tianjin, Tianjin Ancient Books Publishing House; Shenyang: Liaoning People's Publ. House, 2012. 1420 p.
- Li Xingjian [et al.] (eds.). *The Normative Dictionary of Modern Chinese*. 3rd ed. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press, 2014. 1803 p.
- Qi Chongtian, Qi Xiaohu. *A Dictionary of Chinese Hieroglyphs: Pronunciation and meaning* (Volumes 1 and 2). Beijing, Zhonghua Book Company, 2010. 1103 p.
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [The Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 6. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 256 p.; Iss. 12. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 253 p.
- Tikhonov A. N. *Novyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka dlya vseh, kto khochet byt' gramotnym* [A new word-formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate]. Moscow, AST Publ., 2014. 639 p.
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological dictionary of the Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Moscow, Nauka Publ. Iss. 5. 1978. 232 p.; Iss. 17. 1990. 272 p.; Iss. 19. 1992. 254 p.
- Trubachev O. N. [History of Slavic kinship terms and some of the oldest terms of social structure]. Trubachev O. N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on Etymology: Word. History. Culture]. Vol. 3. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008, pp. 7–288. (In Russ.)

- Tseytlin R. M. (ed.). *Staroslavjanskii slovar': po rukopisyam X–XI vv.* [The Old Church Slavonic dictionary: based on manuscripts from the 10th–11th centuries]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1994. 842 p.
- Wang Haigen. *The Grand Dictionary of Interchangeability of Hieroglyphs in Ancient Chinese*. Fujian, Fujian People's Publ. House, 2006. 1065 p.
- Wang Chaozhong. *A Dictionary of Interpretation of Chinese Hieroglyphs' Forms and Meaning* [M]. Chengdu, Sichuan Publ. Group, Sichuan Dictionary Publ. House, 2006. 1263 p.
- XH — *Dictionary of modern Chinese language*. 6th ed. Beijing, The Commercial Press, 2015. 1789 p.
- Xiong Guoying. *Grand dictionary of pictorial type hieroglyphs (pictography)*. Tianjin, Tianjin Ancient Books Publ. House, 2012. 810 p.
- Zhang Heng, Xu Menglin. *Large Dictionary of Interchangeability of Hieroglyphs* [M]. Harbin, Heilongjiang People's Publ. House. 1993. 1032 p.

О некоторых случаях отфраземной деривации существительных в языке и речи второй половины XIX в. (на материале эпистолярных текстов русских писателей)

Юлия Георгиевна Захарова, Тихоокеанский государственный университет (Россия, Хабаровск),
zug1977@inbox.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040075

АННОТАЦИЯ: В статье на материале писем А. И. Герцена, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и других источников исследуется феномен отфраземной деривации во второй половине XIX в. Приводится определение понятия *фразеодеривационное (разноуровневое) гнездо*: межсистемное образование, включающее фразеологическую единицу и ее лексические дериваты, созданные разными способами и упорядоченные отношениями формально-семантической производности на каком-либо хронологическом срезе. Семантическое единство такого гнезда базируется на общем значении, конденсированном в исходном фразеологизме, а структурное — на наличии во всех производных хотя бы одного компонента (основы компонента) производящего фразеологизма. Рассматриваются 1) явление лексико-фразеологической конденсации (имплицирования компонента) во фразеологизмах с опорным словом *ходули*, *Лазарь*, а также прослеживается образование дериватов в связи с формированием нового значения существительного (*ходульный*, *ходульность*, *ходульно*; *лазарить*, *лазарничать*, *лазарничество*); 2) способ

агглютинации компонентов качественно-обстоятельственных фразеологических единиц с суффиксацией (на базе сочетаний *без пардона, от себя — беспардонный (беспардонность), отсебятина*); 3) окказиональный способ сложения основ (компонента фразеологизма и аффиксоида — *гименомания*).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык XIX в., отфраземная деривация, лексико-фразеологическая конденсация, неологизм, потенциальное слово, окказионализм

для цитирования: Захарова Ю.Г. О некоторых случаях отфраземной деривации существительных в языке и речи второй половины XIX в. (на материале эпистолярных текстов русских писателей) // Русская речь. 2024. № 4. С. 79–89. DOI: 10.31857/S0131611724040075.

From the History of the Russian Language

On Some Cases of Phrasemal Derivation of Nouns in Language and Speech of the Second Half of the 19th Century (Based on Epistolary Texts of Russian Writers)

Yuliya G. Zakharova, Pacific State University (Russia, Khabarovsk), zug1977@inbox.ru

ABSTRACT: The article explores the phenomenon of phrasal derivation in the second half of the 19th century based on the letters of A. I. Herzen, I. S. Turgenyev, A. P. Chekhov, as well as other sources. We provide a definition of the *phraseoderivational (multi-level) nest* concept — an intersystem formation that includes a phraseological unit and its lexical derivatives, created in different ways and ordered by the relations of formal-semantic derivation at a certain period of time. The basis of the semantic unity of such a nest is a common meaning condensed in the original phraseological unit, while the

basis of structural unity is the presence of at least one component (the basis of the component) of the generating phraseological unit in all derivatives. We consider 1) the phenomenon of lexical-phraseological condensation (implication of a component) in phraseological units with the reference word *khoduli, Lazar'*, and also trace the formation of derivatives in connection with the formation of a new meaning of the noun; 2) a method of agglutination of components of qualitative-adverbial phraseological units with suffixation (based on combinations *bez pardona, ot sebya*); 3) an occasional method of adding bases (components of phraseological units and affixoids).

KEYWORDS: russian language of the 19th century, phrasal derivation, lexical-phraseological condensation, neologism, potential word, occasionalism

FOR CITATION: Zakharova Yu. G. On Some Cases of Phrasemal Derivation of Nouns in Language and Speech of the Second Half of the 19th Century (Based on Epistolary Texts of Russian Writers). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 4. Pp. 79–89. DOI: 10.31857/S0131611724040075.

Вторая половина XIX в. — время активного пополнения словарного состава русского языка отвлеченными существительными. Самым продуктивным способом образования таких слов была суффиксация [Захарова 2021: 718], например, в эту эпоху появился ряд дериватов с суффиксом *-ость-* (*бонтонность, зализанность, интеллигентность, интимность, картинность, покладливость, портативность, прочувствованность, тенденциозность, целесообразность*), *-ств-* (*вегетарианство, декадентство, злопыхательство, ипокритство, культуртрегерство, реставраторство, смутьянство*), *-ниј-* (*-ениј-*) (*бойкотирование, игнорирование, самоистребление, самооскопление*), *-изм-* (*бакунизм, китаизм, нигилизм, штундизм*) и др.

Еще одним способом образования неологизмов являлось создание *отфразеологических дериватов* — новых слов, производных на базе устойчивых сочетаний [Алексеев и др. 2003]. Эпистолярные тексты русских писателей содержат интересные примеры таких единиц узуального (языкового) и незуального (речевого) типа. Новое отвлеченное существительное могло появляться в составе так называемого фразеодеривационного [Белоусова 1992] (разноуровневого [Ермакова 2008], отфразеологического словообразовательного [Ван 2019]) гнезда. Под разноуровневым гнездом

понимается межсистемное образование, включающее фразеологизм и его лексические дериваты, созданные разными способами и упорядоченные отношениями формально-семантической производности на каком-либо хронологическом срезе [Ермакова 2008: 34]. Семантическое единство такого гнезда строится на общем значении, конденсированном в исходном фразеологизме, а структурное — на наличии во всех производных хотя бы одного компонента (основы компонента) производящего фразеологизма [Белоусова 1992: 14].

Судя по материалу Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), в конце XVIII — начале XIX в. в русском языке сформировалась серия фразеологизмов с опорным компонентом *ходули*: *поднимать(ся) / подняться на ходули* («создавать впечатление значительности, внушительности»); *стать на ходули, быть на ходулях* («гордиться собой», «испытывать чувство превосходства»), *подставлять ходули* («возвышать, облагораживать что-либо / кого-либо»). Ср.: «Какая-то на чертах его изображалась угрюмость, которая приводила меня в робкое молчание, а его *подымала на ходули*»; «Мало, конечно, чести спорить о столь низком предмете, но если люди низки и предмет такой в пору их мелким подвигам, то мое ли было дело *подставлять* под них *ходули* и возвышать их образ мыслей?» (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Ч. 4. 1791–1798); «Несмотря на свое значение, они совсем не *на ходулях*, как большая часть таких людей, которым неожиданно улыбнулось счастье» (С. П. Жихарев. Записки современника. 1808–1809) и др.

По наблюдениям Ю. С. Сорокина, в русской критике 1820–1830-х гг. началась борьба с ложными эффектами классицизма и романтизма, их склонностью к «парению» над действительностью [Сорокин 1965: 460]. В связи с этим в приводимых ученым контекстах можно заметить изменения в семантике фразеологизмов *быть / стоять на ходулях, стоять / становиться / ставить на ходули, сойти с ходуль*: они начинают обозначать вычурность, высокопарность (и вместе с тем банальность) языка литературных произведений или неестественность художественных образов, их оторванность от реальности. Существительное *ходули* постепенно вычленяется из состава фразеологизмов и приобретает самостоятельное (мотивированное фразеологизмом) значение «о том, что содержит в себе (или сообщает кому-, чему-нибудь) высокопарность» [Чернышев (гл. ред.) 1965: 298]. В лингвистике это явление также получило названия *имплицирование компонента фразеологизма* [Ермакова 2008: 29], *вычленение компонента* [Блинова 2005: 68], *усечение фразеологизма* [Ташлыкова 1987: 124], *лексико-фразеологическая конденсация* [Пугач 1997: 29]. Приведем примеры из НКРЯ: «Что ни стих, то фигура, *ходули* беспрестанные <...> Бенедиктов блестит яркими, холодными фразами, звучными,

но бессмысленными или натянутыми стихами» (Н. В. Станкевич. Письма Я. М. Неверову. 1835); «Истинный русский человек ненавидит всякие *ходули*, всякое театральничанье. <...> На юбилеях, выборах и всяких официальных или публичных торжествах, устроенных по заранее составленной программе, нам или смешно, или скучно, все кажется, будто играешь комедию, и большей частью смешно» (И. С. Аксаков. Письма родным. 1849–1856).

Слова такого типа, как *ходули*, семантически соответствующие фразеологической единице и формально совпадающие с одним из ее компонентов, называются в лингвистических работах *отфраземными* и подразделяются на три типа: 1) изоморфные образования (не имеющие формальной или формально-семантической корреляции с другим словом); 2) омонимы существующих слов; 3) лексико-семантические варианты многозначных слов [Пугач 1997: 28].

Новое значение слова *ходули* является лексико-семантическим вариантом имевшейся в языке лексемы, оно было встроено в ее семантическую структуру (интегральная сема для первичного значения и значения, мотивированного фразеологизмом, — «поднимать»), и правильнее называть его не отфраземным словом, а отфраземным семантическим дериватом. Прилагательное *ходульный* появилось в середине XIX в. и было отфраземным словообразовательным дериватом, поскольку слова *ходульный* в значении относительного прилагательного в русском языке еще не существовало: самые ранние примеры употребления прилагательного в НКРЯ демонстрируют отфраземное значение (*ходульная эпопея, ходульная благонамеренность, актер ходульной школы, ходульная драма* и др.). Таким образом, то значение, которое в современном русском языке воспринимается как производное, переносное, исторически появилось раньше прямого («относящийся к ходулям, ходуле (в 1-м знач.)», например *ходульный шест* [Чернышев (гл. ред.) 1965: 299]).

Отвлеченное существительное *ходульность* стало употребляться в русском языке с 1860-х гг. Оно встречается в письме И. С. Тургенева 1872 г. в значении «надуманность, искусственность»: «Что же касается до Репина, то откровенно Вам скажу, что хуже сюжета я для картины и придумать не могу — и искренно об этом сожалею: тут как раз впадешь в аллегорию, в казенщину, в *ходульность*, “многозначительность и знаменательность” — словом, в каульбаховщину» (В. В. Стасову, 1872) [Тургенев 1999: 228].

Фразеодеривационное гнездо, включавшее рассмотренные неологизмы XIX–XX вв., можно представить следующей схемой:

X (глагол) на *ходули* / на *ходулях* → *ходули* → *ходульный* → *ходульность*
ходульно

Похожую со словом *ходульность* историю имело отвлеченное существительное *лазарничество*. Оно также было образовано в рамках фразеодеривационного гнезда, в котором наблюдается как имплицирование компонента фразеологической единицы, так и образование суффиксальных дериватов от него. Неологизм встречается в одном из писем А. И. Герцена: «Пошлю через недельку деньги Нид<ергуберам>, но теперь я вижу еще в более гадком свете их. Для чего писали вам — все это немецкое *лазарничество*» (М. К. Рейхель, 1853) [Герцен 1961: 74].

Это и несколько других слов разноуровневого гнезда были мотивированы фразеологизмом *петь Лазаря*, употреблявшимся в значениях «льстиво выпрашивать» и «жаловаться на свою судьбу, на затруднительное положение и пр.» и восходившим к традиции нищих, богомольцев и калек петь фольклорные духовные стихи о бедном Лазаре, прося милостыню [Даль 1905: 603]. Материал словарей и НКРЯ свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. наблюдалось вычленение компонента этого фразеологизма: существительное *Лазарь* конденсировало в себе семантику всей фразеологической единицы, деонимизировалось и приобрело значение «льстивый и жалобный попрошайка» [Там же: 603]. Наричательное существительное *лазарь* стало производящим для двух глаголов: *лазарить* и *лазарничать*, которые были территориально ограничены в употреблении. Слово *лазарить* в значениях «плакаться, жаловаться на что-нибудь; жалобно выпрашивать, канючить», «притворяясь бедным, просить подаяния» употреблялось, например, в Петербургской, Псковской губерниях [Обнорский (ред.) 1915: 105], *лазарничать* («просить, побираться») — в Псковской и Тверской [Даль 1905: 603]. Производное от *лазарничать* существительное *лазарничество* в НКРЯ не отражено, встретилось нам только в письме А. И. Герцена, кроме того, оно зафиксировано в очерке Г. П. Данилевского «Пенсильванцы и каролинцы» (1860 г.) и получило лексикографическую фиксацию в словаре Академии наук под редакцией С. П. Обнорского [Обнорский (ред.) 1915: 105]. В других словарях эта лексема не регистрируется, случаи ее употребления единичны, производящий глагол имел диалектный характер, поэтому причислить ее к узуальным неологическим единицам нельзя. На наш взгляд, она принадлежала к потенциальной лексике, поскольку относится к узуальному словообразовательному типу (отглагольные существительные, произведенные с помощью суффикса *-(е)ств-* и имеющие значение «действие или состояние, названное мотивирующим глаголом (преимущественно действие, склонность, занятие человека)», ср. *лодырничество*, *угодничество* и др. [Лопатин, Улуханов 2016: 637]), и была понятна вне контекста, так как семантически мотивирована широко известным фразеологизмом.

Отфраземное образование имеет и слово *беспардонность*. Прилагательное *беспардонный* отмечается в НКРЯ с 1830-х гг., отвлеченное существительное — с 1875 г. В нашей картотеке употребление слова *беспардонность* датируется 1869 г.: «Есть не только патологическая разница от остановки мозга, но и разница логическая между вашей *беспардонностью* на словах — и откровенным скрутаторством моим и других»; «Язык Бак<унина> точно накануне катастрофы — его тешит быть пугалом одних, подавлять других смелостью *беспардонности*» (А. И. Герцен — Н. П. Огареву, 1869) [Герцен 1964: 207–208].

Адъектив *беспардонный* появился на базе устойчивого сочетания *без пардона*, имевшего значение «без прощения, помилования» (франц. *pardon*) [Чернышев (гл. ред.) 1950: 407]. Семантикой устойчивого сочетания было мотивировано и первоначальное значение деривата *беспардонный*, который впервые фиксируется в первом издании словаря В. И. Даля (1863 г.): «Нещадный, не дающий пощады, жестокий; отчаянный, сорви-голова», ср. примеры: *беспардонная резня, — голова* [Даль 1863: 69]. Дефиниция прилагательного, которое квалифицируется как принадлежность просторечия, в словаре Академии наук (1891 г.) уже включает значение «нахальный», свойственное современному русскому языку [Грот (ред.) 1891: 151].

Е. Н. Ермакова полагает, что дериваты типа *беспардонный* образуются агглютинативным способом: происходит «склеивание» компонентов фразеологизма и их превращение в единую морфему, одновременно агглютинированная основа осложняется словообразующим аффиксом, и появляется новая лексема [Ермакова 2008: 30], в нашем примере: *без пардона* → *беспардон* + *-н-* → *беспардонный*. Позднее в составе фразеодеривационного гнезда образуется отвлеченное существительное *беспардонность*. Такой способ словообразования напоминает сращение (с суффиксацией) только внешне: значение слов в составе устойчивого сочетания преобразуется, и производная лексема оказывается мотивированной семантикой целого фразеологизма, а не двух отдельных слов, как это бывает при сращении [Там же: 30].

Отфраземный дериват мог иметь окказиональное происхождение, затем начать воспроизводиться в какой-либо профессиональной среде и постепенно получить всеобщее распространение после изменений в семантике. Такова история существительного *отсебятина*, авторство которого, согласно словарю В. И. Даля, принадлежит художнику К. П. Брюллову. В. В. Виноградов писал: «Известно, что К. П. Брюллов расшатал классические устои русского живописного искусства. Он требовал от учеников точного воспроизведения модели в рисунке. <...> Любовь к жизни и природе у Брюллова вызывала резкий протест против художества “от себя”».

Таким образом, слово *отсебятина* экспрессивно отражало существенные стороны художественного мировоззрения Брюллова, его склонность к реализму» [Виноградов 1999: 420].

Неологизм фиксируется в первом издании словаря (1865 г.) со значением, связанным со сферой изобразительного искусства: «Плохое живописное сочиненье, картина, сочиненная от себя, не с природы, самодурью» [Даль 1865: 1328].

Существительное образовано на базе устойчивого сочетания разговорного характера *от себя*, имеющего значение «от своего имени, с своей стороны, исходя только из своей особы, из собственных вкусов, желаний и потребностей» [Виноградов 1999: 420]. Как и в случае со словом *беспардонный*, имело место «склеивание» компонентов фразеологизма с суффиксацией (суффикс *-ятин-* обладает разговорной окраской и выражает пренебрежительную оценку): *от себя* → *отсеб* + *-ятин-* → *отсебятина*. Материал НКРЯ говорит о том, что широкое распространение в речи слово *отсебятина* получает с 1880–1890-х гг. В это время намечаются изменения в семантике деривата, расширение сферы его употребления.

Применительно к театральному искусству этим словом характеризуется игра актера, отступающего на сцене от режиссерского замысла, добавляющего что-либо «от себя»: «Тогда в особой цене была сценическая находчивость. Против *отсебятин* не только не протестовали, но их одобряли, любили, ждали» (А. И. Шуберт. Записки актрисы. 1883).

В области литературного творчества так именуется художественное произведение, являющееся плодом воображения автора, не основанное на реальных событиях, фактах. Такое употребление лексемы встречается в письме А. П. Чехова. Интересно, что существительное *отсебятина*, используемое по отношению к смежным с живописью областям искусства, утрачивало отрицательную коннотацию. В письме драматурга оно выражает скорее положительную оценку: «Письма и дневники форма неудобная, да и неинтересная, так как дневники и письма легче писать, чем *отсебятину*» (И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 1892) [Чехов 1977: 123].

В письме Александра Павловича Чехова к брату словом *отсебятина* названы свои мысли, вербализованные при передаче чужих слов: «Я же всеми силами старался менее всего стеснять тебя и твоих своим присутствием и не предьявлял даже намеков на какие-либо удобства. <...> Поэтому фраза Миши <...> резанула меня по душе. Что, у тебя не хватило храбрости сказать мне это прямо или это “*отсебятина*” Миши?» (Ал. П. Чехов — А. П. Чехову, 1889).

Таким образом, к концу XIX в. в первоначальном значении существительного нейтрализуются семы «живописный», «картина» и формируются

компоненты, свойственные современному русскому языку: «собственные слова, вставляемые в чужую речь при ее передаче», «поступки, совершаемые самовольно, вопреки тому, что приказано, предписано» [Ожегов, Шведова 1997: 479].

К окказиональным единицам относится и существительное *гименомания* («стремление устроить чей-либо брак»), образованное на базе фразеологизма *узы Гименея*. Слово употребляется в письме А. И. Герцена по отношению к М. Мейзенбуг, которая хотела устроить семейную жизнь его детей: «Если б не Мейз<енбуг>, у которой вечные идеи *гименомании*, — и все ищет невест и женихов, — никто не говорил бы и не думал о пропасти семейного счастья» (Н. П. Огареву, 1867) [Герцен 1963: 33].

Итак, сопоставление эпистолярного материала с другими источниками второй половины XIX в. позволяет увидеть тенденцию к образованию ряда отфраземных дериватов как узувального, так и окказионального типа. Неологизмы могли появляться на базе лексикализованного компонента фразеологической единицы (*ходули, Лазарь*) или быть производными непосредственно от одного из слов в составе устойчивого сочетания (*Гименей*), а также образовываться от агглютинированных основ (*беспардон-, отсеб-*).

Источники

Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Письма. Т. 25. М.: АН СССР, 1961. 534 с.; Т. 29. Кн. 1. М.: АН СССР, 1963. 391 с.; Т. 30. Кн. 1. М.: АН СССР, 1964. 475 с.

Грот Я. К. (ред.). Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. В 9 т. Т. 1. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. 576 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 1-е изд. Т. 1. М.: Тип. А. Семена, 1863. 627 с.; Т. 2. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1865. 1351 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2 / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1905. 2030 с.

Обнорский С. П. (ред.). Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. В 9 т. Т. 5. Вып. 1. Петроград: Тип. Имп. АН, 1915. 320 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 11. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1999. 615 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 5. М.: Наука, 1977. 678 с.

Литература

- Алексеевко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. *Словарь отфразеологической лексики современного русского языка*. М.: Азбуковник, 2003. 395 с.
- Белоусова Т. П. Фразеологическая деривация в современном русском языке (лексические производные): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. Киев, 1992. 17 с.
- Блинова Е. В. Оказиональное отфразеологическое слово- и фразеотворчество в художественном тексте (на материале художественной литературы XX века): дис. ... канд. филол. наук / Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2005. 217 с.
- Ван Ц. Отфразеологические дериваты в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Московский пед. гос. ун-т. М., 1997. 199 с.
- Виноградов В. В. История слов. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
- Ермакова Е. Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2008. 42 с.
- Захарова Ю. Г. Эпистолярное наследие русских писателей как источник изучения неологии второй половины XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (4). С. 713–735.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С. *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 28.03.2024).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
- Пугач В. Н. Межуровневая деривация в сфере фразеологии современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук / Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 1997. 257 с.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX в. М.–Л.: Наука, 1965. 565 с.
- Ташлыкова М. Б. Фразеологизм как производящая единица: дис. ... канд. филол. наук / Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Томск, 1987. 220 с.
- Чернышев В. И. (гл. ред.). *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. Т. 1. М.–Л.: Наука, 1950. 767 с.; Т. 17. М.–Л.: Наука, 1965. 2126 с.

References

- Alekseenko M. A., Belousova T. P., Litvinnikova O. I. *Slovar' otfrazeologicheskoi leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of phraseological vocabulary of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 395 p.

- Belousova T. P. *Frazeologicheskaya derivatsiya v sovremennom russkom yazyke (leksicheskie proizvodnye)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Phraseological derivation in modern Russian (lexical derivatives). Abstract cand. phil. sci. diss.]. Kyiv, 1992. 17 p.
- Blinova E. V. *Okkazionalnoe otfrazeologicheskoe slovo- i frazeotvorchestvo v khudozhestvennom tekste (na materiale khudozhestvennoi literatury XX veka)*. Dis. ... kand. filol. nauk [Occasional phraseological word and phraseological creativity in a literary text (based on the material of fiction of the XX century). Cand. phil. sci. diss.]. Kostroma, 2005. 217 p.
- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. V 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vol.]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1950. 767 p.; Vol. 17. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. 2126 p.
- Ermakova E. N. *Frazo- i slovoobrazovanie v sfere frazeologii*. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Phrase and word formation in the field of phraseology. Abstract Dr. phil. sci. diss.]. Tyumen, 2008. 42 p.
- Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-forming affixes of modern Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian national corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 28.03.2024).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.
- Pugach V. N. *Mezhurovnevaya derivatsiya v sfere frazeologii sovremennogo russkogo yazyka*. Dis. ... kand. filol. nauk [Interlevel derivation in the field of phraseology of the modern Russian language. Cand. phil. sci. diss.]. Volgograd, 1997. 257 p.
- Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30-e – 90-e gody XIX v.* [The development of the vocabulary of Russian literary language: the 30–90th years of 19th century]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p.
- Tashlykova M. B. *Frazeologizm kak proizvodyashchaya edinitsa*. Dis. ... kand. filol. nauk [Phraseology as a producing unit. Cand. phil. sci. diss.]. Tomsk, 1987. 220 p.
- Van C. *Otfrazeologicheskie derivaty v sovremennom russkom yazyke*. Dis. ... kand. filol. nauk [Phraseological derivatives in modern Russian. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 1997. 199 p.
- Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow, Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov RAS Publ., 1999. 1138 p.
- Zakharova Yu. G. [Epistolary heritage of Russian writers as a source of studying neology of the second half of the XIX century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2021, no. 18 (4), pp. 713–735. (In Russ.)

К истории слова *коновал*

Людмила Евгеньевна Кругликова, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), lekhospb@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040088

аннотация: В статье анализируется история появления лексемы *коновал*, которая первоначально служила для наименования людей, занимающихся холощением и лечением лошадей, а также других домашних животных. Это были доморощенные лекари. Отношение к ним было неоднозначным. Частые неудачные результаты лечения привели к тому, что постепенно слово *коновал* начало приобретать негативный оттенок и, как следствие, в XVIII в. у него стало формироваться еще одно значение: ‘плохой, неквалифицированный врач’.

Относительно этимологии лексемы *коновал* нет единства. Можно говорить о двух взаимоисключающих точках зрения. М. Фасмер считает, что данное существительное заимствовано из польского языка. К этому мнению присоединились составители «Этимологического словаря русского языка» под редакцией Н. М. Шанского. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева относят данную лексему к праславянскому лексическому фонду.

В статье детально разбираются обе версии происхождения. В результате проведенного анализа, обращения к многочисленным польским, восточнославянским источникам выдвигается гипотеза о том, что слово *коновал* является собственно русским. Данная лексема первоначально была принадлежностью старорусского языка, а впоследствии попала в польский язык через посредство украинского.

ключевые слова: русский язык, польский язык, лексикология, этимология, история языка

для цитирования: Кругликова Л. Е. К истории слова *коновал* // Русская речь. 2024. № 4. С. 90–107. DOI: 10.31857/S0131611724040088.

From the History of the Russian Language

On the Etymology of the Word *Konoval*

Ludmila E. Kruglikova, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg), lekhospb@mail.ru

ABSTRACT: The author of the article analyzes the etymology of the lexeme *konoval*, which originally served to name people who were engaged in grooming and treating horses, as well as other domestic animals. They were homegrown doctors. The attitude towards them was ambiguous. Frequent unsuccessful results of treatment led to the fact that the word *konoval* began to acquire a negative connotation and, as a result, in the 18th century there appeared another meaning of the word in Russian language: ‘a bad, unqualified doctor’.

There is no unity regarding the etymology of the lexeme *konoval*. There are two mutually exclusive points of view. M. Vasmer believes that this noun is borrowed from the Polish language. The compilers of the “Etymological Dictionary of the Russian Language” edited by N. M. Shansky share this view. The authors of the Etymological Dictionary of Slavic Languages edited by O. N. Trubachev attribute this lexeme to the Proto-Slavic lexical fund.

The author examines in detail both versions of the origin of the lexeme. As a result of the analysis and referring to numerous Polish and East Slavic sources, we put forward a hypothesis that the word *konoval* is actually Russian. This lexeme originally belonged to the Old Russian language, and subsequently got into the Polish language through Ukrainian.

KEYWORDS: Russian language, Polish language, lexicology, etymology, history of the language

FOR CITATION: Kruglikova L E. On the Etymology of the Word *Konoval*. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2024. No. 4. Pp. 90–107. DOI: 10.31857/S0131611724040088.

Существительное *коновал* известно в русском языке с XVI в. За этот период оно претерпело изменения в своей семантике. Изначально оно обозначало того, кто занимался холощением и лечением лошадей, а также других домашних животных. В основном это был отхожий промысел. Представление о том, как была организована деятельность коновалов, дает отрывок из «Писем из деревни» (1875) А. Н. Энгельгардта¹:

В нашей губернии почти нет местных коновалов, да и те, которые есть, преимущественно из бывших крепостных, обученных в то время, когда каждый зажиточный помещик стремился иметь все свое, не пользуются хорошей репутацией. Между тем никакое хозяйство без коновала обойтись не может, потому что в известное время года, например ранней весной, в каждом хозяйстве бывает необходимо кастрировать каких-нибудь животных: поросят, баранчиков, бычков, жеребчиков. Без коновала никто поэтому обойтись не может. Необходимость вызвала и людей, специалистов-коновалов, занимающихся кастрированием животных и отчасти их лечением, насколько это возможно для таких странствующих ветеринаров. К нам коновалы приходят издалека. Есть где-то целые селения — кажется, в Тверской губернии, — где крестьяне специально занимаются коновальством, выучиваясь этому ремеслу преимущественно друг от друга. Два раза в году — весной и осенью — коновалы отправляются из своих сел на работу, работают весной и возвращаются домой к покосу; потом опять расходятся на осень и возвращаются на зиму домой. Каждый коновал идет по известной линии, из году в год всегда по одной и той же, заходя в лежащие на его дороге деревни и господские дома, следовательно, каждый коновал имеет свою постоянную практику, и, обратно, каждая деревня, каждый хозяин имеет своего коновала, который побывает у него четыре раза в год два раза весной — идя туда и обратно — и два раза осенью. Коновал заходит в каждый дом и кастрирует все, что требуется, понятно, что он знает все свои деревни и в деревнях всех хозяев поименно. Обыкновенно, идя весной вперед, коновал только работает, но платы за работы — по крайней мере, у крестьян — не получает, потому что, если операция была неудачна, платы не полагается. Проработав весну и возвращаясь домой, коновал на обратном пути опять заходит ко всем, у кого он работал, и собирает следующий ему за труды гонорар.

¹ Обратим внимание на то, что в граничащую с белорусской землей Смоленскую губернию, где располагалось имение Энгельгардта, приходили коновалы из Тверской губернии, т. е. с востока.

К коновалам обращались и для лечения людей. Обычно так поступал бедный люд. Коновалы были доморощенными лекарями, поэтому часто не могли добиться положительных результатов, что привело к тому, что соответствующее слово стало приобретать негативный оттенок и, как следствие, в XVIII в. у него начало формироваться еще одно значение: 'плохой, неквалифицированный врач'. Этому способствовало также то, что после издания в 1713 г. Петром I указа об обучении русских людей коновальному искусству в стране стали появляться «ученые» коновалы. Для их наименования в XIX в. в русском языке появляется существительное *ветеринар*.

Особый интерес вызывает этимология лексемы *коновал*. Существуют две версии ее происхождения. По свидетельству «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, она представляет собой заимствование из польского языка, где *konował* образовалось от словосочетания *walić konia* 'валить коня для кастрации' [Фасмер 1967: 311]. Точка зрения немецкого лингвиста была поддержана составителями «Этимологического словаря русского языка» под редакцией Н. М. Шанского [Шанский (ред.) 1982: 260]. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» [Трубачев (ред.) 1983: 194] относят существительное *коновал* к праславянскому лексическому фонду. Остановимся на доводах, приводимых авторами этих двух точек зрения.

М. Фасмер, утверждая, что слово пришло в русский язык из польского, ссылается на «Этимологический словарь польского языка» А. Брюкнера [Brückner 1927: 253] и статью Р. Брандта [Брандт 1889: 139].

У А. Брюкнера слово *konował* употреблено в словарной статье *koń*, где просто перечисляются слова, восходящие к данному слову. В статье Р. Брандта «Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича» приводится информация из словаря Ф. Миклошича [Miklosich 1886: 128] о том, что тому неясна часть *wai* в *konowai*, и высказывается предположение, что «д. б. это первоначально шуточное слово: кто валит коней на землю, чтобы выхолостить» [Брандт 1889: 139]. Как видим,

Рис. 1. Русские типы.
Коновал.
По фотографии
рисунок Шпак,
гравюра Дзедзиз

Fig. 1. Russian types.
Konoval.
Based on the photograph,
drawing by Shpak,
engraving by Dziedzic

каких-либо свидетельств того, что интересующая нас лексема пришла в русский язык из польского, в этих источниках не содержится.

Мы обратились к другим этимологическим словарям польского языка. Больше всего информации содержится в лексикографическом труде Ф. Славского [Sławski 1983: 426]. В частности, в нем говорится о том, что хорошо известны аналогичные диалектные слова: *kunofou*, *konefát*, *konifáu*, дается отсылка к «Словарю польских говоров» Я. Карловича [Karlłowicz 1901: 419], работе А. Томашевского «Лопенна и окрестности в северной Великопольше» [Tomaszewski 1930: 140], исследованию П. Бака «Лексика говора Крамского края на фоне народной культуры» [Bąk 1960: 104]. Проанализируем эти работы.

В [Karlłowicz 1901: 419] в качестве иллюстраций приводятся материалы из работ Я. Бельи «Зебжидовский диалект. Диалектологическое исследование» [Biela 1882: 157], С. Матуська «Ласовский диалект в окрестностях Тарнобжега, диалектологическое исследование» [Matusiak 1880: 83] и еще одной работы Я. Бельи «Список слов, собранных в деревне Жарновка на реке Скаве» [Biela 1891: 378]². В первой работе [Biela 1882: 157] говорится о фонетических особенностях, наблюдаемых в словах с рядом суффиксов. Интересующая нас лексема наличествует в перечне лексем с морфемой *-ál* (*ów*): *jednorów*, *kapítów*, *konofów*, *mśów*, *sovížrów*. Те же самые примеры (Suff. *-ál*: *sovíždřál*, *konefát*, *kapítál*, *jednorál*, *msál* и т. д.) приводятся во втором источнике [Matusiak 1880: 83]. В третьей работе [Biela 1891: 378] дается вариант *konifów*. Выделение в интересующей нас лексеме суффикса *-ál* свидетельствует о непонятности внутренней формы слова для авторов статей. Заметим, что выше говорилось о том, что она была неясна и Ф. Миклошичу. Этот факт косвенно опровергает исконность лексемы для польского языка.

Обратимся еще к двум источникам, на которые дается ссылка у Ф. Славского кроме «Словаря польских говоров» Я. Карловича. В [Tomaszewski 1930: 140] имеется следующая информация: *kónⁿovũc*, *-oŋa* — *weterynarz*³, а в [Bąk 1960: 104] наличествует фонетический вариант *kunofou* — *konował*, *weterynarz*, *lekarz zwierząt*, *puszczający krew koniom*⁴.

Наличие слов в диалектах чаще всего является показателем исконности того или иного образования в данном языке. В нашем случае об этом говорить не приходится, т. к. имеем дело с записями фонетических вариантов наличествующей в литературном языке лексемы. Записи были

² Говоры, о которых идет речь в этих трех статьях, относятся к малопольской диалектной группе.

³ Заметим, что словарь Томашевского не является дифференциальным. В нем даются и диалектные слова, и слова литературного языка, которые используют в своей речи жители данной местности на момент сбора материала, т. е. в первой трети XX столетия.

⁴ Говоры, о которых речь идет в этих двух статьях, относятся к великопольской диалектной группе.

осуществлены в позднее время (конец XIX — XX вв.), т. е. эти варианты просто отражают особенности говора той или иной местности.

Таким образом, доказательная база для утверждения о том, что интересующая нас лексема первоначально появилась в польском языке, а впоследствии была заимствована русским языком, в данных исследованиях отсутствует.

Рассмотрим теперь точку зрения, согласно которой лексема принадлежит к праславянскому лексическому фонду. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» в качестве доказательства своей версии приводят данные из польского и восточнославянских языков. В отношении польского языка они обращаются к словарю Я. Карловича и к только что рассмотренной работе А. Томашевского [Трубачев (ред.) 1983: 194]. Неясно, почему они в отличие от Ф. Славского из двух словарей, в создании которых принимал участие Я. Карлович, выбрали тот, который предназначался главным образом для широкой публики («Словарь языка польского»), причем в этом словаре у интересующей нас лексемы нет указания на источники, из которых были взяты диалектные слова [Karłowicz 1952: 445]. Из пяти приведенных в данном словаре слов (*kanawał, konofał, konefał, konifał, kónofał*) в [Трубачев (ред.) 1983: 194] попало только два (*konofał, konifał*). Еще два источника в «Этимологическом словаре славянских языков», которые отражают говоры, относящиеся к великопольской диалектной группе, дела не меняют. В работе Е. Мациевского «Хелминско-добжунский словарь» [Maciejewski 1969: 156] фигурирует вариант, который наличествует в вышеупомянутой работе П. Бака [Bąk 1960: 104]: *kunofou*, а в работе Х. Горновича «Мальборский диалект» — *kūnovaŭ* [Górnowicz 1973: 178].

Таким образом, наличие фонетических вариантов лексемы литературного языка *konował* в современных говорах польского языка, на наш взгляд, не может служить аргументом для причисления данного существительного к праславянскому лексическому фонду.

То же самое можно сказать об украинском и белорусском языке. В [Трубачев (ред.) 1983: 194] приводится блр. *канавáл*, а также диалектное *канавáл*. Последнее со ссылкой на два источника, в которых даются записи диалектной лексики последней четверти XX в. Что же касается ссылки в отношении украинского языка на словарь Б. Д. Гринченко, то этим только констатируется факт наличия интересующей нас лексемы в украинском языке, не более. В данном словаре представлена лексика как литературного языка XIX в. и фольклора, так и большинства украинских диалектов. Он фактически представляет собой украинско-русский словарь. К словам, помещенным в данном словаре, приводятся русские соответствия, и лишь иногда имеется описательное толкование. В частности,

интересующая нас лексема подается следующим образом: **Коно́вал**, -ла, м. Коноваль. *Сюда шевці й кравці, шаповали й коновали*. Левиц. І. *Такий коновал, що через шкуру бачить* [Грінченко 1908: 278].

Мы склоняемся к тому, что слово *коновал* появилось в русском языке, а в польский язык попало через посредство украинского.

Согласно словарю Ф. Славского, впервые лексема *konował* была использована государственным и военным деятелем Великого княжества Литовского К. Дорогостайским в «Гиппике, или Книге о лошадях» («*Hippika to jest o koniach ksiegi*»), изданной в Кракове в 1603 г. [Sławski 1958–1965: 426]. Приведенная ниже карта Речи Посполитой дает представление о том, какие территории входили в ее состав в разное время, в том числе и в то время, когда создавалась книга К. Дорогостайского.

Впервые в русском языке слово *коновал* фиксируется в 1500 г. в Новгородских писцовых книгах [Шанский (ред.) 1982: 260], т. е. чуть ли не на столетие раньше, чем в польских памятниках письменности. Столетие разделяет также формирование на основе исходной семантики нового значения с пренебрежительным оттенком ‘неквалифицированный, плохой врач’. В русском языке оно появляется в XVIII в. [Сорокин (гл. ред.) 1998: 137], в польском — в XIX в. [Sławski 1983: 426].

В словарях старопольского языка лексема *konował* отсутствует. В «Польском словаре XVI века» [Mayenowa (nacz. red.) 1976: 574] находим лексему *konował* и производную от нее *konowalstwo*, но без каких-либо примеров, а лишь с отсылкой к «Словарю польского языка» С. Б. Линде [Linde 1951: 1071], первое издание которого было осуществлено в 1807–1814 гг. Это первый большой словарь польского языка. В нем в словарной статье KONOWAŁ приводится русское *коновал*, дается две цитаты из польских памятников письменности со словом *konował*, датированные 1786 и 1693 гг. Кроме того, там представлены однокоренные лексемы *konowalski* с примерами из источников 1801 и 1786 гг. и русскими соответствиями *коновáловъ*, *коновáльный*, а также существительное *konowalstwo* без цитат и соответственно года фиксации. Для сравнения *коновальский* в [Филин (гл. ред.) 1980: 279] датируется 1692 годом, т. е. *konowalski* фиксируется почти на сто лет позже, чем в русских памятниках.

Таким образом, польские памятники письменности не подтверждают более раннего употребления интересующей нас лексемы в польском языке по сравнению с русским.

Примечательно, что существительное *коновал* в русском языке фиксировалось и с соединительной гласной -е-: 1560, 1657, 1688 гг. [Филин (гл. ред.) 1980: 270]. При этом место фиксации формы *коневал* — север нашей страны (Книга расходная Николаевского Корельского монастыря, Книга приходно-расходная Александрова Свирского монастыря, Архив

Рис. 2. Карта Речи Посполитой в XVI–XVIII вв.

Fig. 2. Map of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th–18th centuries

Онежского Крестного монастыря). Такого рода образования имеются и в говорах. Так, в [Филин (гл. ред.) 1978: 249] находим *коневал* (Онеж., Гильфердинг; Медвежьегор. КАССР, Арх., Ленингр., Новг.), *коневалушко* (Онеж., Гильфердинг). Вариант с *-е-* присутствует в [Паникаровская

(гл. ред.) 1987: 96]: *коневал*⁵, [Герд (гл. ред.) 1995: 412]: *коневал*, *коневалка* ‘бойкая, озорная женщина или девушка’ с оттенком ‘грубая женщина’. Все эти земли входили в свое время в состав Новгородской республики (2-я четверть XII в. — 1478 г.).

Новгородские земли простирались в прошлом от Балтийского моря на западе до Уральского хребта на востоке. Именно в Новгородских писцовых книгах в 1500 г., как было сказано выше, впервые зафиксирована интересующая нас лексема. Абсолютное большинство примеров с ней (с той и с другой соединительной гласной) отмечается в памятниках на территории, относящихся исторически к Новгородской земле⁶.

По данным «Словаря промысловой лексики Северной Руси, XV–XVII вв.», существительное *коновал* с соединительной гласной -о- фиксируется в памятниках письменности Русского Севера в 1611 и 1654 гг. [Чайкина (гл. ред.) 2005: 88]. При этом в данном словаре имеется пример использования указанной лексемы с соединительной гласной -е- (*коневал*), датированный 1650 годом. Оба варианта лексемы находим и в «Словаре лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века» Е. Н. Поляковой [Полякова 2010: 258, 259]. При этом они выступают в текстах в качестве антропонимов: *В Усолье Камском Ивашко Семенов сын Коновал* (КС, 156 обор.) 1623 [Полякова 2010: 259]. *Крестьянин починка Титова на ручью Титко Дмитриев сын Коневал* (Е 1, 12) 1647 [Полякова 2010: 258]. А это означает, что интересующая нас лексема для обозначения профессии человека появилась раньше. К тому же надо заметить, что русская речь приходила в Пермский край с территории нынешних Архангельской, Вологодской областей, Поморья.

Антропонимы фиксируются и в «Словаре древнерусских собственных имен» Н. М. Тупикова: *Данило Коноваль, Смоленский стрелец*. 1610.

⁵ Вот иллюстративные примеры из него: *Лечи́л коро́в-то, коне́й коне́ва́л*. В-У. Балаг. *Я ещё помню, как конева́л ходи́л по дома́м и выхоло́щивал бара́нчиков*. Тарн. Красн. Как видим, здесь представлен еще и фонетический вариант лексемы *коновал* с мягким согласным н.

⁶ А. А. Зализняк выделяет древненовгородский диалект, о котором сообщает следующее: «Древненовгородский диалект (Д. д.) — диалект древнерусского языка, на котором говорили в древнем Новгороде и примыкающих к нему районах древней Новгородской земли. Известен в основном по берестяным грамотам, найденным в Новгороде и Старой Руссе и датируемым XI–XV вв.» [Зализняк, Шевелёва 2005: 438]. Это древненовгородский диалект в узком смысле слова. В широком смысле под ним понимают «совокупность всех говоров древнерусского языка, представленных в древней Новгородской земле, включая также Псковскую землю» [Зализняк, Шевелёва 2005: 438]. В нашем случае, вероятно, речь можно вести о первом понимании термина, т. к. на соседних псковских землях, по данным «Псковского областного словаря», лексема *коновал* датируется намного позже (*В 24 день дано дватцать алтын за работу печерскому бобылю с Колпино Артюшки коновалу легчил десятерых жеребчиков монастырских*. Кн. прих.-расх. пск. Печ. м., л. 92 об., 1674–1675 гг.) [Лутвинова, Тарасова (ред.) 2004: 170].

Рис. 3. Карта Новгородской Республики в XV в. (до 1478 г.)

Fig. 3. Map of the Novgorod Republic in the 15th century (until 1478)

Ак. Ист. II, 357⁷. Васа Коноваль, Верхотурский стрѣлецъ. 1620. Ак. Ист. III, 87 [Тупиов 1903: 193].

От прозвища коновал ведет начало фамилия Коновалов, которая появляется в письменных источниках уже в XVI в.: 1579, 1623, 1782, 1795 гг. [Полякова 2005: 179]. В «Народном именослове Русского Севера XV–XVII веков» А. В. Кузнецова находим такие образования, как Коневал (1634 и 1645 гг.), Коновал (1622, 1629 и 1651), Коневалов, Коновалов (1622

⁷ Заметим, что в [Тупиов 1903:193] ошибочно указана страница 357 вместо страницы 351.

и 1629 гг.) [Кузнецов 2020: 132]. Фамилия *Коновалов*, датированная 1629 г., зафиксирована в словаре «Вологодские фамилии» Ю. И. Чайкиной [Чайкина 1995: 49]. О широком распространении фамилии *Коновалов* на Урале с XVII в. говорит А. Г. Мосин в своем словаре, посвященном уральским фамилиям [Мосин 2000].

Как отмечает В. А. Никонов, «становление фамилий на Севере протекало значительно раньше, чем в средней полосе России, где большая часть крестьянства была закрепощена, а крепостным фамилий не полагалось» [Никонов 1988: 67]. Отмечая, что «в силу исторического своеобразия Севера там лучше, чем где бы то ни было, сохранились местные фамилии», он обратился к данным Всероссийской переписи 1897 г. по Архангельской губернии, «которая простиралась от границы Норвегии (Кольский у.) до Северного Урала (Печорский у.)», и выполнил «подсчет фамилий всего сельского населения по шести уездам — Архангельскому, Мезенскому, Онежскому, Пинежскому, Шенкурскому, Холмогорскому — это почти 300 тыс. человек, около 4 тыс. фамилий» [Никонов 1988: 56]. В результате В. А. Никонов выяснил, что «только восемь человек записаны в форме *Коновалов*, а 231 человек — *Коневалов*» [Никонов 1988: 73]. Это, а также вышеприведенные данные дают основание предположить, что первоначально имели хождение оба варианта: с соединительными гласными *-е-* и *-о-*.

Все приведенные нами антропонимы за исключением двух примеров из [Тупиков 1903] зафиксированы на территории, которая ранее была Новгородской землей. Что же касается примеров из [Тупиков 1903: 193], то один из них (*Данило Коновалъ, Смоленскій стрѣлецъ. 1610*) относится к территории, которая ранее входила в Великое княжество Литовское, куда также входили территории, где ныне располагаются Белоруссия и Украина. И только второй пример (Андрей Борисов сын *Коновалов*, Шуйский посадский. 1678) нарушает данную картину.

Отметим, что Смоленская земля на севере примыкала к Новгородской. По данным «Регионального исторического словаря второй половины XVI — XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)», слово *коновал* в качестве наименования профессии впервые фиксируется на данной территории в 1598 г. [Борисова 2000: 116].

Использование прозвищ и фамилий уже в XVI и первой половине XVII в. говорит о том, что лексема *коновал* (*коневал*) в качестве наименования профессии появилась в русском языке не позднее XV в., т. к. интересующая нас лексема впервые фиксируется на стыке веков (1500 г.).

Таким образом, ни о каком заимствовании интересующей нас лексемы из польского не может быть и речи. Можно говорить только об обратном влиянии. Интересно, что Ф. Славский в словарной статье **Konował**, говоря

о том, как появилось это слово, использует помету *pln.-słow.*⁸, дает его реконструированную форму в виде **kono-valz*, интерпретирует ее как старое сложение слов **konjъ* (польское. *koń*) и **valz* из **valiti* (польское *walić*), приводя для сравнения русское диалектное *valijátъ lóšadъ*, *byčká* ‘*wałaszyć, kastrować konia, byczka*’ [Sławski 1958–1965: 426]. Фактически Ф. Славский говорит о русском происхождении соответствующего польского слова.

Наличие в польских говорах фонетических диалектизмов *konofamъ, konefamъ, konmifamъ* на территориях, которые находятся на юго-востоке и юге Польши, не исключает возможности проникновения интересующей нас лексемы в польский язык с украинской территории.

Мы обратились к украинским источникам. В этимологическом словаре украинского языка существительное *коновал* отсутствует. В «Словнике української мови XVI — першої половини XVII ст.» находим два примера использования лексемы *коновалъ*: в первом случае имеем дело с наименованием профессии (Луцк, 1582), во втором — с личным именем (Реестр запорожскому войску 1649 г.) [Гринчишин (гол. ред.) 2008: 233]. В указанном словаре дается также прилагательное *коноваловая* (Луцк, 1562). Луцк в XV–XVII вв. был одним из крупнейших ремесленно-торговых центров Великого княжества Литовского. Туда съезжались купцы из разных мест. В войско запорожское (Запорожскую сечь) принимались люди всех национальностей, но большинство составляли малороссы (украинцы). Как видим, по данным памятников письменности, в украинском языке слово появилось раньше, чем в польском, но позже, чем в русском.

Луцк расположен на северо-западе Украины недалеко от юго-востока Польши. Н. Е. Ананьева в монографии «История и диалектология польского языка» пишет: «В XVI–XVII вв. отмечается наиболее активное проникновение в польский язык восточнославянских (украинских) лексических элементов, что связано с более тесным контактом поляков с восточными славянами на территории “кресов”, формирование здесь региональной разновидности польского языка (*polszczyzna kressowa*), которая была “проводником” в литературный польский язык многих украинизмов, а через их посредничество и тюркских элементов» [Ананьева 1994: 288].

Таким образом, можно говорить о том, что интересующая нас лексема могла попасть в польский язык из украинского. Этому мы нашли подтверждение в польских источниках. В «Этимологическом словаре польского

⁸ Помета *pln.-słow.* (севернославянское) в данном случае, по всей видимости, имеет значение ‘восточнославянское’ или даже ‘севернорусское’. Термин «севернославянские языки» неоднозначен. Но чаще всего под ними понимаются восточнославянские и западнославянские языки, вместе противопоставленные южнославянским языкам [Варбот, Журавлев 1998: 39].

языка» А. Банковского говорится о том, что впервые слово *konował* зафиксировано в 1603 г., что оно является рутенизмом [Baczkowski 2000: 783]. Под рутенизмом в польском языке понимается слово, заимствованное из русских языков (преимущественно из украинского) [Doroszewski (red.) 1961]. В статье Э. З. Парафиньской «Обзор русских языковых заимствований в польском языке» читаем: «В царствование в Польше династии Ягеллонов развивались контакты с русским народом. Русские заимствования этого периода касались военно-привальной лексики, но в большинстве случаев это были слова из украинского языка, например: рогатина — *rochatyna* ('włócznia') [1, 232; 4, 347]⁹, а также коновал — *konował* (в первоначальном значении — 'лечащий коней', сейчас так называется неумелого врача или ветеринара¹⁰)» [Парафиньска 2016: 1168].

А что же в белорусском языке? В этимологическом словаре белорусского языка со ссылкой на «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера говорится о том, что белорусское существительное *канавал* было заимствовано из польского языка [Мартынов и др. (ред.) 1988: 232]. Как было показано выше, в источниках, на которые ссылается М. Фасмер, каких-либо свидетельств заимствования из польского приведено не было. Кроме того, данные, представленные в «Историческом словаре белорусского языка», также не могут служить подтверждением этого [Булыка А. М. (гл. ред.) 1996: 267]. В нем приводятся иллюстративные примеры, датированные 1681, 1684, 1685, 1691, 1692, 1697, 1698, 1711 гг. У всех у них один источник — Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг Губерний Витебской и Могилевской, вып. I–XXII. Витебск, 1871–1900. Эти губернии граничили с Русским государством. Можно предположить, что лексема *коновал* попала в белорусский язык из русского языка.

Итак, по-нашему мнению, сложное существительное *коновал* 'человек, который занимается лечением и холощением лошадей и других домашних животных', представляющее собой объединение двух праславянских основ с помощью соединительной гласной¹¹, является собственно русским образованием. В настоящее время в этом значении данное слово стало историзмом, т. к. профессия коновала просуществовала до 30-х годов XX в. Но лексема *коновал* продолжает активно жить в языке с иной семантикой: 'плохой, неквалифицированный врач'.

⁹ Под этими сокращениями в статье Э. З. Парафиньской скрываются следующие работы: Cegiela A. i Markowski A. Z polszczyzną za pan brat, Warszawa: ISKRY, 1986. 259 p.; Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego: W 3 t. 5-e wyd. T. 1. Warszawa: PWN, 1985. 210 p.

¹⁰ Так в оригинале.

¹¹ «Еще в праславянское время у глагола **valiti* / **val'ati* появилось значение 'холостить (самца домашнего животного)'. Отсюда слова *вол* 'холощенный бык', *коновал* и др.» [Журавлев 2012: 68].

Источники

Брандт Р. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича // Русский филологический вестник, издаваемый под редакцией профессора А. И. Смирнова. Т. XXII. Варшава, 1889. С. 112–144.

Грінченко Б. Д. Словарь української мови. Т. 2 (З–Н). Київ: Київська старина, 1908. 573 с.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903. 857 с.

Biela J. Gwara zebrzydowska. Studium dialektologiczne // Rozprawy i Sprawozdania z Posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. IX. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1882. S. 149–217.

Biela J. Spis wyrazów zebranych we wsi Żarnówce nad Skawą // Sprawozdania komisji językowej Akademii Umiejętności. IV. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1891. S. 374–384.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Nakł. i własność Krakowskiej spółki wydaw., 1927. 805 s.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 2 (F–K). Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1901. 552 s.

Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. 2 (H–M). Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1952. 1089 s.

Linde S. B. Słownik języka polskiego. T. I, część II (G–L). Warszawa, 1808. 1522 s.

Matusiak S. Gwara Lasowska w okolicy Tarnobrzega, studyjum dyalektologiczne // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności. VIII. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1880. S. 70–179.

Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. 562 s.

Tomaszewski A. Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce, Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1930. 223 s.

Література

Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка. М.: Изд-во МГУ, 1994. 302 с.

Борисова Е. Н., Картавенко В. С., Королева И. А. Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края). Смоленск: Изд-во Смолен. гос. пед. ун-та, 2000. 368 с.

Булыка А. М. (гал. ред.). Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 15 (Кать–коречный). Мінск: Беларуская навука, 1996. 311 с.

- Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. 54 с.
- Герд А. С. (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 выпусках. Вып. 2 (Дрожжевик–Косячок). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. 448 с.
- Гринчишин Д. Г. (гол. ред.). Словник української мови XVI–першої половини XVII ст.: У 28-ми вип. Вип. 14 (К–Коньюрація). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008. 256 с.
- Журавлев А. Ф. Взвешивание объяснительных версий в этимологической практике (О слове валун) // Русский язык в школе. 2012. № 2. С. 67–72.
- Зализняк А. А., Шевелёва М. Н. Восточнославянские языки. Древненовгородский диалект // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 438–444.
- Кузнецов А. В. Народный именослов Русского Севера XV–XVII веков: происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень. Вологда: ВОУНБ, 2020. 398 с.
- Лутовинова И. С., Тарасова М. А. (ред.). Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 348 с.
- Мартынаў В. У., Супрун А. Я., Цыхун Г. А., Краўчук Р. У. (ред.). Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 4 (К–Каята). Мінск: Навука і тэхніка, 1988. 327 с.
- Мосин А. Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (По данным исповедных росписей 1822 года). Екатеринбург: Гощицкий, 2000. 495 с.
- Никонов В. А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Паникаровская Т. Г. (гл. ред.). Словарь вологодских говоров. И–К. Вологда: Изд-во ВГПИ, 1987. 128 с.
- Парафиньска Э. З. Обзор русских языковых заимствований в польском языке // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 1167–1171.
- Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 462 с.
- Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Т. 1 (А–О). Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2010. 428 с.
- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 198 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. II (Е–Муж). М.: Прогресс, 1967. 672 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 14 (Кобзарик–Корточки). Л.: Наука, 1978. 376 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (К–Крагуяр). М.: Наука, 1980. 403 с.
- Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. Вологда: Русь, 1995. 122 с.
- Чайкина Ю. И. Словарь промысловой лексики Северной Руси, XV–XVII вв. Вып. 2 (К–О). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 333 с.

- Шанский Н. М. (ред.). Этимологический словарь русского языка. Т. II, вып. 8 (К). М.: Изд-во Московского университета, 1982. 470 с.
- Backowski A. *Etymologiczny słownik języka polskiego*. T. 1 (A–K). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. 874 s.
- Bąk P. *Słownictwo gwary okolic Kramsk na tle kultury ludowej / Series: Prace językoznawcze*. 20. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1960. 130 s.
- Doroszewski W. (red.). *Słownik języka polskiego*. T. III. H–K. Warszawa: Wiedza powszechna, 1961. 1361 s.
- Górnowicz H. *Dialekt malborski*. T. 2. *Słownik*. Z. 1 (A–O). Gdańsk: GTN, 1973. 319 s.
- Maciejewski J. *Słownik chełmińsko-dobrzyński*. Toruń, Poznań: TNT Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Oddział, 1969. 305 s.
- Mayenowa M. R. (nacz. red.). *Słownik polszczyzny XVI wieku / Inst. badań lit. Pol. akad. nauk; Kom. red. Stanisław Bak et al. T. X (K–Korzyść)*. Wrocław etc.: Zakł. nar. im. Ossolińskich, 1976. 674 s.
- Ślawski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. T. II (K–Kot). Kraków: Nakładem Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego, 1983. 560 s.

References

- Anan'eva N. E. *Istoriya i dialektologiya pol'skogo yazyka* [History and dialectology of the Polish language]. Moscow, Publ. of Moscow University, 1994. 302 p.
- Backowski A. *Etymologiczny słownik języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Vol. 1. Warszawa, Scient. Publ. House PWN, 2000. 874 p.
- Bąk P. *Słownictwo gwary okolic Kramsk na tle kultury ludowej* [Vocabulary of the bustle of the Kramská region against the background of folk culture]. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1960. 130 p.
- Borisova E. N., Kartavenko V. S., Koroleva I. A. *Regional'nyi istoricheskii slovar' vtoroi poloviny XVI–XVIII vv. (po pamyatnikam pis'mennosti Smolenskogo kraya)* [Regional Historical Dictionary of the second half of the 16th – 18th centuries (according to the monuments of writing of the Smolensk region)]. Smolensk, Publ. House of Smolensk State Pedagogical University, 2000. 368 p.
- Bulyka A.M. (ch. ed.). *Gistarychny sloŭnik belaruskai movy* [Historical dictionary of the Belarusian language]. Vol. 15. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 1996. 311 p.
- Chaikina Yu. I. *Vologodskie familii: Etimologicheskii slovar'* [Vologda Surnames: Etymological Dictionary]. Vologda, Rus' Publ., 1995. 122 p.
- Chaikina Yu. I. (ch. ed.). *Slovar' promyslovoi leksiki Severnoi Rusi, XV–XVII vv.* [Dictionary of trade vocabulary of Northern Russia, 15th – 17th centuries]. Iss. 2. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 333 p.
- Doroszewski W. (ed.). *Słownik języka polskiego* [Dictionary of the Polish language]. Vol. III. Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1961. 1361 p.

- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. In 4 vols. Vol. 2. Moscow, Progress Publ., 1967. 672 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 14. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 376 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 7. Moscow, Nauka Publ., 1980. 403 p.
- Gerd A. S. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. In 5 issues. Iss. 2. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg University. 1995. 448 p.
- Górnowicz H. *Dialekt malborski* [The Malbork dialect]. Vol. 2. *Słownik* [Dictionary]. No. 1. Gdańsk, GTN Publ., 1973. 319 p.
- Grinchishin D. G. (ch. ed.). *Slovník ukraïns'koï movi XVI–pershoï polovini XVII st.* [Dictionary of the Ukrainian language of the 16th – first half of the 17th c.]. In 28 issues. Iss. 14. Lviv, I. Kripyakevich Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2008. 256 p.
- Kuznetsov A. V. *Narodnyi imenoslov Russkogo Severa XV–XVII vekov: proiskhozhdenie imen (prozvishch), otchestv, nazvanii dereven'* [Folk onomasticon of the Russian North of the 15th–17th centuries: the origin of names (nicknames), patronymics, names of villages]. Vologda, Publ. House of Vologda Regional Universal Scientific Library named after I. V. Babushkin, 2020. 398 p.
- Lutovinova I. S., Tarasova M. A. (eds.). *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Iss. 15. St. Petersburg, Publ. of St. Petersburg University, 2004. 348 p.
- Maciejewski J. *Słownik chełmińsko-dobrzeński* [Dictionary of the Khelminsko-Dobrzynsky dialects]. Toruń, Poznań, TNT State Scient. Publ. House, 1969. 305 p.
- Martynov V. V., Suprun A. E., Tsyhun, G. A., Kravchuk R. V. (ed.). *Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy* [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Vol. 4. Minsk, Navuka i Tekhnika Publ., 1988. 327 p.
- Mayenowa M. R. (ch. ed.). *Siownik polszczyzny XVI wieku* [Polish Dictionary of the 16th century] / Inst. badac lit. Pol. akad. nauk; Vol. X. Wroclaw etc., Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1976. 674 p.
- Mosin A. G. *Ural'skie familii: Materialy dlya slovaryia* [Ural surnames: Dictionary materials]. Vol. 1. Ekaterinburg, Goschitsky Publ., 2000. 495 p.
- Nikonov V. A. *Geografiya familii* [Geography of surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p.
- Panikarovskaya T. G. (ch. ed.). *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. I–K. Vologda: Publ. of Vologda State Pedagogical University, 1987. 128 p.
- Paraŭn'ska E. Z. [Overview of Russian language borrowings in Polish]. *Molodoi uchenyi*. 2016, no. 7, pp. 1167–1171. (In Russ.)
- Polyakova E. N. *Slovar' permskikh familii* [Dictionary of Perm surnames]. Perm, Kn. Mir Publ., 2005. 462 p.

- Polyakova E. N. *Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka* [Dictionary of the vocabulary of Perm monuments of the 16th – early 18th century]. Vol. 1. Perm, Publ. House of Perm St. Univ., 2010. 428 p.
- Shanskii N. M. (ed.). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. II, Iss. 8. Moscow, Publ. of Moscow Univ., 1982. 470 p.
- Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Vol. II. Kraków, Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego Publ., 1983. 560 p.
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 10. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 256 p.
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond.* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Iss. 10. Moscow, Nauka Publ., 1983. 198 p.
- Varbot Zh. Zh., Zhuravlev A. F. *Kratkii ponyatiino-terminologicheskii spravochnik po etimologii i istoricheskoi leksikologii* [Brief conceptual and terminological guide to etymology and historical lexicology]. Moscow, Vinogradov Russian Language Inst. of the RAS Publ., 1998. 54 p.
- Zaliznyak A. A., Sheveleva M. N. [East Slavic languages. Old Novgorod dialect]. *Yazyki mira. Slavyanskie yazyki* [Languages of the world. Slavic languages]. Moscow, Academia Publ., 2005, pp. 438–444. (In Russ.)
- Zhuravlev A. F. [Weighing explanatory versions in etymological practice (About the word boulder)]. *Russkii yazyk v shkole*, 2012, no. 2, pp. 67–72. (In Russ.)

Термин «злорастворение» в богослужебных текстах: калькирование и переинтерпретация

Анна Вячеславовна Сахарова, Национальный исследовательский ядерный университет
«МИФИ» (Россия, Москва), Sakharova.av@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040095

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется употребление в церковнославянских текстах непонятого термина «злорастворение» (калькированного с древнегреческого сложного слова *δυσκρασία* или его латинского аналога *intemperies* ‘плохое смешение; неумеренность’) и производных от него. Приводятся для сопоставления примеры употреблений этих лексем классических языков. Объясняется, как они отражают восходящие еще к античности представления о правильном, благоприятном сочетании осязаемых качеств погоды. После единственного примера (выражения *злорастворение ветров*), переведенного на славянский с греческого, приводятся примеры с фразеологизмами *злорастворение воздухов* / *злораствореннии воздуси* из оригинальных текстов, авторы которых, скорее всего, калькировали латинскую фразеологию. Объясняется смысл прошений из службы благословения колокола (имеющей католическое происхождение, хотя и не являющейся прямым переводом) — звон его, как считалось, оказывал благотворное влияние на явления, происходящие в воздухе. Также приводятся примеры того, как в связи с широким распространением в России миазматической теории болезней исследуемые выражения переинтерпретировались авторами, не искушенными в классических языках, как плохой запах и заразность воздуха.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянизмы, церковнославянский язык, православная гимнография, перевод с греческого языка на церковнославянский, калькирование, переинтерпретация

для цитирования: Сахарова А. В. Термин «злорастворение» в богослужебных текстах: калькирование и переинтерпретация // Русская речь. 2024. № 4. С. 108–120. DOI: 10.31857/S0131611724040095.

From the History of the Russian Language

Term ‘Zlorastvoreniye’ in Liturgical Texts: Loan Translation and Re-interpretation

Anna V. Sakharova, National Research Nuclear University MEPhI (Russia, Moscow),
Sakharova.av@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes the use of an unclear term “zlorastvoreniye” (traced from the ancient Greek compound word *δυσκρασία* or its Latin analogue *intemperies* “bad mixing; immoderation”) and its derivatives in Church Slavonic texts. The paper gives examples of these classical language lexemes and explains how these terms reflect ideas dating back to antiquity about the correct, favorable combination of tangible qualities of the weather. Apart from a single example (the expression “zlorastvoreniye vetrov”), translated into Slavonic from Greek, the article provides examples with phraseological units “zlorastvoreniye vozdukhov / zlorastvorennii vozdusi” from the original texts, whose authors most likely copied Latin phraseology. The work explains the meaning of the petitions from the blessing of the bell worship (which has a Rome Catholic origin, although is not a direct translation) — bell ringing was believed to have a beneficial effect on the phenomena occurring in the air. Moreover, we present examples of how, in connection with the wide spread of the miasmatic theory of diseases in Russia, the studied expressions were reinterpreted by authors who were not experienced in the classical languages as bad smell and contagiousness of the air.

KEYWORDS: Church Slavonic, Eastern Christian hymnography, translation from Greek into Church Slavonic, archaisms, calques, re-interpretation

FOR CITATION: Sakharova A. V. Term ‘Zlorastvoreniye’ in Liturgical Texts: Loan Translation and Re-interpretation. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2024. No. 4. Pp. 108–120. DOI: 10.31857/S0131611724040095.

Интелектуальное наследие античности оставалось базой средневековой христианской культуры, когда многие ее термины использовались и авторами литургических текстов. Однако для славянского читателя могли быть непонятны такие античные термины, причем не только заимствованные, но и калькированные. Цель данной работы — дать подробный историко-культурный комментарий к непонятному редкому слову *злорастворение* и его производным, присутствующим в богослужебных текстах, но отсутствующим в исторических словарях (для термина *блжорастворение* такая работа уже была проделана в статье [Сахарова 2022], и настоящее исследование отчасти является ее продолжением).

1. В классических языках и переводах гимнографии. В древнегреческом языке существовало понятие *κράσις*, означавшее в том числе «*blending of things which form a compound, as wine and water*» (сочетание веществ, которые образуют смесь, как вода и вино) и «*temperature, of the air* (температура — о воздухе)» [Liddel, Scott 1996] (латинские *temperatura* и *temperamentum* являются кальками этого слова [Lewis, Short 1879]). Считалось, что все вещи характеризуются двумя основными парами осозаемых качеств: холодом и жаром, влажностью и сухостью (так в трудах и Аристотеля и предшествовавших ему мыслителей [Lloyd 1964; Porter 1999: 57, 91]), поэтому соотношение жара и холода было их смешением *κράσις*. Выражения *εὐκρασία αἰέρον* (хорошее смешение воздуха) или *αἶρ εὐκράτος* (хорошо смешанный воздух) означали благоприятную, умеренно теплую погоду (реже — умеренно влажную, без засухи или потопов) и переводились в церковнославянской гимнографии как *блжорастворение възду́хвъ/блжорастворении възду́си* [Сахарова 2022]. Их антонимы *δυσκρασία αἰέρον* и *αἶρ δύσκρατος* означали слишком жаркую или холодную погоду:

πρὸς δύσει μὲν οὖν καὶ ἀνατολῇ θάλαττά ἐστιν ἡ περατοῦσα, πρὸς δὲ τὰ νότια καὶ τὰ βόρεια ὁ αἶρ, ὁ μὲν μέσος εὐκράτος ὢν καὶ φυτοῖς καὶ ζώοις, ὁ δ' ἐφ' ἑκάτερα δύσκρατος ὑπερβολῇ καὶ ἐλλείψει τοῦ θάλπου [Strabo. 2/3/1] — На западе и востоке находится море, устанавливающее ее [умеренной зоны]

пределы, а на юге и севере — воздух, так как воздух в этих пределах имеет хорошее «смещение» для животных и растений; воздух же по обеим сторонам ее пределов имеет плохое смещение в силу изобилия или недостатка тепла [Страбон. 2/3/1];

εὐκρασία δ' αἰέρων καὶ δυσκρασία κρίνεται παρὰ τὰ ψύχη καὶ τὰ θάλλη καὶ τὰ μεταξύ τούτων, ὥστ' ἐκ τούτων ἀνάγκη τὴν νῦν Ἰταλίαν... τῆς εὐκράτου μετέχειν [Strabo. 6.4.1] — *Благоприятная и неблагоприятная температура воздуха определяется холодом, жарой и промежуточными между ними состояниями. Вследствие этого необходимо принять, что теперешняя Италия... принадлежит к умеренному поясу* [Страбон. 6.4.1].

При том существовало и выражение *δυσκρασία τοῦ περιέχοντος* «плохие смещения окружающей среды», т. е. «дурная погода, дурной климат» [Liddel, Scott 1996].

τὴν δὲ πλείστην φθορὰν ἀπορία τοῦ ἀναγκαίου καὶ δυσκρασία τοῦ περιέχοντος ἀπειργάσαντο τῆς στρατιᾶς, [Plutarch. Alexander. 58] — *войско же его больше всего страдало от недостатка в съестных припасах и от скверного климата* [Плутарх. Александр. 58].

В классической латыни был похожий фразеологизм со словом *intemperies* («intemperateness (неумеренность, букв. — плохое смещение)» [Lewis, Short 1879]) — *intemperies caeli/coeli*, означавший дурную погоду, ненастье:

Foedus insequens annus seu intemperie caeli seu humana fraude fuit, M. Claudio Marcello C. Ualerio consulibus [Titus Livius 8.18] — *a terrible year succeeded, whether owing to the unseasonable weather or to man's depravity* (наступил ужасный год, то ли из-за неблагоприятной погоды, то ли из-за человеческой испорченности) [Livy 8.18].

В средневековой же латыни к нему добавился фразеологизм *intemperies aeris*, который обозначал и неблагоприятную температуру и неправильную влажность/сухость:

in mensibus Iulii et Augusti, et Septembris, in quibus Romae aeris intemperies esse solet, ad haec canonicos volumus non astringe (в месяцах июле, августе и сентябре, когда в Риме обычно неумеренность погоды, мы не хотим быть связанными этими правилами) Gregorius I, Constitutiones Lateranenses, 78, 1395A [Corpus Corporum];

intemperies aeris pravaluit in tantum, quod vina et multe fruges ex habundancia pluviarum et ex defectu estivi caloris immatura permanserunt ([неумеренность погоды преобладает до такой степени, что виноград и многие плоды остались незрелыми из-за обилия дождя и отсутствия летней жары]) *Chronica Sancti Petri Erfordensis moderna*, 150, 207; 783 [Corpus Corporum];

Nunc autem coelorum et aeris intemperies, qualis erat vel per nimias pluvias imminente diluvio, vel per nimiam siccitatem in temporibus Eliae (Но теперь неумеренность небес и погоды такие, как было из-за сильных дождей на-двигающегося потопа или из-за сильной засухи во времена Илии) Gerhohus Reicherspergensis, Commentarius aureus in Psalmos et cantica ferialia, 193, 1120D [Corpus Corporum].

Более редким его синонимом было в средневековой латыни выражение *aer intemperatus*:

Anno millesimo trecentesimo sexto decimo, circa diem Maii, creverat penuria et karistia; et fuit in nostro climate aer intemperatus (В 1316 г., примерно со дней мая, скудость и нищета увеличивались; а в наших местах погода была неумеренной) [Gilles le Muisit: 89].

Вообще в греческом языке средневековой гимнографии понятие *δυσκρασία* означало необязательно неправильное смешение четырех аристотелевских качеств, но и неумеренное проявление любой силы:

Ευχὴ ἐπὶ δυσκρασίᾳς ἀνέμων καὶ κλύδωνα θαλάσσης (молитва при неумеренности ветров и волнении моря) [Euchologion 1862: 559] — Молитва ѿ злорастворѣній вѣтровъ и бурь морскихъ [Большой требник 1884/1995: 225]¹. Славянский перевод этой молитвы известен как минимум с московского Требника 1639 г. [Андреев 2021].

В латинском переводе XVII в. этой греческой молитвы это название передано как *In aeris intemperiam et maris procellam oratio* [Goar 1647/1730: 636], т. е. латинский фразеологизм *intemperies aëris* здесь обозначает уже не экстремальную температуру или влажность/сухость, но и бурю как опасное расстройство погоды вообще.

2. В оригинальных гимнографических текстах. В этом более общем значении выражения *злорастворения воздухов* и *злорастворенный воздухъ* появляются и в оригинальных славянских текстах из современных церковнославянских требников, на которых мы и остановимся подробно. Это прежде всего прошения из чина во время безведрия (т. е. чрезмерных дождей):

Ѽ еже поманѣти зѣвѣтъхъ (договор) свой, ѿже къ Нѡю, и не расгѣити безгѡдноу (постоянной) мокротѡю, и мрачными злорастворными въздухѡми, и тѣмноу мглоу зѣмлю и ницнѣхъ людеѣ своиѣхъ ... Гдѣ помѡлимся [Большой требник 1884/1995: 205];

¹ Ср. древнегреческий фразеологизм *εὐκρατος ἄνεμος* «умеренный ветер» с церковнославянским переводом *вѣтръ вѣгѡрастворѣнный* [Сахарова 2022].

поцадѣн, поцадѣн, Щѣдре, людіи безѡвѣстныа, ѿ не расцвѣти наса безгѡбными дождѣвными лѣтними и злорастворѣніемъ воздѣшными, но подѣждь вѣдро (сухость), ѿ оумножи плоды земныа [Большой требник 1884/1995: 206].

Этот чин во время безведрия — оригинальная славянская служба из требников первой половины XVII в., он отсутствует и в греческом богослужении [Прилуцкий 1912: 328] и у римо-католиков (в базе католических литургических текстов [USUARIUM] легко найти многочисленные службы об избавлении от засухи, бури, ударов молнии и града, но не от сильных дождей). Возможно, такая служба стала актуальной у восточных славян после знаменитого голода 1601–1603 гг., вызванного аномальными дождями и холодами, т. е. злорастворѣніемъ воздѣшными.

Также обратим внимание на прошение из службы благословения кивота для мощей:

... ѿзбави, сохрани ѿ невреда сохрани ѡ покрежденію мѡлніи, злорастворѣній воздѣшныхъ, ѡ града, губительства (эпидемии), трѣса (землетрясения), потѡпа, ѡгна, меча, нашествіа иноплемѣнникъ, ѿ междоубовныа браніи, ѿ всѣхъ смертоносныа раны [Благословение кивота].

Чин благословения кивота для мощей впервые появляется в Требнике Петра Могилы [Требник 1646: 121] и очень близок текстуально соответствующему католическому чину [Прилуцкий 1912: 116–118]² De benedictione capsarum pro reliquiis, et aliis sanctuariis includendis (О благословении ящиков для мощей и хранения других священных предметов) из епископского требника Pontificale Romanum, составленного к 1595 г. и не редактировавшегося до 1961 г. [Dippio 2013]. В чине благословения кивота для мощей католический епископ молится о помощи:

... contra fulmina et tempestates, contra grandines, et varias pestes, contra corruptum aerem, et mortes hominum, vel animalium... contra malorum hominum adinventiones pessimas... [... против молний и бурь, против града и различных зараз, против испорченного воздуха и гибели людей или животных... худших козней злых людей] [Pontificale Romanum 1895: 421].

Особенно часты исследуемые выражения в другой службе того же происхождения — чине благословения колокола:

ѡ еже [чтобы] гласомъ звѣніа сгѡ оутѡлѣтися ѿ оутѣшитися ѿ прѣстѣти крѣмъ вѣтрѡмъ сѣльнымъ (сильным), вѣрѡмъ же, громѡмъ ѿ мѡлніа, ѿ крѣмъ вѣдными безвѣдрѡмъ (сильным дождямъ), ѿ злорастворѣнными воздѣшными, Гдѣ помѡлимся.

² Со времен Петра Могилы эти тексты существенно не редактировались, но заметим только, что у него вместо злорастворѣнный было употреблено прилагательное злораствѡрный.

...да оутолѣтѣа же и оутѣшѣтѣа, и прѣстѣнѣтъ и нападѣющѣа бѣри вѣтрѣнныа, грады же и вѣхри и грѣмы стрѣшнѣи и мѡлѣи, и слодѣтвѣрѣннѣи и вѣднѣи воздѣху глѣгомѣ сгѡ.

... да глѣх зѣвѣнѣи сгѡ оутѣшѣа, прѣтѣнныа воздѣшныа сѣлы далѣче ѡ ѡграды вѣтрѣх твоѣх ѡстѣпѣтъ, и всѣ разѣжѣнныа [разожженные] нѣх огнѣнныа, аже на насѣ, стрѣлы оутѣшѣтъ, трѣскѣи же мѡлѣи, нападенѣе града, и всѣ вѣдныа воздѣхы слодѣтвѣрѣнѣи, всѣилюю и крѣпкою десницѣю прогонѣи и оутѣрѣжѣи да оутолѣтѣя

... скѡрых же ко всѣкомѣ блѣомѣ дѣлѣ твоѣю сѣлою сотвори, и зѣвѣа насѣ ѡ вѣхѣх навѣтѣх вѣрѣи: и невѣдных [невредимых] ѡ слодѣтвѣрѣнных воздѣхы зѣвѣтѣи сѡблѣа [Благословение кампана].

Чин благословения колокола греческой церкви не известен, впервые появляется в требнике Петра Могилы [Требник 1646: 136] и принадлежит к числу служб, вдохновленных римско-католическими образцами [Прилуцкий 1912: 120–123]. Католический требник *Rituale Romanum* со службой *De benedictione signi vel campanae* (О благословении сигнала, или колокола) был издан в 1614 г., когда римско-католическая Церковь занималась стандартизацией и пересмотром разнообразных богослужебных книг, и не подвергался существенной редактуре до XX в. [Fortescue 1912]. Молитвы священника в нем — тоже об отгнании бурь и непогод, болезней и злых духов:

ubicumque sonuerit hoc tintinnabulum, procul recedat virtus insidiantium, umbra phantasmatum, incursio turbinum, percussio fulminum, laesio tonitruorum, calamitas tempestatum, omnisque spiritus procellarum; [когда бы ни прозвучал этот колокол, пусть отступят козни подстерегающих, тени призраков, вторжения ураганов, удары молний, раскаты грома, бедствия штормов и любой бурный ветер] [Rituale Romanum 1873: 445];

procul pellantur omnes insidiae inimici, fragor grandinum, procella turbinum, impetus tempestatum; temperentur infesta tonitrua; ventorum flabra fiant salubriter, ac moderate suspensa; prosternat aëreas potestates dextera tuae virtutis; ut hoc audientes tintinnabulum contremiscant, et fugiant ante sanctae crucis Filii tui [пусть разрушатся все козни вражеские, грохот града, дуновения ураганов, неистовства бурь; пусть умерятся опасные удары грома; порывы ветра пусть будут здоровыми, умеренной силы; пусть правая рука твоей силы низвергнет силы воздушные, чтобы, услышав этот колокол, они трепетали и бежали от святого креста твоего Сына] [Rituale Romanum 1873: 449].

Однако при всем сходстве содержания в этих латинских службах нет уже упоминавшегося выражения *intemperies aeris*. Среди образованных православных польско-литовского королевства церковнославянский

воспринимался как аналог католической латыни [Успенский 2002: 394]), поэтому авторы Требника Петра Могилы сами породили исследуемые фразеологизмы по латинскому образцу, обозначая ими вообще ненастную, опасную погоду, с которой призван бороться колокол в Европе.

У католиков чины освящения колоколов подобного содержания известны с VIII в. [Thurston 1907] и с тех же времен распространен обычай отгонять звоном церковного колокола бурю, грозу, град и звонить во время эпидемии [Price 1983: 122–129]: что град или буря, что эпидемия понимались как явления схожего, т. е. воздушного происхождения, которые могут быть вызваны колдовством и действием злых духов, которых колокольный звон лишает силы, именно их латинская служба благословения колокола именует *aereae potestates* (воздушные силы) вслед за Писанием (Еф 2: 2), где дьявола именуют *principem potestatis aeris* — князем силы воздуха. К тому же античная медицина считала, что многие болезни происходят от дурных запахов и паров (миазмов) гниющих субстанций (навоза, помоев, мертвых тел, стоячей воды и т. п.), а в Новое время, когда ученые выяснили, что воздух сам является смесью разных веществ, такие представления распространились еще больше [Porter 1999: 258 etc.; Пироговская 2018: 42–76]. Поэтому при освящении кивота молились об отгнании *corruptum aerem* (испорченного воздуха). Врачи Нового времени предполагали, что громкие звуки, как колокольный звон или пушечная пальба, способны очистить испорченный миазмами воздух [Harrison 2015: 62]; к тому же издавна считалось, что ветер способен переносить болезнетворные пары и запахи, словно дым или туман, на расстояние, поэтому при освящении колокола и молились, чтоб *ventorum flabra fiant salubriter* (порывы ветра были здоровыми).

Но нет свидетельств того, чтобы на Руси колоколам приписывали подобное влияние на воздух [Есипова 2019].

3. Переинтерпретации церковнославянизмов. В русском литературном языке послепетровской эпохи термин *злорастворение* не привился (по крайней мере, отсутствует в основном корпусе НКРЯ), но подвергся переинтерпретации именно внутри самого церковнославянского языка.

Выражение *злорастворенный воздух* словарь [Сл. Ак.: 882] переводит как «сырой, нездоровый, тлетворный воздух», не приводя, впрочем, конкретных примеров. Такая переинтерпретация похожа на сближение с паронимами *злотворный*, а также *зловонный* (поскольку вонь, как уже говорилось, вредна для здоровья):

Злотворное их <Аквилонов> дыхание не перестает вносить в окрестныя мѣста заразительных испарений (С. Петербургский Меркурий, еженедельное изд. 1793 г. СПб., 1793–[1794]. Ч. II, с. 71);

<Кровь>, истекая из язвы, Воздух вокруг заражала, и дух разносила зловонный (Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссеева описанное в составе ироическия пиимы Василием Тредиаковским. СПб., 1766. Т. II, с. 44) [Бархударов (гл. ред.) 1995].

Она логична с точки зрения миазматической теории, когда точно так же выражение *блгорастворенный воздух* стало означать не ‘благоприятная погода’, а ‘воздух благовонный, полезный для здоровья, чистый от миазмов’ [Сахарова 2022]. Это также подтверждает *Последование во время губительнаго мора скотов* (такая служба отсутствует у греков и впервые появляется очень поздно — в Дополнительном Требнике (Киев, 1866 (л. 90об. – 91)) [Ткаченко 2013]; чин благословения больного скота присутствует в католическом требнике [Rituale Romanum 1873: 509], но не имеет никакого текстуального сходства с этим):

...прѣзри (посмотри) млѣтвѣннѣ на скотѣ ѿѧ, тѣѧжнѣмѣ недѣѧгомѣ ѿ людемѣ болѣзнью ѿдержѣмѣмѣ, ѿ силѣю Твоегѣ блгословенїѧ скѣрѣ ѿѧ ѿцелѣи, ѿ ѣтѣлѣмѣ болѣзнь, воздуха злорастворенїе, гѣбѣцѣе ѿхѣ, въ блгѣдѣствѣренїе прѣтѣвори (преврати) [Сельский требный сборник: 176].

Такое прошение о чистоте воздуха порождено представлениями о миазматическом происхождении болезней животных: «ветеринария пореформенной эпохи пользовалась понятием “конюшенной миазмы”, понимая под таковой сочетание смрада и заразы: “конюшенная миазма” возникала в грязных стойлах» [Пироговская 2018: 61].

В число стандартных мероприятий по борьбе с эпидемиями колокольный звон в России XVIII–XIX вв. не входил (в отличие от карантинных мер, различных очищений при помощи курений и уксуса и т. п.) [Васильев, Сегал 1960], но все равно даже в службе освящения колокола исследуемый фразеологизм переинтерпретировался и слушателями, и духовенством: «Освященный благодатью Святаго Духа металл получает силу своим звоном очищать воздух от заразы, успокаивать бури. Это выражается в такой молитве: “о еже гласом звенения его утолитися и утишитися и престати всем ветром зельным, бурям же, громом, и молниям и всем вредным безведриям и злорастворенным воздухом, Господу помолимся”» [Трифон 1910: 11].

В целом, исследование показало, как церковнославянский термин «злорастворение» восходит к античным натурфилософским понятиям, в текстах Требника отражая скорее дистрибуцию латинского термина *intemperies* «плохое смешение, неумеренность». А позже он, как и другие малопонятные слова, переосмыслился, смешиваясь с паронимами.

Источники

Благословение кампана — Чин благословения кампана, сиречь звона // Требник [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/cu/chin-blagosloveniia-kampana-ili-zvona/> (дата обращения: 01.02.2024).

Благословение кивота — Чин благословения нового кивота, или иного коего сосуда, или коего либо хранилища крестообразно или инако к хранению мощей святых сооруженного // Требник [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/cu/chin-blagosloveniia-novago-kivota-k-hraneniyu-moshhej-svyatyh-sooruzhennago/> (дата обращения: 01.02.2024).

Большой требник. СПб.: Издание Свято-Троице-Сергиевой лавры, 1995 (Репринт 1884). 824 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).

Плутарх. Александр — Александр // Плутарх. Сравнительные жизнеописания; изд. 2-е, испр. и доп. Т. II.: Пер. М. Н. Ботвинника и И. А. Перельмутера. М.: Наука, 1994. 672 с.

Прилуцкий В. Д. Частное богослужение в Русской церкви в 16 и первой половине 17 в. Киев, б/и, 1912. 450 с.

Сельский требный сборник. М.: Изд-во Мос. Патр., 2016. 432 с.

Сл. Ак. — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822, ч. 1–6. Ч. 2. 1809. 1178 с.

Страбон. География: в 17 кн. Пер. Г. А. Стратановского под ред. проф. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994 (Репр. 1964 г.). 944 с.

Требник 1646 — Εὐχολόγιον, албо Молитвослов, или Требник. Киев, 1646. В 3 ч. Ч. 2.

Трифон (Туркестанов), митр. Поучение о значении колокольного звона. Произнесено 31 октября Трифоном еп. Дмитровским, викарием Московским в с. Горбунове, Моск. губ. Дмитровского уезда. Шамордино: Тип. Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1910. 14 с.

Corpus Corporum — Corpus Corporum: repositoryum operum latinorum apud universitatem Turicensem [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mlat.uzh.ch/MLS/> (дата обращения: 01.02.2024).

Fortescue A. The Roman Rite // The Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company, 1912. Retrieved December 14, 2021 from New Advent. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/13155a.htm> (дата обращения: 01.02.2024).

Gilles le Muisit 1906 — Chronique et annales de Gilles le Muisit abbé de Saint-Martin de Tournai (1272–1352). Harvard, 1906. 336 p.

Goar 1647/1730 — Euchologion, sive Rituale Graecorum complectens ritus et ordines divinae liturgiae, officiorum, sacramentorum juxta usum Orientalis

Ecclesiae. Interpretatione Latina illustratum, opera Jacobi Goar. Editio secunda. Venetia, 1730. (Paris, 1647). 780 p.

Lewis, Short 1879 — A Latin Dictionary / Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary; revised, enlarged, and in great part rewritten by Charlton T. Lewis, Ph.D. and. Charles Short, LL.D. Oxford: Clarendon Press, 1879. 2019 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0059> (дата обращения: 01.02.2024).

Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. 320 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0057:entry=lo/gos> (дата обращения: 01.02.2024).

Livy. Books VIII–X with an English Translation. Cambridge. Cambridge, Mass., Harvard University Press; London, William Heinemann, Ltd. 1926. 398 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.02.0156:book=8> (дата обращения: 01.02.2024).

Alexander. Plutarch — Alexander. Plutarch. Plutarch's Lives. with an English Translation by Bernadotte Perrin. Cambridge, MA. Harvard University Press. London. William Heinemann Ltd. 1919. 7. 623 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0243%3Achapter%3D7%3Asection%3D1> (дата обращения: 01.02.2024).

Pontificale Romanum 1895 — Pontificale Romanum Jussu Editum a Benedicto XIV et Leone XIII Recognitum et Castigatum // Documenta Catholica Omnia 559 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/01p/1895-1895,_SS_Leo_XIII,_Pontificale_Romanum,_LT.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

Rituale Romanum 1873 — Rituale Romanum Pauli Y. Pontificis Maximi Jussu Editum et a Benedicto XIV. Baltimori, MDCCCLXXIII (1873). 562 p.

Strabo. Geographica. A. Meineke ed., Leipzig: Teubner, 1877. 814 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=urn:cts:greekLit:tlg0099.tlg001.perseus-grc1:10.5.15> (дата обращения: 01.02.2024).

Thurston H. Bells // The Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company. Retrieved December 14, 2021 from New Advent. 1907. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/02418b.htm> (дата обращения: 01.02.2024).

Titus Livius. The History of Rome // Livy. Charles Flamstead Walters. Robert Seymour Conway. Ab urbe condita. Oxford. Oxford University Press. 1919. 420 p.

USUARIUM. A Digital Library and Database for the Study of Latin Liturgical History in the Middle Ages and Early Modern Period [Электронный ресурс]. URL: <https://usuarium.elte.hu> (дата обращения: 01.02.2024).

Ευχολόγιον 1862 — Εὐχολόγιον τὸ μέγα. Ἐκδοσις δέττερα, σπουδῇ καὶ ἐπιστάσι Σπυρίδωνος ἱερομον. Ζερβοῦ. Ἐν Βενετίᾳ, 1869. 696 p.

Литература

- Андреев А. А. Печатные издания Служебника и Требника в Москве в первой половине XVII в.: вопросы состава // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 35. С. 66–115.
- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. СПб.: Наука, 1995. 256 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/08/sl819704.htm> (дата обращения: 01.02.2024).
- Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России: Материалы и очерки. М.: Медгиз, 1960. 395 с.
- Есипова М. В. Колокольные звоны // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/music/text/5563582> (дата обращения: 01.02.2024).
- Пироговская М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 392 с.
- Сахарова А. В. Благорастворение: античная натурфилософия в церковнославянской гимнографии // Русская речь. 2023. № 2. С. 106–119.
- Ткаченко А. А. Бедствия стихийные // Православная энциклопедия. Т. 4. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2002. С. 436–439. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/77782.html#part_7 (дата обращения: 01.02.2024).
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
- Dipippo G. Compendium of the 1961 Revision of the Pontificale Romanum – Part 13: The Blessing of a Reliquary (1595 & 1961) // New Liturgical Movement [Электронный ресурс]. URL: https://www.newliturgicalmovement.org/2013/08/compendium-of-1961-revision-of_9.html#.YbiFL_nP1PY (дата обращения: 01.02.2024).
- Harrison M. Plants and the Plague. The Herbal Frontline. 2015. 234 p.
- Lloyd G. The Hot and the Cold, the Dry and the Wet in Greek Philosophy // The Journal of Hellenic Studies. 1964. Vol. 84. P. 92–106.
- Porter R. The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. London: Fontana Press, 1999. 493 p.
- Price P. Bells and Man. Oxford, 1983. 288 p.

References

- Andreyev A. A. Pechatnyye izdaniya Sluzhebника I Trebnika v Moskve v pervoy polovine XVII v.: voprosy sostava [Printed editions of the Missal and Trebnik in Moscow in the first half of the 17th century: issues of composition]. *Vestnik Yekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*, 2021, no. 35, pp. 66–115. (In Russ.)

- Barkhudarov S. V. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 8. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 256 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/08/sl819704.htm> (accessed 01.02.2024).
- Dipippo G. *Compendium of the 1961 Revision of the Pontificale Romanum – Part 13: The Blessing of a Reliquary (1595 & 1961). New Liturgical Movement.* Available at: https://www.newliturgicalmovement.org/2013/08/compendium-of-1961-revision-of_9.html#.YbiFLnP1PY (accessed 01.02.2024).
- Harrison M. *Plants and the Plague. The Herbal Frontline.* 2015. 234 p.
- Lloyd G. The Hot and the Cold, the Dry and the Wet in Greek Philosophy. *The Journal of Hellenic Studies*, 1964, vol. 84, pp. 92–106. (In Eng.)
- Pirogovskaya M. *Miazmy, simptomy, uliki: zapakhi mezhdu meditsinoy i moral'yu v russkoy kul'ture vtoroy poloviny XIX veka* [Miasmata, symptoms, and evidence. Smells in Russian culture, 1850–1900s: between medicine and morals]. St. Petersburg, Publ. House of the European Univ. at St. Petersburg, 2018. 392 p.
- Porter R. *The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present.* London, Fontana Press, 1999. 493 p.
- Price P. *Bells and Man.* Oxford: Oxford Univ. Press, 1983. 288 p.
- Sakharova A. V. Blagorastvoreniye: antichnaya naturfilosofiya v tserkovnoslavyanskoy gimnografii ['Blagorastvoreniye': ancient natural philosophy in Church Slavonic hymnography]. *Russkaya rech'*, 2023, no. 2, pp. 106–119. (In Russ.)
- Tkachenko A. A. [Natural disasters]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Christian encyclopedia]. 2013, vol. 4, pp. 436–439. Available at: https://www.pravenc.ru/text/77782.html#part_7 (accessed 01.02.2024) (In Russ.)
- Uspenskiy B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (11th–17th centuries)]. 3rd ed., revised. Moscow, Aspekt Press, 2002. 558 p.
- Vasil'yev K. G., Segal A. Ye. *Istoriya epidemiy v Rossii: Materialy i ocherki* [History of epidemics in Russia: Materials and essays]. Moscow, Medgiz Publ., 1960. 395 p.
- Yesipova M. V. [Bell ringing]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://old.bigenc.ru/music/text/5563582> (accessed 01.02.2024).

К 100-летию Галины Александровны Золотовой

Надежда Константиновна Онипенко¹, Елена Николаевна Никитина²,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН¹, Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН² (Россия, Москва), onipenko_n@mail.ru¹, yelenon@mail.ru²

DOI: 10.31857/S0131611724040106

АННОТАЦИЯ: Авторы статьи с любовью и благодарностью вспоминают своего учителя — профессора Галину Александровну Золотову (1924–2020), автора концепции функционально-коммуникативной грамматики, и анализируют ее вклад в современную русистику. Особое внимание уделяется высказанным Г. А. Золотовой идеям, которые опередили свое время и впоследствии получили разработку в исследованиях авторов различных научных направлений: триединство формы-значения-функции значимых языковых единиц, косвенный падеж подлежащего, невербализованный субъект восприятия (фигура наблюдателя), неглагольные предикативные конструкции, взаимозависимость компонентов предикативной основы предложения. Прослеживается преемственность между научными интересами академика В. В. Виноградова и Г. А. Золотовой, которая оставалась преданной его ученицей на всем протяжении своей научной деятельности: она обосновала функции видо-временных форм в тексте, разрабатывала идею субъектной многоплановости высказывания и текста. Обозначена роль основного принципа научного метода Г. А. Золотовой — семантика как часть синтаксиса. Синтетизм как принцип мышления позволил ей соединять в своем научном творчестве единицы разного уровня сложности и объема (синтаксемы, словосочетания, модели предложения, текст), соединять синтаксис и морфологию, грамматику и текст.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: функциональная грамматика, семантика, синтаксис, конструкция, Г.А. Золотова

для ЦИТИРОВАНИЯ: Онипенко Н. К., Никитина Е. Н. К 100-летию Галины Александровны Золотовой // Русская речь. 2024. № 4. С. 121–127. DOI: 10.31857/S0131611724040106.

Science and Persons

On the 100th Birthday Anniversary of Galina Aleksandrovna Zolotova

Nadezhda K. Onipenko¹, Elena N. Nikitina², Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences¹, Federal Research Center «Computer Science and Control» of the Russian Academy of Sciences² (Russia, Moscow), onipenko_n@mail.ru¹, yelenon@mail.ru²

ABSTRACT: The authors of the paper remember their teacher, professor Galina Aleksandrovna Zolotova (1924–2020) with love and gratitude and value her linguistic heritage. The article analyzes her contribution to modern Russian studies. Semantics as a part of syntax was the main principle of G. A. Zolotova's linguistic method who was the author of the concept of functional-communicative grammar. Because of the syntheticism in her thinking, she was able to explore syntactic units and objects of different levels of complexity and volume (syntactic words, word combinations, sentence models, texts), as well as combine syntax and morphology, grammar and text in her linguistic studies. The authors of the paper pay special attention to the ideas of Zolotova, which anticipated their time, and are close to the those, developed much later by linguists of various linguistic directions and movements: the trinity of form-meaning-function of linguistic units, the indirect case of the subject of a sentence, the non-verbalized subject of perception (the figure of the observer), non-verbal predicative constructions, the irreducibility of the meaning of a syntactic whole (construction) to the sum of its parts. The authors of the paper specially trace continuity between the linguistic interests of Academician V. V. Vinogradov and G. A. Zolotova, who remained his devoted student throughout her linguistic activity.

As a follower of Vinogradov, she studied the functions of aspect-temporal forms of verb in texts, and introduced the concept of subject perspective of an utterance and a text.

KEYWORDS: functional grammar, semantics, syntax, construction, G. A. Zolotova

FOR CITATION: Onipenko N. K., Nikitina E. N. On the 100th Birthday Anniversary of Galina Aleksandrovna Zolotova. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 4. Pp. 121–127. DOI: 10.31857/S0131611724040106.

4 августа 2024 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося филолога-русиста Галины Александровны Золотовой. Ее вклад в лингвистику со временем становится все более ощутимым: Галины Александровны нет с нами уже более четырех лет, но ее научное наследие живо, а само развитие современной русистики подтверждает актуальность и плодотворность ее научных идей, прозрений, интуиций.

Исходной точкой мышления для Галины Александровны был синтаксис, который она понимала широко — от словоформы, словосочетания и предложения до уровня текста. В дипломной работе (1949), написанной под руководством академика В. В. Виноградова, Г. А. Золотова анализировала синтаксические особенности повествовательного текста, в кандидатской диссертации (1954) рассматривала глагольные словосочетания, в докторской (1971) — представила системно-функциональный взгляд на русский синтаксис, в конце 1980-х годов сформулировала принципы и предложила понятийный аппарат для функционально-грамматического анализа текста. В начале 1990-х годов она обобщила достигнутое на предшествующих этапах своей научной деятельности, сформировав концепцию функционально-коммуникативной грамматики русского языка, в рамках которой продолжала работать до конца своих дней. Основные положения концепции были представлены в коллективной монографии «Коммуникативная грамматика русского языка» (Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова, 1998; 2004), которая была отмечена Шахматовской премией 2003 года.

Уже в конце 1960-х годов Г. А. Золотова сформулировала свое лингвистическое кредо: без семантики нет синтаксиса, иными словами — синтаксис начинается тогда, когда в действие вступает семантика. Такое понимание синтаксиса она назвала функциональным. В 1973 году выходит «Очерк функционального синтаксиса русского языка», в котором

Г. А. Золотова обосновывает представление значимой единицы языка как триединства формы, значения и функции, разделив тем самым понятия значения и функции и понимая функцию как роль компонента в организации конструкции более высокого уровня. Через 10 лет Ю. С. Степанов, основываясь на семиотическом подходе, будет писать о трехмерности языка (см. его книгу «В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства)»).

В триаде форма-значение-функция приоритетным Г. А. Золотова считала значение, которое понимала грамматически — как единство трех составляющих: лексического, семантического и категориально-грамматического. Именно интерес к семантике позволил ей на единых основаниях описать систему минимальных синтаксических единиц — синтаксем («Синтаксический словарь», 1988), представить систему русских моделей предложения с опорой на категориально-грамматическое значение их компонентов (1978), предложить семантико-синтаксическую классификацию русских глаголов (1998).

Отличие научного мышления Г. А. Золотовой было в том, что в своем научном творчестве она двигалась не от дедуктивно созданной теории, а от реального языкового материала к теории, вырастающей из этого материала. В то время, когда многие требовали четкого разграничения синтаксиса и семантики, Г. А. Золотова писала о том, что залогом единства синтаксической конструкции является ее типовое значение и что компоненты модели находятся в отношениях взаимной обусловленности.

В эпоху вербоцентризма, когда считалось, что глагол определяет синтаксическую конструкцию и что «именные группы» задаются валентностями глагола, Г. А. Золотова говорила о принципиальной двусоставности предложения, которая может быть реализована в разных конструкциях: одни предполагают взаимную обусловленность именных и глагольных компонентов, другие строятся без участия глагола. Она отстаивала положение о том, что предикативность — это приписывание предмету признака в категориях модальности, времени и лица и что предикативность является свойством предложения, а не привилегией спрягаемо-глагольной формы. Поскольку способы выражения предикативных (приписываемых) признаков соотнесены с системой полнозначительных частей речи данного языка, Г. А. Золотова выделила пять центральных моделей предложения (1978).

В книге «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» (1982) Г. А. Золотова вводит термины «изосемический» и «изосемичность» для характеристики разряда слов внутри части речи и для классификации моделей русского предложения. Изосемичность (и изосемия) — это совпадение категориально-грамматического значения части речи и категориального

значения данного слова, категориального значения части речи и категориального значения предиката. Принцип изосемии был использован Г. А. Золотовой и для описания морфологической системы русского языка — для полевого представления части речи, т. е. для разграничения изосемических (центральных) и неизосемических (периферийных) рядов слов внутри части речи.

Понятие изосемии позволило обосновать косвенный падеж подлежащего (идея, которая была выдвинута Г. А. Золотовой в книге 1973 г.) для моделей предложения с типовым значением состояния (*Брату весело*) и количества (*Братьев пятеро*). Позже возможность неноминативного подлежащего стала обсуждаться в типологической лингвистике — с конца 1970-х гг. (И. Ш. Козинский, А. Е. Кибрик, А. В. Циммерлинг, А. Б. Летучий). Если Г. А. Золотова исходила из наблюдений над фактами одного языка и опиралась на языковое чутье носителя русского языка, не предлагая формальных критериев, то типологическая лингвистика разработала формально-логические способы определения подлежащего, что впоследствии получило название многофакторного подхода.

Г. А. Золотова стремилась увидеть семантическую сущность форм слова. Инфинитив она определяла как форму, выражающую «потенциальную модальность», безличную форму глагола — как способ выражения «инволютивности». Представляя синтаксическую систему русского языка как сложное взаимодействие синтаксических полей, Г. А. Золотова делила модели предложений на исходные и производные.

Унаследовав от своего учителя В. В. Виноградова синтетизм мышления, Г. А. Золотова видела объект во всей его сложности и в его взаимодействии с другими объектами. Так, обратив внимание на вид глагола в рамках синтаксической конструкции, Галина Александровна соединила проблематику вида, семантику глагола и функции видо-временных форм на уровне текста. В отличие от других исследователей, ставивших перед собой задачу поиска инвариантного значения вида, обнаружения условий образования видовой пары, Г. А. Золотова наблюдала поведение видо-временных форм в реальных текстовых условиях и пришла к выводу о том, что сущность вида обнаруживается на уровне текста и состоит она в том, чтобы организовывать текстовое время, ускорять его за счет совершенного вида, замедлять или останавливать — за счет несовершенного, что в ее терминологии получило название текстовых функций видо-временных форм.

Как и проблематику видо-временных форм, Г. А. Золотова унаследовала от своего учителя интерес к категории лица и проблеме субъекта в предложении и в тексте. В то время как В. В. Виноградов разрабатывал категорию «образа автора» в классическом нарративе, Г. А. Золотова писала

о «субъективированной подаче информации» в предложении и ввела понятие авторизации как способа осложнения исходной модели предложения. В книге 1973 года она различает квалифицирующую авторизацию, авторизацию восприятия, авторизацию обнаружения; обращает внимание на субъекта восприятия и отмечает, что он часто вытесняется за пределы синтаксической конструкции. Позже это свойство субъекта восприятия будет обсуждаться в связи с проблемой Наблюдателя как Эксперимента в ранге «За кадром» (Е. В. Падучева, 1996, 2004, 2006).

С начала 1980-х Г. А. Золотова разрабатывала грамматические понятия для анализа текста. Такими понятиями стали «коммуникативный регистр речи», «рематическая доминанта», «субъектная перспектива» высказывания и текста. В монографии 1998 г. была предложена модель четырех ступеней интерпретации текста, которая позволяет соединить грамматические категории с анализом текста.

В начале 2000-х годов идеи Г. А. Золотовой пришли в школу. В соавторстве со своими учениками и единомышленниками она написала учебник «Русский язык. От системы к тексту» для классов гуманитарной специализации, который получил высокую оценку в педагогической среде.

Принципиальный и тонкий исследователь, Г. А. Золотова умела писать просто и красиво о сложном, поэтому ее статьи охотно принимали журналы, адресованные коллегам-лингвистам, широкому заинтересованному читателю, преподавателям вузов и школы и даже школьникам. Она была желанным автором журнала «Русская речь», который печатал ее работы с 1968 года.

Научная деятельность Г. А. Золотовой осуществлялась в стенах Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (ранее Институт русского языка АН СССР), в котором она проработала более 50 лет, а педагогическая — в аудиториях МГУ имени М. В. Ломоносова. Она создала собственную научную школу — Школу коммуникативной грамматики, в рамках которой системно-грамматическое описание языка тесно связано с анализом текста, семантические интерпретации опираются не на логико-философские категории, а на интуицию носителя русского языка. Ученики Галины Александровны в своих научных работах развивают идеи своего учителя, передают их студентам в вузах России и за ее пределами.

Г. А. Золотова была признана международным лингвистическим сообществом: ее статьи публиковались во многих странах Европы, она была избрана почетным членом научных обществ Чехии, Болгарии и Франции, ей было присвоено звание Почетного доктора (*honoris causa*) Стокгольмского университета.

Галина Александровна Золотова прожила непростую жизнь. Дочь «врага народа», расстрелянного в 1937 г., в годы Великой Отечественной войны

работавшая на военном заводе, в голодные послевоенные годы закончившая филологический факультет МГУ и в 50-е годы закончившая аспирантуру ИРЯ АН СССР, мать двух дочерей, пришедшая в ИРЯ в 60-х годах младшим научным сотрудником и остававшаяся верной Виноградовской школе русской лингвистики и Институту Виноградова до конца своей жизни, Галина Александровна Золотова испытала все трудности, которые выпали на долю России в XX — начале XXI вв. Она была принципиальной и интеллигентной, умела противостоять трудностям и умела сочувствовать и помогать, умела разглядеть научный талант и поддерживать его, она была сильной и обаятельной женщиной, любящей женой, матерью и бабушкой. Но главное — она была и остается лингвистом, внесшим значительный вклад в развитие русской лингвистической науки. И мы всегда будем ей благодарны!

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *М. А. Пузина*
Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*
Корректор *Н. Н. Занегина*
Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .
Дата выхода в свет .
Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.
Зак. /
Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14
20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+